

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№4
(октябрь–декабрь)

2016

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº4

(OCTOBER–DECEMBER)

2016

УДК 32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№4 (8) (октябрь–декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2016
№4 (8) (October–December)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2016

Содержание:

Яков ШЕМЯКИН. БРИКС в стратегической перспективе	5
Петр ЯКОВЛЕВ. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты	25
Наталья ТРАВКИНА. Президентские выборы 2016 г. в США: итоги и перспективы	41
Владимир ВАСИЛЬЕВ. Эволюция концепции американской исключительности и роль США в мировом порядке	56
Арзу САДЫХОВА, Нармин САДЫХОВА. Мусульманские реформаторы в Западной Европе: от славного прошлого к неопределенному будущему. К постановке проблемы	71
Александр СИДОРОВ. Военно-политическая активность Франции в сахаро-сахельском регионе	88
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Возвращение производства, или новая индустриализация	99
Петр ЯКОВЛЕВ. Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма»	117
Authors	132
Abstracts and Keywords	133

Contents:

Yakov SHEMYAKIN. BRICS in Strategic Perspective	5
Petr YAKOVLEV. Transatlantic Partnership: Context, Significance and Problematic Aspects	25
Natalya TRAVKINA. 2016 US Presidential Elections: Results and Prospects	41
Vladimir VASILEV. Evolution of the Concept of American Exceptionalism and the US Role in the World Order	56
Arzu SADYKHOVA, Narmin SADYKHOVA. Islamic Reformers in Western Europe: From the Glorious Past to an Uncertain Future. Statement of the Problem	71
Alexander SIDOROV. Military and Political Activity of France in the Sahara–Sahel Region	88
Vladimir KONDRATEV. Reshoring or New Industrialization	99
Petr YAKOVLEV. The Economy of Latin America in the Eye of a Perfect Storm	117
Authors	132
Abstracts and Keywords	133

УДК 327; 339

Яков ШЕМЯКИН

БРИКС в стратегической перспективе

Аннотация. Практически во всех публикациях, посвященных объединению БРИКС, справедливо констатируется, что его члены сильно отличаются друг от друга. Но БРИКС существует, это значимая реальность нашего мира. В статье выявляются ключевые факторы, которые способствуют объединению столь разнородных стран. Особое внимание уделяется такой общей особенности мировоззрения, как определенный тип рациональности – ценностная рациональность. Рассматривая специфику этой разновидности рациональности на примере православного «духовного космоса», автор намечает линии сопоставления с другими традициями в рамках БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, национальное государство, цивилизационная традиция, формальная рациональность, ценностная рациональность, российская цивилизация, межцивилизационный диалог, универсализм, многообразие.

Практически в любой из огромного количества публикаций, посвященных объединению БРИКС, констатируется очевидный факт: все его члены очень сильно отличаются друг от друга. Но очевидно и другое: БРИКС существует, это значимая реальность нашего мира. Если это так, значит, наличествуют какие-то факторы, которые способствуют объединению столь разнородных составляющих. Следовательно, необходимо выявить и оценить характер этих факторов. И здесь перед исследователем неизбежно встает альтернатива: либо речь идет о факторах конъюнктурных, действие которых обусловлено только конкретной социально-политической и экономической ситуацией, сложившейся на планете в последние десятилетия (и в этом случае БРИКС не имеет сколько-нибудь значимых стратегических перспектив), либо существуют более глубокие и прочные основы для объединения столь непохожих друг на друга стран. В таком случае речь должна идти о факторах долговременного действия.

Что же объединяет страны БРИКС? Можно ли выделить какую-то основополагающую «сквозную» идею, которая красной нитью проходит через все принятые членами объединения документы, через все выступления его лидеров? По нашему мнению, такой «сквозной» идеей является принцип, в соответствии с которым центр принятия решений по всем жизненно важным вопросам, касающимся той или иной общности, должен находиться внутри соответствующих стран, а не вне их, не в западных центрах. Из этого принципа закономерным образом вытекает, что решение общих проблем, касающихся всех, выходящих за рамки компетенции и возможностей отдельных государств, должно достигаться в результате реального диалога, с учетом интересов всех заинтересованных сторон.

Сведения об авторе: Шемякин Яков Георгиевич – главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук; shemyakin3@gmail.com.

Подобный подход, утверждая полицентрическую структуру организации международного сообщества, означает и глубокое изменение самой направленности процесса мирового развития, а именно – изменение соотношения эндогенных и экзогенных факторов эволюции: усиление значения первых и, соответственно, уменьшение силы воздействия вторых. Стоит напомнить в связи с этим, что именно с утверждения принципа доминирования экзогенных факторов началось развертывание последнего по времени исторического этапа глобализации (примерно с 80–90-х годов XX в.), что выявило, в свою очередь, цивилизационную подоплеку этого этапа как, по преимуществу, «вестернизацию всего мира».

В основе геополитической стратегии БРИКС лежит общая ориентация на усиление значения эндогенных и уменьшение влияния экзогенных факторов развития. Совпадение позиций по этому пункту, судя по всему, имеет для участников БРИКС большее значение, чем очевидные различия экономических и политических систем и существующие противоречия между ними.

Отсюда вытекает и та акцентировка роли национального государства (в противовес распространенным на Западе версиям о «затухании» этого института), которая, несомненно, объединяет всех участников БРИКС. Именно государство является основным субъектом и институциональным рычагом осуществления тех преобразований (в том числе и в сфере международных отношений), к которым стремятся члены БРИКС. В конце концов, в институциональном плане БРИКС – не что иное, как объединение именно национальных государств.

Из охарактеризованной выше общей установки вытекают и преимущественная ориентация на реальную, а не «сервисную» (финансовую) экономику, и особое внимание, уделяемое развитию внутреннего рынка (наряду с активной экспортной политикой, во всяком случае, Китая, Индии и Бразилии). Опора на собственную культурную традицию обеспечивает ценностное обоснование «эндогенной» ориентации во всех ее конкретных проявлениях.

Отнюдь не игнорируя объективное содержание глобализации (углубление, расширение и интенсификацию связей между различными частями мировой системы), все члены БРИКС склонны акцентировать тот факт, что глобальный контекст современного мира – это именно контекст, в котором взаимодействуют различные его составляющие. При этом особо подчеркиваются межгосударственный и межцивилизационный уровни взаимодействия.

Наряду с возрождением на новой основе национального государства, формирование полицентричного мира проявляется в регионализации. На рубеже тысячелетий заметно усилилась тенденция к созданию крупных региональных объединений. По свидетельству многих ученых и аналитиков [См. например: Глобализация...], это стало закономерной реакцией на процесс глобализации – на чрезмерность внешних воздействий, диспропорции мировой экономики и нарастающий гегемонизм в мировой политике. Регионализация (создание нескольких взаимодействующих и конкурирую-

щих интеграционных группировок) означает ориентацию на полицентричную структуру управления мировой системой связей в условиях их интенсификации и «уплотнения – альтернативный глобализации способ организации данной системы. Следует отметить, что в региональных альянсах «страны-члены БРИКС занимают позиции лидеров регионов» [Перспективы..., с. 70].

Со всем этим связана еще одна важнейшая черта, объединяющая членов БРИКС и, одновременно, отделяющая их от «коллективного Запада»: принципиально иное понимание характера и задач модернизации. В отличие от Запада, который склонен считать свою модель модернизации оптимальной и, соответственно, универсально значимой, все без исключения страны БРИКС выдвигают на первый план идею органического синтеза модернизации и собственной цивилизационной традиции. Эта идея лежит в основе общей идентификационной стратегии участников БРИКС [См., например: Шемякин, 2015, с. 31].

Комплекс ценностей модернизации, первоначально сложившийся в Западной Европе к XVII–XVIII вв., опирался на две главные основы: принцип индивидуальной свободы выбора во всех сферах деятельности и рациональный подход к миру. Традиция «осевого времени» (по К. Ясперсу), положенная в основу духовного строя цивилизаций, представленных в БРИКС (идея Абсолюта – духовной первоосновы всего сущего, принцип сопричастности человека Абсолюту, нашедший свое наиболее полное проявление в идее бессмертия души, вытекающий из мысли о сопричастности человека духовному Абсолюту вывод о несводимости его к роли простого функционера или винтика социального или космического целого¹), утверждала качественно новую, гораздо более значительную, чем раньше, роль личности и, соответственно, – человеческого разума [см.: Шемякин, 2015, с.31–37]. Подобная направленность исторически совпадает с модернизационным вектором. В «осевом» наследии всех без исключения стран БРИКС наличествует рационалистическая традиция, повсюду пробивавшая себе дорогу через преодоление антирационалистической контртенденции.

Так, несмотря на глубокое недоверие к человеческому разуму, в мистико-аскетических традициях как православия (византийского происхождения и характера), так и ортодоксального католицизма в конечном счете проявило себя общехристианское начало, в котором изначально заложено было стремление к познанию. Если мир – творение Божье, то долг верующего христианина раскрыть «зашифрованные» в окружающей действительности замыслы Творца. В китайской и в индийской цивилизациях престиж знания и статус людей знания также всегда был исключительно высоким, что, несомненно, способствовало рациональному восприятию ценностей модернизации западного происхождения.

---

1 Эти основные составляющие духовного наследия «осевого времени» прослеживаются и в различных версиях христианства (в том числе католицизма и протестантизма в Бразилии, православия в России, различных христианских конфессий ЮАР), и в трех основных составляющих традиционной культуры Китая – конфуцианстве, даосизме и китаизированном буддизме, и в индуизме.

Интеллектуальные традиции Китая, Индии, России, Бразилии и ЮАР очень сильно отличаются друг от друга. Однако их объединяет одна сущностная общая черта, которая вместе с тем резко отличает их от преобладающего на Западе типа рационализма. Речь идет о так называемой формальной рациональности, в которой, как убедительно показал впервые употребивший эту формулировку М. Вебер, наиболее полно проявился «дух капитализма» [Вебер]. Если обобщить выводы самого Вебера и представителей «веберовского ренессанса» 70–80-х гг. XX в., то можно выделить три признака этого типа рациональности: 1) убеждение в том, что количественная характеристика любой вещи (явления, процесса) – это исчерпывающая ее характеристика, а качественные определения не имеют значения («всеобщая калькулируемость»); 2) раз все можно сосчитать, значит, все можно познать, никаких тайн, недоступных «свету разума», нет и не может быть в принципе; говоря словами Вебера, «мир расколдован» («всеобщая познаваемость»); 3) полностью «просчитанный», познанный мир управляем – во всяком случае, в той его части, которая доступна человеку («всеобщая управляемость») [Шемякин, 2007, с. 89–90; 2008, с. 133]. Как совершенно справедливо отмечала П.П. Гайденко, формальная рациональность – это рациональность как самоцель [Гайденко, с. 23–24], рацию полностью замкнут в данном случае на себя.

Этот тип рациональности, неотделимый от капитализма, наложил, бесспорно, мощный отпечаток на весь мир, в том числе и на нынешних участников БРИКС, и продолжает осуществлять духовную экспансию по сей день. Однако ни на одном из этапов истории он не мог подавить полностью иные виды рациональности, присутствующие в духовном космосе неевропейских цивилизаций. При всей огромной разнице между конфуцианской рациональностью Китая, индуистской рациональностью Индии, попытками обосновать особый «африканский» тип мышления в рамках концепции «убунту» в Южной Африке [См., например: *Rac Africana..*, с. 201–202], иберокатолической рациональностью Бразилии и, опирающимся на византийское наследие православным рацию России – все это разновидности рациональности, которую, вслед за Вебером, можно назвать «ценностной». Здесь ключевое значение придается качественным характеристикам объектов действительности и всегда присутствует представление о некоей высшей цели, которая в конечном счете придает смысл формально-рациональным процедурам. Этот тип рациональности не замкнут на себя и потому открыт для разнообразных путей и способов коммуникации с противоположным полюсом духовного космоса – верой.

Не следует, конечно, думать, что капиталистическая формальная рациональность – это нечто внешнее по отношению к незападному миру. Она, несомненно, в той или иной мере укоренилась и в Китае, и в Индии, и тем более в Латинской Америке, России и Южной Африке. Одна из главных коллизий, развертывающихся в духовном пространстве стран БРИКС, – это столкновение, взаимное переплетение и конфликтное взаимодействие двух качественно различных типов рациональности: – формальной рациональности западного происхождения и характера и ценностной рациональности, опирающейся на духовное наследие соответствующих неевропейских цивилизаций.

Общая идентификационная стратегия, ориентированная на синтез собственной цивилизационной традиции и ценностей модернизации, опирается на единый тип рации-

ональности – ценностную рациональность. То, что этот тип объединяет всех членов БРИКС, свидетельствует о некоей фундаментальной общности подхода к миру и к жизни, что позволяет сделать вывод о наличии важнейшей предпосылки к достижению взаимопонимания не только на конъюнктурном, но и на самом глубоком, цивилизационном уровне.

Ценностная рациональность православного происхождения опирается на мощную духовную традицию. Специфика этой традиции яснее всего проявилась в подходе к решению ключевого для любой цивилизации вопроса о соотношении *универсального* и *локального* измерений исторического процесса.

Вопрос этот оказался камнем преткновения для «фаустовской» цивилизации. Несмотря на все ее великие достижения, проблема соотношения общего и особенного, в том числе – универсального и локального в историческом процессе, до сих пор не нашла сколько-нибудь удовлетворительного решения. Наиболее ярко этот кризис проявился во французской школе «Анналов» [Цивилизации, с. 17; Шемякин, Европа., 2001, с. 17–18]. Западный цивилизационный дискурс явно наталкивается здесь на какие-то внутренние, в нем самом изначально заложенные пределы.

Для цивилизационного сознания Запада (как, впрочем, и иных субэкумен – «классических» цивилизаций мирового масштаба) характерна тенденция отождествлять многообразие с единичным, частным, локальным. Исток этой тенденции можно обнаружить в трудах Платона и Аристотеля, ставших основанием формальной логики. Между тем многообразие в человеческом мире – не только множество отдельных вещей, предметов, явлений, но и огромное разнообразие проявлений универсального.

Хотя в духовном космосе Запада представлены различные, в том числе противоположные, тенденции, в целом для западного дискурса характерно стремление утвердить какой-либо один вид универсализма как *единственно подлинный*. В зависимости от конкретно-исторической ситуации в этой роли могли выступать христианская вера (в том или ином варианте), «формальная рациональность», права человека, социалистический универсализм. Данное явление связано с тенденцией абсолютизировать свой уникальный духовный опыт как единственно истинный [Айзенштадт, с. 65–66; Шемякин, Россия., 2008, с. 134]. Либеральный плюрализм эпохи «второго осевого времени» также не дал кардинального решения этой проблемы, поскольку универсализм прав человека оказался глубоко чужд как иным видам универсализма, так и многим особенностям неевропейских цивилизаций. Защита прав человека может обернуться (и не раз оборачивалась) отрицанием прав тех, кто придерживается иных представлений о соотношении личности, общества и власти, основывается на принципиально отличном от западного подходе к решению ключевых проблем человеческого существования и, соответственно, на качественно иной логике.

Постмодернизм, который, казалось бы, декларировал признание любых традиций, вообще отказался от идеи универсального измерения исторического процесса, постулирував реальность существования только особенного (в противовес всеобщему),

в том числе отдельных культур и цивилизаций. По словам современного немецкого философа Г. Рормозера, «постмодерн означает конец возможности мыслить идею единства и всеобщности (тотальности)» [Рормозер, с. 81].

Исторический опыт человечества в целом и, в особенности, цивилизаций «пограничного» типа свидетельствует, что претензии любого вида универсализма на монопольное владение истиной безосновательны. Особенно ценен опыт «пограничных» цивилизаций России и Латинской Америки, планетарный масштаб которых обуславливает чрезвычайно высокий уровень многообразия не только частного, отдельного, но и универсального. Действительность этих цивилизаций предстает в этом ракурсе как многовековое конфликтное сосуществование различных разновидностей универсализма, основанных на принципиально отличающихся друг от друга подходах к миру и, соответственно, логиках [См.: Шемякин, Европа..., 2001; он же, Дискурс..., 2001, с. 79–96; он же, идентичность..., 2016].

Картины мира, в которых фиксируется способ решения коренных экзистенциальных проблем, вообще невозможно совместить в рамках формальной логики, логики Аристотеля. Здесь необходим иной подход. По-видимому, совсем не случайно в ареале одного из первых цивилизационных «пограничий» в мировой истории – ранней Византии IV в. – представители так называемого «кружка каппадокийцев» (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, он же Григорий Назианзин) выдвинули концепцию, которая имеет прямое отношение к проблеме взаимосвязи общего и отдельного, универсального и локального. Речь идет об определенной трактовке соотношения лиц Св. Троицы, отвергающей абсолютную несовместимость Бога и Человека: единосущность, равночестность (то есть признание полного равенства всех трех лиц Троицы), неслиянность (признание полноценного существования каждого из лиц как неповторимого, не сводимого к двум другим), нераздельность (наличие общей глубинной основы, единства, цементирующего многообразие) [Григорий Нисский; Флоровский].

Как справедливо отмечал Г. Померанц, перед нами главные категории особого типа мышления, преодолевающего формальную логику. Если оставаться в ее рамках, то «две системы, каждая по отдельности разумная, внутренне логичная, предсказуемая, могут быть взаимно абсурдны». Однако «абсурд не есть отсутствие смысла. Это знак смысла, вышедшего за рамки закона тождества. Все, что движется, абсурдно – это хорошо понимали элеаты. Закон тождества останавливает движение, чтобы разуму удобнее было разобраться в остановившихся предметах, но эта остановка – мысленная. На самом деле предметы движутся... Абсурдность исчезает, когда мы выходим за рамки аристотелевской логики» [Померанц, 1995, с. 332–334]. Примером иного типа логики является «тринитарная» (она же «ипостасная» или «иконологическая»).

Очень важной в контексте рассматриваемой темы представляется следующая мысль Померанца: «...мешает диалогу не верность традиции Евангелия, а логика Аристотеля, закон тождества ($A = A$) и нетождества ($A \neq B$). По этим законам Запад есть Запад и Восток есть Восток, и они никогда не сойдутся. Россия есть Россия и т.п. По этим законам каждая религия несовместима с другой и только одна истинна, остальные ложны»

[Там же, с. 335]. Преодоление подобного типа мышления – обязательная предпосылка реального диалога. И Померанц предлагает решить эту задачу, придав сформулированным каппадокийцами категориям «тринитарного» мышления общий характер и «подумать о разных религиях и разных культурах как о единосущных, равночестных и неслиянных-нераздельных» [Померанц, 1996, с. 152–153].

Категории «тринитарного» мышления во многих отношениях остались невостребованными, «замороженными в текст» [Померанц, 1995, с. 563]. Тем не менее каппадокийцы существенно воздействовали на последующую византийскую традицию. Признание ценности многообразия в цивилизационной системе, как убедительно показал швейцарский ученый Э. Холенштайн, стало едва ли не главным духовным достижением Византии, воспринятым впоследствии российской цивилизацией (впрочем, наряду с иными, в том числе и прямо противоречащими данной тенденции составляющими византийского наследия) [Холенштайн; Шемякин, 2009; Шемякин, Шемякина, 2004].

Особо следует выделить ту разновидность восточно-христианской традиции, которую представляли первоучители славян в христианской вере и создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий. Исследования последних лет свидетельствуют о ее существенном отличии от византийской ортодоксии – прежде всего в том, что касается утверждения основополагающей для кирилло-мефодиевской традиции идеи равноправия всех народов в делах веры, способности любого из них приобщиться к Божьей благодати и, соответственно, отрицания любых претензий на исключительность, на «особо доверительные» отношения с Божественным Абсолютом какого-либо одного народа [Мильков; Громов; Шемякин, Шемякина, 2004]. Кирилло-мефодиевская традиция ярко проявила себя на российской почве, оказав существенное воздействие на формирование духовной основы российской цивилизации. Отдельного упоминания заслуживает в этом плане знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона [Иларион].

Предпосылкой выработки «тринитарной» логики стал высочайший уровень развития абстрактного мышления. Как справедливо отмечал Померанц, «Троица – итог эллинской духовной культуры, сохраняющей известное участие разума, умозрения в созерцании духовных тайн» [Померанц, 1995, с. 333]. Потребовались долгие века гололомной работы самых блестящих мыслителей поздней античности, чтобы выработать парадоксальные представления о Боге, едином в трех лицах, которые единосущны, равночестны, неслиянны и нераздельны. Обратим в этой связи внимание на следующее обстоятельство: новый тип логики был создан представителями религиозно-философской мысли, для которых вера и разум были неразделимы.

Это не случайно. Вера и разум – две главные формы самовыражения человеческого духа, познания и, шире, духовно-практического освоения мира человеком. Это два полюса его духовного космоса, образующие дуальную (бинарную) оппозицию, которая являет собой, по всей видимости, одну из первооснов человеческой культуры. Вера и разум качественно различны, отрицают друг друга и одновременно неотделимы друг от друга.

Следует уточнить: отношения веры и рации не являются противоречием между верой и разумом: ведь в переживании и тем более в попытках осмысления веры человек проявляет себя именно как разумное существо. Противоречие веры и рации не следует также трактовать как противоречие веры и знания: вера неотделима от знания, хотя и особого типа – целостного знания о мире, полученного внелогическим путем. Рации же представляет собой принципиально иной, дискурсивный тип знания.

Противоречие веры и рации – источник развития человеческого духа. Если одна из сторон подавляет другую, само противоречие становится слабо выраженным, творческий напор ослабляется, что означает деградацию духовной сферы в целом. Нормальное функционирование цивилизационной системы предполагает, по всей видимости, определенное равновесие между верой и рации, которое лежит в основе онтологического равновесия в целом. Попытка полностью подавить один из полюсов приводит либо к краху социокультурной системы, либо к замене одних разновидностей веры и/или рации другими.

Это можно проиллюстрировать попытками заменить веру мировых религий светской верой в земные реалии. И здесь неожиданно прослеживается прямая параллель между совершенно различными, на первый взгляд, историческими феноменами: верой в обожествляемые партию, коммунизм, советскую власть, персонифицированные в «великом вожде» в советский период отечественной истории, и верой в обожествляемый надличностный Закон и в сакральный характер принципов общественной жизни, сформулированных «отцами-основателями» США и положенных в основу североамериканского варианта западной цивилизации.

Так или иначе, в реальном цивилизационном процессе рации существует только в рамках противоречивого единства с верой.

На Западе в XVII–XVIII вв., по мере эволюции новоевропейского рационализма от картезианства к просвещенческому дискурсу, происходило все большее обострение противоречий между верой и рации. Для Декарта и его последователей Бог выступал не только как предмет веры, но и как важнейший объяснительный принцип их научных программ; человек же, как носитель «Божественного света разума», в качестве малого творца был поставлен в центр мира рядом с Богом [См. Гайденко, с. 139–200].

В эпоху Просвещения положение меняется кардинально: Бог отодвигается на задний план либо вообще устраняется (у атеистов), человек остается в центре мира в полном одиночестве. Возможности человеческого разума абсолютизируются, тенденция к самообожествлению человека, наметившаяся еще в эпоху Возрождения, усиливается. Эта тенденция несовместима с верой мировых религий, в том числе и всех разновидностей христианства. Расхождение полюсов веры и рации достигает максимума, отношения между ними приобретают в эпоху Просвещения на Западе ярко выраженные черты антагонизма. В связи с гипертрофией полюса рации, который подавляет полюс веры, нарушается онтологическое равновесие. Причем в Западной Европе (а впоследствии и в Северной Америке) намечается отчетливая тенденция к «разведению»

полюсов веры и рации по разным типам личности; совмещение их в рамках одной индивидуальности для «фаустовской» цивилизации (по крайней мере, с конца XVIII в.) – крайне редкое явление.

В XIX–XX вв. антагонизм веры и рации проявился в Западной субэкумене в полную силу, что стало одним из важнейших факторов глубокого кризиса, постигшего «фаустовский» дух в XX в., – потери смысла существования [Шемякин, 2003, с. 243–429]. Минувшее столетие отмечено постоянными напряженными поисками выхода из этого кризиса. Одной из последних по времени попыток такого рода стал западный постмодернизм. На первый взгляд может показаться, что в основе его лежит именно отказ от одностороннего доминирования полюса рации. Достаточно вспомнить филиппики мэтров постмодерна против «логоцентризма», яростное отрицание ими рационалистической европейской традиции¹. Но если внимательно проанализировать характер их дискурса, предстанет совсем иная картина. В сущности, весь этот дискурс представляет собой не что иное, как проявление абсолютистских претензий все того же западного рации, монополизирующего духовную сферу, в том числе и право на собственное тотальное самоотрицание. При этом полюс веры полностью подавлен, несмотря на формальное признание права на существование, казалось бы, любых духовно-религиозных традиций. Подобное признание – проявление отнюдь не терпимости и (тем более) не готовности к диалогу, а полного аксиологического равнодушия [Un debate, p. 90–91; Шемякин, Европа..., с. 49–50]. Даже, казалось бы, отрицая себя, западный рации замкнут на себя и, в сущности, ничего кроме себя в мире не замечает.

В рамках «ценностной рациональности» наблюдается совершенно иное соотношение веры и рации. Это обусловлено прежде всего тем, что в основу цивилизационных традиций стран БРИКС положена идея Божественного Абсолюта как неуничтожимой духовной сердцевины всего сущего. Разумеется, и сам Абсолют, и соотношение между ним и человеком по-разному трактуется в разных традициях. Различия (и весьма существенные) по этим параметрам налицо и среди участников БРИКС. Тем более важно, что и в данном случае их объединяет одна очень важная общая черта: такое понимание соотношения человека и Абсолюта, которое предполагает активность человеческой личности в рамках этой взаимосвязи [См. подробнее: Шемякин, 2015, с. 28–38; Он же, 2014, с. 74–80].

Нужно отметить, что ни в одной из традиций, представленных в БРИКС, данная акцентировка не выливалась в абсолютный индивидуализм западного типа. И в конфуцианстве, и в индуизме, и в российском православии, и в католической традиции Бразилии, и в идеологии «убунту», утверждающей на официальном уровне идею африканской самобытности в ЮАР, неизменно подчеркивается, что личность может в полной мере реализовать себя лишь в рамках той общности, к которой она принадлежит,

---

1 Всесторонний анализ идеологии и, шире, социокультурного содержания постмодерна см. в: Рашковский Е.Б. Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция? // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 4. Мировая культура на пороге XXI века. М., 1999.

а индивидуальная активность должна проявляться в творческой интерпретации традиции, без разрыва с ней. Если же такого рода разрыв имеет место, личностная активность приобретает разрушительный характер.

Установка на активность личности в ее взаимоотношениях с сакральной сферой предполагала поиск оптимального сочетания веры и разума, преобладание тенденции к компромиссу между ними, исключая возможность подавления какой-либо из сторон. А это, в свою очередь, неизбежно означало диалог веры и разума. Выше было показано, как из напряженного диалога-спора христианства и античной традиции родилась тринитарная логика каппадокийцев. Эта линия получила дальнейшее развитие в российской цивилизационной традиции.

Одним из самых ярких примеров здесь могут служить русские старообрядцы. Как отмечали А. Карташев, Н. Лосский и другие авторы, в феномене старообрядчества с особой силой и ясностью проявились ключевые особенности русского православного менталитета в целом [Карташев, с. 19–20; Лосский, с. 58]. Исследователи старообрядчества констатируют крайне противоречивое сочетание в среде ревнителей «старой веры» иррационалистических и рационалистических тенденций. Причем последние получили значительное развитие, несмотря на жесткое, даже агрессивное утверждение авторитета традиции [Шахов, с. 104–105, 164–166; Шемякин, Шемякина, 2006, с. 100–103; Шемякина; Керов, с. 180–183]. Однако рациональные мотивации, при всей их значимости, всегда включены у старообрядцев во вполне определенный духовно-ценностный контекст. Разум рассматривается как средство для решения *вопросов веры*; в интерпретации староверов рациональные практики и процедуры обретают смысл лишь в том случае, если помогают обеспечить условия для спасения души. Перед нами в данном случае именно ценностная, а не формальная рациональность.

Особое место в цепи исторической преемственности занимает фигура одного из самых известных российских мыслителей XX в. – М.М. Бахтина. В последние годы в центре внимания мирового сообщества, причем не только ученых, но и политиков, оказалась проблематика диалога [См.: Диалог...; Альянс...; Абулмагд...]. Из всех имеющихся в арсенале мировой научной и философской мысли классических концепций диалога (здесь можно упомянуть Э. Левинаса, Ю.М. Лотмана, В.С. Библера) [См.: Левинас; Библер] именно бахтинская «диалогика» в наибольшей мере отвечает потребностям современного этапа развития.

Для Бахтина «не идея как монологический вывод..., а событие взаимодействия голосов» является «последней данностью» любого межличностного контакта [Бахтин, Эстетика..., с. 197]. В ходе диалога общение «с другим и с другими происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные ближайшие формы» [Там же, с. 198]. «Жизнь по природе своей диалогична. Жить значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [Там же, с. 33]. «Во всем, чем человек выражает

себя вовне (и, следовательно, для «другого») – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие «я» и «другого»: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг о друге, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, непризнание... и т. п.» [Бахтин, Собр. соч., с. 353].

Сказанное в полной мере относится и к межкультурному диалогу, в котором огромную роль играют символы коллективной идентичности, как правило, аффективно окрашенные. Именно в этих символах в наибольшей степени проявляется специфика различных человеческих миров, то, что отличает их друг от друга. В этом ракурсе межкультурный диалог – диалог качественно различных символических систем. Вести такой диалог – задача необычайно сложная. И в ее решении также может помочь бахтинская «диалогика». «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно... Может быть либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов... Истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук» [Бахтин, Эстетика., с. 382]. (Последнее вовсе не означает отсутствие научности как таковой. Бахтин солидаризируется со следующей формулировкой С. С. Аверинцева: «...Надо будет признать симвонологию не ненаучной, но инаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности» [Аверинцев, с. 828].)

Принципиально важно следующее положение Бахтина: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам» [Бахтин, Эстетика., с. 369, с. 370].

По Бахтину, диалогическое общение – это вообще способ существования человека в «мире людей»: «Быть значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Там же, с. 330]. Бахтин решительно выступал против понимания акта отождествления с «другим» в ходе диалога как растворения в нем, отказа от собственного неповторимого «я». В его трактовке диалог предполагает одновременно «проникновение в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места), обеспечивающее избыток познания», «взаимпроникновение с сохранением дистанции» [Бахтин, К философским..., с. 8–9]. Процесс познания в человеческом мире – это «всегда диалог» между познающим и познаваемым, «то есть тоже общность, но особого – функционального – типа, предполагающая одновременно и неслиянность (невозможность субстанционального отождествления), и нераздельность (невозможность исключения какого-либо участника диалога без того, чтобы умертвить сам диалог личностей)» [Бахтин, Собр. соч., с. 342].

Применение Бахтиным категорий «неслиянность» и «нераздельность» – прямое свидетельство того, что его теория диалога, по сути, основана на той самой «тринитарной» логике, о которой шла речь выше.

В контексте рассматриваемой темы можно сделать следующий вывод: диалог «по Бахтину» реализуем лишь в том случае, если единство и многообразие «мира людей» рассматриваются как «равночестные», «неслиянные» и «нераздельные» онтологические реальности.

Именно в этом направлении развиваются творческие поиски современных православных мыслителей, которые обращаются к наследию каппадокийцев. Из публикаций последних лет обращают на себя внимание работы С.А. Чурсанова [Чурсанов, Следствия...; он же, Троичный...; он же, Богословское..., с. 115–127]. По его словам, «в троичном богословии Великих Каппадокийцев... Бог понимается как Троица Божественных Лиц, находящихся в ипостасных отношениях и пребывающих в единстве Божественной природы... При этом Отец, Сын и Святой Дух не только не поглощены Своей единой природой и не нивелированы ею, но различаются в своих ипостасных отношениях абсолютным образом, так что Каждое Божественное Лицо пребывает в полноте ипостасной уникальности... Такое понимание Бога означает, что для Божественного бытия характерен тот высший онтологический принцип, который в предельно краткой форме может быть назван принципом *единства в различии*. Как относящийся к Самому Богу этот принцип приобретает для христианина высший онтологический статус» [Чурсанов, Троичный..., с. 106, 108]. С.А. Чурсанов делает вывод, особенно важный в контексте рассматриваемой темы: «Это безоговорочное утверждение в святоотеческом учении о Пресвятой Троице полноты ипостасных различий наряду с полнотой природного единства означает надделение высшим онтологическим статусом не только единства, но и различий. Для православной богословской антропологии особенно важно, что святые отцы относят такое понимание ипостасных различий и к Божественным Лицам, и к человеческим личностям» [Там же, с. 107]. И далее: «Согласно социальным богословским пониманиям богообразности человека совершенное человеческое единство, осуществляющееся по образу единства Отца, Сына и Святого Духа представляет собой *единство различных*, так что составляющие его люди пребывают в своей уникальности, никоим образом не поглощаясь и не нивелируясь. Более того, в православном богословском понимании именно единение с Богом и всеми людьми составляет необходимое условие достижения каждым человеком предельной полноты бытия, немислимой без раскрытия личностной свободы, неповторимости и творческого потенциала. В конечном счете, реализация тринитарного принципа единства в различии в отношениях с Божественными Лицами и человеческими личностями означает достижение им полноты христианской любви» [Там же, с. 107–109]. Как нетрудно заметить, концепция С.А. Чурсанова предельно близка изложенной ранее концепции Г.С. Померанца.

* * *

Существует прямая связь между отстаиванием участниками БРИКС суверенитета национальных государств, утверждением своей культурно-цивилизационной самобыт-

ности – и акцентировкой с их стороны самостоятельной онтологической значимости начала многообразия. Утверждая на мировоззренческом уровне это начало как основополагающую ценность, представленные в БРИКС цивилизации тем самым формируют духовную предпосылку обоснования и собственной цивилизационной идентичности, и государственной самостоятельности входящих в объединение стран, а в конечном счете – и того вектора эволюции мировой системы связей, что направлен на укрепление эндогенных структур крупных человеческих сообществ.

Какие есть основания для всех этих утверждений? Проведем некоторые сопоставления, обратившись к общим чертам как христианских конфессий, представленных в БРИКС, так и двух великих традиций Востока.

Интерпретация связи человека и Абсолюта в христианской традиции побуждала человека занять активную позицию по отношению к окружающему миру. Острое переживание противоречия между «сущим» (наличной действительностью, отмеченной первородным грехом) и «должным» христианского идеала, рождающееся отсюда стремление в той или иной мере привести «сущее» в соответствие с нормами, диктуемыми Божественным Абсолютом, обрекали человека на постоянное «бодрствование» (Матф. 24,42), то есть на непрерывное становление личности. А такой дар Бога человеку, как свобода воли – выбора между добром и злом, возлагал на его плечи тяжелый груз ответственности за сделанный выбор. Все это – общехристианские черты, в разной степени свойственные различным христианским конфессиям.

Китайская традиция во многих отношениях совершенно иная. Тем не менее и здесь идеал духовной активности личности воплотился в лапидарной формуле «бодрствование одинокого» [Малявин, Тайцзицюань...]. Китайское понимание духовного Абсолюта основывается на убеждении в исчерпывающей полноте его присутствия во всех предметах и явлениях мира. Тем самым утверждается кардинальная онтологическая значимость начала многообразия. Как гласит один из главнейших конфуцианских канонов, «Великое учение» («Да сюэ»), в каждой конкретной «вещи» (у) – предмете или деле – тай цзи¹ присутствует сполна, воплощаясь в так называемом «принципе–резонансе» (ли). Согласно крупнейшему мыслителю и комментатору конфуцианского канона Чжу Си (1130–1200), «тай цзи» – «это совокупность всех ли». Полнота присутствия Абсолюта в «вещах» «делает основной задачей их выверение», или «классифицирующее постижение», которое состоит в «совершенном раскрытии принципов», что означает «доведение знания до конца». Это, в свою очередь, должно иметь своим результатом «искренность помыслов», «усовершенствованность личности», «выравненность семьи», «упорядоченность государства» и «уравновешенность всей Поднебесной» (все это – формулы «Да сюэ»), то есть реализацию идеала социальной гармонии [Кобзев, с. 32]. Причем это требует от человека постоянных усилий. Согласно тексту «Да сюэ», «для всех и каждого – от Сына неба и до простолюдина – усовершенствование своей личности является корнем» [Там же, с. 25].

---

1 «Великий предел» – одно из обозначений Абсолюта.

Текст «Великого учения» порождает и порождает огромное количество различных комментариев и толкований. Одна из интерпретаций связана с именем крупнейшего китайского философа-неоконфуцианца Ван Янмина (1472–1529), особо акцентировавшего мысль о прямой связи человека и духовного Абсолюта (согласно ему «ли – структурообразующее начало всего сущего – исходно присутствует в человеческой психике»), в связи с чем конфуцианский тезис о «доведении знания до конца» трактуется как установка на «максимально полное воплощение в жизнь высших нравственных идеалов». В последние десятилетия к учению Ван Янмина активно обращаются представители пост(нео)конфуцианства [Там же, с. 61–63].

В КНР с 1980-х годов отчетливо прослеживается рост интереса к Конфуцию как родоначальнику национальной идеи. Эта тенденция проявилась в создании Научно-исследовательского института Конфуция, Китайского фонда Конфуция и целой сети институтов Конфуция по всему миру. В КНР сложилась своя школа интерпретации конфуцианского наследия, представители которой стремятся трактовать его как главное выражение «китайской специфики», вполне совместимое с социалистическим идеалом. Современные наследники конфуцианской традиции стремятся выдвигать на первый план такие стороны этой традиции, как признание многообразия мира наряду с утверждением его единства («принцип один, но проявлений много»), достижение гармонии посредством избегания крайностей («срединным путем»), что призвано обеспечить условия для диалога с иными культурами.

Отечественные исследователи отмечают: «В официальную лексику КНР входит все больше понятий, заимствованных из традиционного культурного наследия или сопоставимых с ним» [Кузык, с. 399–400; См. также: Титаренко...]. Эта тенденция четко прослеживается в выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина, особенно в его речи на открытии международного симпозиума по случаю 2565 годовщины со дня рождения Конфуция и V Конгресса Международной ассоциации последователей Конфуция 24 сентября 2014 г. в Пекине [Цит. по: Титаренко, с. 21].

Хотя китайская трактовка взаимосвязи человека и Абсолюта, в особенности – ее проекция в сферу социальной практики, была наиболее разработана в конфуцианской традиции, она, по отзывам специалистов, в целом типична и для двух других основных религиозно-философских систем Поднебесной – даосизма и китаизированного буддизма (чань-буддизма). Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров.

Так, согласно древнему даосскому мудрецу Чжуан-цзы, каждый человек, идущий по пути самосовершенствования, должен быть всегда готов «стать таким, каким еще не бывал». Занятия одной из самых известных систем боевых искусств Китая, сложившейся в русле традиции даосизма, – Тайцзицюань «требуют решимости, как говорят в Китае, “выскрести начисто нутро, перемешать кости”, т.е. ...начать новую жизнь или, точнее, – начинать ее каждое мгновение» [Цит. по: Малявин, Тайцзицюань..., с. 21].

Согласно великому основополагающему тексту китайской традиции, «Книге Перемен», реальность понимается как процесс постоянных изменений в результате непре-

рывного взаимодействия фундаментальных начал бытия – инь и ян. Подобное понимание ориентировало человека на то, чтобы быть постоянно готовым к переменам.

С тем, что духовный Абсолют («Великий предел») в полной мере проявляется во всей окружающей человека реальности, связана чрезвычайно высокая оценка обыкновенной реальной жизни, преклонение перед ней. Китайская традиция «духовного делания» не предполагает ухода из конкретной действительности в сферу духа, она вполне совместима с практическими целями устройства этой действительности, в том числе – ориентацией на успех в жизненных делах [Малявин, 2001; он же, Природа..., с. 419–435; В поисках..., с. 22; Наиболее подробное описание отмеченных черт китайской цивилизации см. в энциклопедии: Духовная культура Китая].

Для индийской цивилизационной традиции характерно совершенно иное соотношение между окружающей человека повседневной действительностью и духовными реалиями. Тем не менее обе великие цивилизации Азии объединяет очень важная черта: идея о том, что Абсолют непосредственно присутствует во всех элементах мироздания, в том числе и в людях. Так, по словам Е.Ю. Ваниной (отразившей в этом своем суждении общее мнение индологов), в индуизме – религии, которую исповедует подавляющее большинство индийцев и которая является духовной основой их цивилизации – всякая индивидуальная душа является частью Абсолюта, проявляющего себя во всех элементах бытия. Поэтому «сакральным статусом наделяются элементы природной среды (горы, реки, озера, леса, растения), представители фауны и живые люди». В индуизме наличествует множество богов, между ними существует определенное «распределение ролей», и при этом индус свободен в выборе божества, которому он желает поклоняться. «Один бог, по семейной традиции или по личному выбору, является для верующего главным, а все остальные – его ипостасями. Но в восприятии верующего все они существуют как аспекты единого целого – универсального Абсолюта» [Ванина, с. 31–32]. По оценке крупнейшего индийского ученого, старейшины мирового сообщества санскритологов и исследователей древнеиндийской культуры Р.Н. Дандекара (1909–2001), «двумя великими достоинствами индуизма являются забота об особых духовных возможностях человека... и готовность предоставить ему полную свободу поклоняться избранному божеству» [Дандекар, с. 198–199]. Как видим, и здесь утверждается принцип многообразия мира наряду с его единством.

Пожалуй, главным парадоксом традиционной индийской цивилизации было сочетание подобной религиозной свободы с поразительно жесткой регламентацией социальных ролей, отсутствием (или, по меньшей мере, крайне слабой выраженностью) социальной мобильности. Здесь средневековая Индия являла удивительный контраст с конфуцианским Китаем [Индия и Китай..., с. 70–76]. Социальный статус индуса определялся кармой (то есть деяниями в прошлых жизнях), он уже по рождению принадлежал к той или иной касте, каждой из которых была предписана своя дхарма (сумма обязанностей). Переход в другую касту исключался, человек мог надеяться только на то, что безукоризненное исполнение своей дхармы в этой жизни обеспечит его бессмертной душе лучшее положение в следующем перерождении. Только вырвавшись за преде-

лы цепи перерождений (сансары), слившись с духовным Абсолютом, человек мог достичь освобождения (мокша). Казалось бы, подобная социальная система должна была исключить любые проявления индивидуальности. Но этого не произошло. «На самом деле индивиду, его личному, осознанному (пусть и ограниченному кастовыми рамками) выбору между добром и злом, праведным и греховным поступком уделяется основная роль» [Ванина, с. 33]. Идея сопричастности каждой индивидуальной души Абсолюту не могла не породить протеста против варно-кастовой системы в рамках самого индуизма. Этот протест с наибольшей силой выразился в духовных движениях бхакти, для которых была характерна усиленная акцентировка личностного начала. В рамках бхакти «адепт сам избирает себе божество, часто противореча при этом семейной традиции... как бы ни был активен бог, основной выбор поведения, даже в мистическом общении с богом, остается за человеком... Бхакты объявляли всех людей равными на пути богопознания, признавали право каждого человека, какой бы касты и конфессии он ни был, на мистический контакт с богом, отвергали монополию брахманов на чистоту и святость». В общем плане «проповедникам бхакти удалось внести значительные изменения в этический и ценностный мир Индии» [Древо..., с. 244–245]. Основная суть этих изменений – в утверждении значимости личностного начала даже в рамках сохраняющегося господства варно-кастовой системы. Вполне закономерно, что свое идейное родство с этой ветвью индийской традиции признавали все наиболее выдающиеся реформаторы индуизма XIX–XX вв.: Рам Мохан Рой, Вивекананда, Тагор, Ганди.

По оценке видного немецкого индолога Г. фон Штитенкрона, «именно многообразии представлений о божественном и приближении к нему, вечно меняющаяся модель, позволяющая личности выбрать свой путь достижения благополучия и освобождения, и являются характерной чертой индуизма, составляющей его особую привлекательность» [Там же, с. 255].

Утверждение значимости индивидуального выбора (а тем самым и ответственности за сделанный выбор), ориентация на активность личности в области духовной создавали предпосылки для проекции этих принципов и на социально-политическую сферу. Разумеется, это требовало существенного преобразования самого индуизма. Такое преобразование было осуществлено в рамках неоиндуизма – реформаторских течений последних двух веков. Помимо уже названных, здесь нужно упомянуть таких мыслителей, как Рамакришна (XIX в.), Дж. Неру, С. Радхакришнан, Р. Дандекар. Сдвиги, которые характеризовали новый этап в эволюции древней индийской религии, нашли свое наиболее полное отражение в мировоззрении и деятельности Свами Вивекананды (1863–1902). В предельно кратком изложении они сводились к следующему: утверждение веры в возможность достижения высшей религиозной цели – единения с духовным Абсолютом в данном рождении, вне зависимости от кастовой принадлежности, пола или возраста; отрицание в связи с этим религиозной роли касты; активное включение в идейный арсенал понятий и установок западной культуры – как светской, так и христианской; утверждение ценности мирской активности как пути к достижению духовного совершенства, к слиянию с Абсолютом, равного по своей значимости таким традиционным путям, как медитация и бхакти.

Особое значение имел сформулированный С. Вивеканандой принцип «единства в многообразии», применяемый как к различным конфессиональным группам внутри индуизма, так и ко всем мировым религиям. После обретения страной независимости данный принцип стал стержнем официальной доктрины, «национальной идеей» Республики Индия. Подробно разработанная С. Вивеканандой идея равной истинности всех религий как разнообразных человеческих попыток познать единую по своей сути религиозную истину, восходящая еще к идеям его духовного наставника Рамакришны, получила широкое признание в мировом (прежде всего западном) религиоведении. В качестве теоретико-методологической основы межконфессионального диалога она сохраняет свою актуальность по сей день и, соответственно, вполне может быть использована как одно из возможных обоснований межцивилизационного диалога в рамках БРИКС.

Мировоззренческий плюрализм и религиозная свобода индуизма стали духовно-психологической основой восприятия основной массой индийского населения политической демократии как строя, соответствующего национальным традициям и образу жизни. Таким образом, демократический политический режим в Индии опирается не только на современные ценности модернизации, но и на традиционную основу.

* * *

Подведем итог. Для всех стран БРИКС характерны:

- утверждение такого понимания соотношения человека и Божественного Абсолюта, которое предполагает активность личности, в том числе по отношению к сакральному центру мироздания, и в связи с этим – активную роль человеческого разума, при одновременной акцентировке идеи о том, что по-настоящему проявить себя он может не в разрыве с традицией, а в ее творческой интерпретации;
- такое понимание соотношения единства и многообразия, для которого характерно подчеркивание ключевой значимости и самостоятельного онтологического статуса начала многообразия одновременно с утверждением принципа единства мира;
- вытекающее из этих двух черт выдвижение на первый план качественных характеристик явлений и процессов, которые только и придают смысл формально-логическим процедурам.

Ценностный тип рациональности не следует оценивать однозначно. Для него свойственны свои ограничения. Главное из них – принципиальное допущение возможности и даже правомерности прямого воздействия внерациональных мотиваций и факторов на человеческий разум, что таит в себе опасность духовной экспансии иррационализма, в том числе блокирования способности к критической оценке поступающей в мозг информации. Но это может быть компенсировано установлением оптимального соотношения рации с другим полюсом человеческого духа – верой, а следовательно, и соответствующими религиозно-цивилизационными традициями.

Список литературы:

- «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М. 2010.
- Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями. М. 2002.
- Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М. 1972.
- Айзенштадт Ш.Н. Международные контакты: Культурно-цивилизационные измерения // Мировая экономика и международные отношения. 1991. №10.
- Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. М. 1997.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. 1997.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1986
- Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. 1991.
- В поисках «китайского чуда». М. 2011.
- Ванина Е.Ю. Основные ценности и институты индийской цивилизации. – Индийская цивилизация в глобализирующемся мире. М. 2005.
- Вебер М. Избранные произведения». М. 1990.
- Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избр. произведения. М. 1990.
- Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.) М. 1987.
- Глобализация и регионализация: факторы формирования геополитического пространства. М. 2006.
- Григорий Нисский. Большое огласительное слово, разделённое на сорок глав // Мистическое богословие восточной церкви. М. 2001.
- Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб. 1998.
- Дандекар Р.Н. От Вед к индуизму: эволюционирующая мифология. М. 2002.
- Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М. 2010.
- Древо индуизма. М. 1999.
- Духовная культура Китая. В 5 тт. М. 2006–2009.
- Иларион. Слово о законе и благодати // Русская идея. М. 1992.
- Индия и Китай: две цивилизации – две модели развития // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 4.
- Карташев А.В. Смысл старообрядчества // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1992. №2.
- Керов В.В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М. 2004.
- Кобзев А.И. «Великое учение» и учения великих конфуцианцев. М. 2011.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М. 2006.
- Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб. 1998.
- Лосский Н.О. Характер русского народа. В 2 кн. Кн. 2. М. 1990.
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М. 2001.
- Малявин В.В. Природа китайской цивилизации. – Средоточия: избранные эссе, доклады, интервью, рецензии. Иваново. 2011.
- Малявин В.В. Тайцзицюань: классические тексты. Принципы. Мастерство. М. 2011.
- Мильков В.В. Кирилло-Мефодиевская традиция и её отличие от иных идейно-религиозных направлений // Древняя Русь: пересечение традиций. М. 1997.

- Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII Саммиту БРИКС. М. 2014.
- Померанц Г.С.* Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. №8.
- Померанц Г.С.* Выход из транс. М. 1995.
- Рашковский Е.Б.* Постмодерн: культурная революция или культурная контрэволюция? // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 4. Мировая культура на пороге XXI века. М. 1999.
- Рормозер Г.* Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопросы философии. 1991. №5.
- Титаренко М.Л., Петровский В.Е.* Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. М. 2016.
- Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV в. М. 1992.
- Холенштайн Э.* Россия – страна, преодолевающая пределы Европы // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М. 1999.
- Цивилизации. Вып.3. М. 1995.
- Чурсанов С.А.* Богословское осмысление святоотеческого понимания свободы в православной антропологии XX-XXI вв. // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Материалы конференций (2007–2015 гг.). М. 2016.
- Чурсанов С.А.* Следствия святоотеческой триадологии IV века для христианской онтологии // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Материалы конференций (2007–2015 гг.). М. 2016.
- Чурсанов С.А.* Троичный принцип единства в различии в Богословии Великих Каппадокийцев и православной антропологии XX-XXI вв. // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Материалы конференций (2007–2015 гг.). М. 2015.
- Шахов М.О.* Философские аспекты староверия. М. 1998.
- Шемякин Я.Г.* BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания // Латинская Америка. 2014. №7.
- Шемякин Я.Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода // Новая и новейшая история. 2015. №1.
- Шемякин Я.Г.* В поисках смысла. Из истории философии и религии. М. 2003.
- Шемякин Я.Г.* Вера и рации в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3.
- Шемякин Я.Г.* Динамика восприятия России в западном цивилизационном сознании // Общественные науки и современность. 2009. №2.
- Шемякин Я.Г.* Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: России – Латинская Америка – Запад // Общественные науки и современность. 2011. №3.
- Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М. 2001.
- Шемякин Я.Г.* Идентичность и тип цивилизации: особенности соотношения (Россия – Латинская Америка – Запад) // Звенья. «Миры миров» в поисках идентичности: Россия и Латинская Америка в сравнительно исторической перспективе. М. 2016. №1. С. 3 – 43.
- Шемякин Я.Г.* Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций) // Общественные науки и современность. 2008. №1.
- Шемякин Я.Г.* Россия и Латинская Америка как цивилизации. Попытка сравнения // Мир России. 2016. №1.

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Россия – Евразия: специфика формообразования в условиях цивилизационного пограничья. Ст.2// *Общественные науки и современность*. 2004. №5.

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. 2006. №2.

Шемякина О.Д. Аристотелизм в россиеведении и поле сакральных смыслов старообрядчества // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 24. М. 2008.

Rax Africana: континент и диаспора в поисках себя. М. 2009.

Un debate sobre la cultura // Nueva sociedad. Caracas. 1991. №116.

УДК 327; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты

Аннотация. Видное место в геоэкономических и геополитических расчетах Запада занимает проект создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). В статье представлен комплексный анализ основных параметров планируемого интеграционного мегаблока, который должен максимально плотно связать страны Европейского союза и США. Показаны проблемы и противоречия, существующие между партнерами и ощутимо затруднившие процесс переговоров. Другой аспект проекта состоит в том, что появление ТТИП неизбежно осложнит торгово-экономические отношения европейских стран с государствами, не входящими в данный блок.

Ключевые слова: Трансатлантическое партнерство, ТТИП, США, Евросоюз, регионализм, внешняя торговля США, внешняя торговля ЕС, трансатлантические противоречия.

По замыслу авторов плана создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), этот интеграционный мегаблок нового поколения должен финансово-экономически теснее соединить США и Европейский союз, став крупнейшей в мире межрегиональной структурой. Между тем новый альянс (если он будет сформирован) несет угрозы как социальному укладу и образу жизни населения европейских государств, так и торгово-экономическим интересам стран, остающихся за рамками объединения.

Сама жизнь демонстрирует, что в основе решения запустить проект трансатлантического партнерства лежат факторы геоэкономического и политико-стратегического порядка. Во-первых, в полную силу дал о себе знать эффект «гиперглобализации» – опережающего роста международной торговли по сравнению с мировым ВВП (в период с 1950 г. ВВП увеличился в 8 раз, а торговля – в 32 раза). При этом до 80% экспорта США приходится на долю 1% американских компаний – как правило, ведущих транснациональных корпораций (ТНК), требующих от властей создания благоприятных внешних условий для дальнейшей трансграничной экспансии. (В странах ЕС концентрация экономической мощи не столь велика: 85% экспорта обеспечивают 10% компаний.)

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Во-вторых, в последние годы западные ТНК сталкиваются с растущей конкуренцией со стороны производственных предприятий стран БРИКС и других государств с интенсивно формирующимися рынками. Особое беспокойство вызывает внешнеторговый спурт Китая, превратившегося в крупнейшего глобального трейдера. Данное обстоятельство побуждает деловые и политические круги США и Евросоюза изыскивать новые рычаги финансового и торгово-экономического доминирования.

В-третьих, действует своего рода «историческая инерция» времен холодной войны, когда в контексте противостояния с Советским Союзом Вашингтон стремился политически и экономически сплотить Западную Европу под своей эгидой. Сейчас роль геополитического противника коллективного Запада «по наследству» перешла к Российской Федерации, что предполагает некоторый антироссийский подтекст данной инициативы, стремление США ослабить хозяйственные связи ЕС с Россией.

Регионализм или новый глобализм?

Процесс глобализации, в последние десятилетия определявший основной вектор развития мировой экономики и торговли, начал пробуксовывать. Впервые признаки торможения дали о себе знать в период кризиса 2007–2009 гг., когда десятки государств прибегли к протекционистским мерам в стремлении защитить своих производителей от внешней конкуренции. Практика протекционизма вошла в противоречие с политикой многосторонней либерализации торговых отношений, проводимой с середины XX в. – сначала в соответствии с Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ), а затем Всемирной торговой организацией (ВТО). К тому же сама ВТО оказалась в затяжном кризисе. Возникла ситуация утраты взаимного доверия между странами-членами, что помешало выработке и принятию новых правил международной торговли, адекватно отражающих динамично меняющиеся реалии XXI в. (включая формирование глобальных цепочек стоимости, трансграничное передвижение целых производств, увеличение удельного веса обмена услугами, повышение значимости прав на интеллектуальную собственность и т.д.). Отсюда – тупик на переговорах в рамках так называемого Дохийского раунда, которые велись с 2001 г. [World Trade...].

В результате деятельность ВТО по дальнейшей либерализации международной торговли (прежде всего в соответствии с интересами главных игроков глобальной экономики – транснациональных корпораций) застопорилась. В Вашингтоне и Брюсселе это было воспринято как провал политики «глобального мультилатерализма», эффективной альтернативой которому США и ЕС хотят сделать «региональный мультилатерализм» – формирование интеграционных объединений, способных на практике реализовать более либеральные и всеохватывающие нормы и правила трансграничной торговли [The Geopolitics...]. Таким образом планируется придать дополнительный импульс угасающей глобализации, дать жизнь новому глобализму.

Прямым следствием этих трендов стал перенос переговорной активности с многостороннего уровня в другие, более ограниченные форматы: региональный и двусторонний. Именно здесь рождаются торговые соглашения «углубленного типа», или

«договоры XXI века», которые, наряду с вопросами либерализации товарообменов – снижения таможенных тарифов и нетарифных ограничений, включали положения об инвестициях, трансграничном перемещении услуг, защите интеллектуальной собственности, охране окружающей среды, движении рабочей силы и др. Запуск переговоров по мегарегиональным или межрегиональным торговым соглашениям (МРТС) «дал толчок к одной из наиболее масштабных в новейшее время трансформаций мирового торгово-экономического ландшафта. Ее суть – перераспределение выгод от международной торговли в пользу участников МРТС, прежде всего США» [Саламатов, с. 17].

Материальным воплощением указанной тенденции явилось возникновение многочисленных и многообразных субрегиональных, региональных и межрегиональных интеграционных объединений. Крупнейшим из них на сегодняшний день является инициированное Вашингтоном и носящее модельный характер Транстихоокеанское торговое партнерство (ТТП), соглашение о котором было подписано 4 февраля 2016 г. в новозеландском Окленде представителями 12 государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР): Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили и Японии [Office...].

В этом же ряду следует рассматривать и проект трансатлантической межрегиональной интеграции. Старт переговорному процессу по ТТИП был дан в феврале 2013 г., когда президент Б. Обама объявил о начале диалога с ЕС. В июне того же года страны-члены Евросоюза уполномочили Европейскую комиссию выступать в роли партнера Вашингтона, и уже 9 июля состоялся первый раунд американо-европейских переговоров [Яковлев, 29.08.2016].

В основе стремления Соединенных Штатов к более тесному торгово-экономическому сотрудничеству с Европой лежит глубокое недовольство транснационального бизнеса динамикой американского товарного экспорта на емкие рынки ЕС, насчитывающие сотни миллионов потребителей с относительно высокой покупательной способностью. Статистические данные показывают, что в период 2008–2015 гг. объем американских экспортных поставок в Европу не только не вырос, но даже немного сократился (табл. 1). При этом наблюдался постоянный дефицит в торговле с европейскими партнерами, суммарно составивший за эти годы 925 млрд долл.

Такое положение дел существенно отличалось от динамики товарооборота США с Канадой и Мексикой – контрагентами по региональному интеграционному объединению НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле). За аналогичный период вывоз американских промышленных и сельскохозяйственных товаров на канадский и мексиканский рынки вырос более чем на 100 млрд долл. и по итогам 2015 г. превысил экспорт Соединенных Штатов в Евросоюз (28 стран!) почти в два раза (соответственно, 516,4 млрд и 273,6 млрд долл.). Характерен и такой показатель: с 2011 г. ежегодный объем торговли США с Канадой и Мексикой стабильно превышает 1 трлн долл., что на 60–70% больше товарооборота с государствами ЕС (табл. 2). Для американского бизнес-сообщества НАФТА представляет собой глубокое региональное торговое соглашение – по сути, интеграционное партнерство, позволяющее добиваться

Таблица 1

Торговля США с ЕС-28 (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2001	163,2	234,0	397,2	-70,8
2005	147,4	240,2	387,6	-92,8
2006	215,1	341,8	556,9	-126,7
2007	248,0	364,4	612,4	-116,4
2008	275,7	377,0	652,7	-101,3
2009	221,4	287,0	508,4	-65,6
2010	243,3	327,4	570,7	-84,1
2011	271,3	377,5	648,8	-106,2
2012	266,3	390,4	656,7	-124,1
2013	263,7	395,6	659,3	-131,9
2014	276,9	427,0	703,9	-150,1
2015	273,6	435,3	708,9	-161,7

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

синергии трех емких (и растущих) рынков с численностью населения свыше 480 млн человек и выстраивать эффективные производственные взаимозависимости и благоприятные условия для динамичного развития трансграничных цепочек добавленной стоимости [Яковлев, 2016, № 5].

Таблица 2

Торговля США с партнерами по НАФТА (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2001	265,2	352,9	618,1	-87,7
2005	331,5	464,4	795,9	-132,9
2006	364,4	508,2	872,6	-143,8
2007	384,9	530,4	915,3	-145,5
2008	412,4	557,1	969,5	-144,7
2009	333,7	405,9	739,6	-72,2
2010	412,9	512,7	925,6	-99,8
2011	479,5	583,0	1062,5	-103,5
2012	508,4	607,5	1115,9	-99,1
2013	526,8	620,3	1147,1	-93,5
2014	552,6	651,0	1203,6	-98,4
2015	516,4	598,5	1114,9	-82,1

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Демонстрационный эффект НАФТА, в котором (по праву сильнейшего) «контрольный пакет акций» принадлежит транснациональному капиталу США, стал одним из самых сильных аргументов, побудивших американское политическое руководство поставить вопрос о торгово-экономической интеграции с Объединенной Европой. Другим весомым соображением стратегического порядка явилось намерение Вашингтона совместно с европейцами «оседлать» очередной этап всемирного научно-технического развития, сопряженного с резким повышением роли и значения высокотехнологичных инновационных отраслей в меняющейся структуре глобальной экономики [Power...]. Правящие круги Соединенных Штатов стремятся к тому, чтобы будущее трансатлантическое партнерство стало осью, вокруг которой будет концентрироваться «новая экономика», рождающаяся буквально на наших глазах в результате четвертой технологической (индустриальной) революции [Яковлев, 15.02.2016].

Подчеркнем следующее: макрорезультатом тенденций, интенсивно развивающихся в недрах мировой экономики, явилось определенное **переформатирование самого процесса глобализации**. Она меняет свой первоначальный облик, в известной мере утрачивает прежний квазиуниверсальный характер, «уходит в регионы», становится более фрагментарной и, по-видимому, в дальнейшем будет происходить на разных скоростях. Причем, согласно режиссуре США, драйверами глобализации в ее обновленном виде, задающими главный вектор развития мировой экономики и международной торговли, должны выступать именно МРТС, в том числе ТТИП. Как отмечал исполнительный директор влиятельного исследовательского центра «Madagascar Foundation – College of Europe» Пьер Дефрейн, «если трансатлантическое партнерство будет одобрено, это приведет к распаду глобального рынка и сгенерирует появление новых торговых, финансовых, а возможно и стратегических блоков» [ТТИП/ТАФТА...].

Китайский фактор

Анализируя базовые причины всплеска интереса к межрегиональной атлантической интеграции, нельзя обойти молчанием фактор беспрецедентного торгово-экономического возвышения Китая [Shambaugh]. В 2001–2015 гг., при росте глобального товарного экспорта в 2,7 раза (с 6,1 трлн до 16,3 трлн долл.), вывоз китайских товаров увеличился в 8,7 раза: с 262 млрд до 2282 млрд долл., а доля Поднебесной в мировом экспорте подскочила с 4,3 до 14%. Причем годовой профицит товарооборота КНР с остальным миром за указанный период вырос в 27 раз, достигнув 659 млрд долл. (табл. 3).

Соединенные Штаты и страны Европейского союза приобрели для предприятий Китая исключительно важное значение: суммарный экспорт на их рынки в 2001–2015 гг. вырос со 189 млрд до 930,5 млрд долл., обеспечив порядка 24% всего вывоза китайских изделий и до 95% (!) всего внешнеторгового профицита (см. табл. 3, а также 4 и 5). Иначе говоря, именно благодаря поставкам в США и ЕС Китай сохраняет огромное положительное сальдо торгового баланса. При этом произошли качественные изменения в структуре экспорта и на американский, и на европейский рынки. Если еще в конце 1990-х – начале 2000-х годов основу китайских поставок составляли сравнительно

простые потребительские товары массового спроса (одежда, обувь, товары для дома, игрушки и т.д.), то в настоящее время их место прочно заняли различные виды достаточно сложного электротехнического промышленного оборудования, продвинутая машинотехническая продукция, современные транспортные средства, электроника, химические продукты, металлы [ИТС...].

Таблица 3

Внешняя торговля КНР (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2001	262,2	237,8	500,0	+24,4
2005	746,0	639,9	1385,9	+106,1
2006	947,1	766,5	1713,6	+180,6
2007	1188,5	922,9	2111,4	+265,6
2008	1387,9	1086,4	2474,3	+301,5
2009	1158,6	968,7	2127,3	+189,9
2010	1522,9	1337,8	2860,7	+185,1
2011	1898,4	1652,4	3550,8	+246,0
2012	2048,8	1728,4	3777,2	+320,4
2013	2209,0	1854,8	4063,8	+354,2
2014	2342,3	1865,6	4207,9	+476,7
2015	2281,9	1623,2	3905,1	+658,7

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Таблица 4

Торговля США с КНР (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2001	19,2	109,4	128,6	-90,2
2005	41,8	259,8	301,6	-218,0
2006	55,2	305,8	361,0	-250,6
2007	65,2	340,1	405,3	-274,9
2008	71,5	356,3	427,8	-284,8
2009	69,6	309,5	379,1	-239,9
2010	91,9	383,0	474,9	-291,1
2011	104,1	417,3	521,4	-313,2
2012	110,5	444,4	554,9	-333,9
2013	121,7	459,1	580,8	-337,4
2014	123,7	486,3	610,0	-362,6
2015	116,2	502,6	618,8	-386,4

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Таблица 5

Торговля между ЕС-28 и Китаем (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2001	27,1	79,6	106,7	-52,5
2005	63,2	220,1	283,3	-156,9
2006	80,4	270,1	350,5	-189,7
2007	98,6	348,9	447,5	-250,3
2008	115,2	401,9	517,1	-286,7
2009	114,0	334,9	448,9	-220,9
2010	150,4	420,0	570,4	-269,6
2011	189,5	457,6	836,6	-268,1
2012	184,6	413,4	598,0	-228,8
2013	196,0	414,8	610,8	-218,8
2014	217,1	451,2	668,3	-234,1
2015	188,8	427,9	616,7	-239,1

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx

Однако, фиксируя действительно астрономические показатели внешнеторговой экспансии Китая последних десятилетий, следует оставаться на почве реальности и видеть не только бесспорные достижения китайских производителей, но и их уязвимые места, структурные слабости. Факты свидетельствуют, что до половины китайского промышленного экспорта приходится на так называемую «давальческую торговлю», при которой интеллектуальные права, дизайн, технологии и компоненты того или иного товара сначала импортируются, а затем на предприятиях КНР происходит сборка готовой продукции, предназначенной для вывоза на внешние рынки. Более того, основную часть экспорта обеспечивают не собственно китайские компании, а местные филиалы американских, европейских, японских и южнокорейских ТНК [Brooks].

Сохраняющееся отставание Китая от США и Евросоюза в научной сфере и высокотехнологичных отраслях, определяющих главный вектор развития глобальной экономики, дает шанс Вашингтону и Брюсселю в обозримом будущем сохранить свое лидерство. Но такое положение не может быть вечным. Власти и бизнес-сообщество КНР прилагают гигантские усилия по наращиванию собственного инновационного потенциала. Подобно тому, как Поднебесная стала «мировой фабрикой», она вполне способна сократить технологический разрыв и в перспективе превратиться в ключевого игрока «новой экономики».

Исследователи отмечают, что в настоящее время Китай выходит на новую траекторию развития, предполагающую, в частности, дальнейшее усиление внешней экспансии на основе внутренней модернизации и реализации крупнейших трансграничных инфраструктурных проектов. Яркий пример – стратегия Шелкового пути. «Один пояс,

один путь», как официально говорят в КНР, имея в виду формирование мировой транспортной артерии и зон международного хозяйственного взаимодействия для глобального продвижения китайских экономических интересов [Михеев]. Все это коллективный Запад не может оставить без ответа.

Концепция и ключевые параметры соглашения

Параллельно с процессом институционализации ТТИП Евросоюз подготовил Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (ВЭТС) с Канадой, предусматривающее, среди прочего, устранение 99% таможенных сборов в канадско-европейской торговле [The Geopolitics...]. Таким путем Брюссель и Оттава планируют в сжатые сроки преодолеть фактическое топтание на месте и существенно увеличить взаимный товарооборот, объем которого не соответствует экономическим возможностям сторон и устремлениям их предпринимательских кругов (табл. 6).

5 июля 2016 г. Европейская комиссия выпустила пресс-релиз, в котором содержался призыв к форсированному завершению переговоров о ВЭТС и скорейшему подписанию соглашения. Как заявил председатель комиссии Жан-Клод Юнкер, «торговое соглашение между ЕС и Канадой – это наш лучший и наиболее продвинутый договор в сфере торговли, и я хочу, чтобы он вступил в действие как можно скорее» [European...]. По мнению руководства Евросоюза, официальное подписание документа может состояться в октябре 2016 г. на очередном саммите ЕС – Канада.

Вступление в полную юридическую силу обеих договоренностей Европейского союза (ТТИП с США и ВЭТС с Канадой) будет на практике означать образование единого

Таблица 6

Торговля Канады с Евросоюзом (млрд долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2001	12,1	25,5	37,6	-13,4
2005	20,7	38,0	58,7	-17,3
2006	25,8	43,2	69,0	-17,4
2007	32,5	46,1	78,6	-13,6
2008	34,3	51,1	85,4	-16,8
2009	26,2	39,9	66,1	-13,7
2010	33,5	46,6	80,1	-13,1
2011	40,4	52,6	93,0	-12,2
2012	38,8	50,2	89,4	-11,8
2013	32,1	51,6	83,7	-17,4
2014	34,9	52,3	87,2	-17,4
2015	29,4	48,0	77,4	-18,6

межрегионального трансатлантического хозяйственного пространства, на долю которого придется свыше 50% мирового ВВП.

Снижение (или полная ликвидация) таможенных барьеров – одна из задач ТТИП, но далеко не главная. Уже сейчас взимаемые таможенные пошлины сравнительно невысоки (у ЕС – 5,2%, у США – 3,5%), исключение составляют всего несколько товаров: автомобили и некоторые сельскохозяйственные продукты [Garzón, p. 12]. Значительно важнее для американского и европейского бизнес-сообществ снятие нетарифных ограничений и препятствий, которые существенно повышают косвенные расходы компаний-экспортеров. Это разного рода процедурные и санитарные требования, а также имеющиеся различия в нормах и правилах, регулирующих юридические аспекты внешней торговли, бухгалтерскую отчетность, защиту окружающей среды и т.д. По имеющимся оценкам, устранение существующих различий и унификация правил могут обеспечить до 80% выгод от создания ТТИП [Vaudano, p. 27]. **Вопрос в том, какие нормы (американские или европейские) станут правовой платформой функционирования нового интеграционного мегаблока.**

В последние годы в документах Европейской комиссии делается акцент на растущей важности для стран-членов внешней торговли и в целом сферы внешнеэкономических отношений. Отмечается, в частности, что уже сейчас свыше 30 миллионов европейцев заняты выпуском продукции, предназначенной на экспорт за пределы Евросоюза, и значимость освоения внешних рынков будет неизбежно возрастать, поскольку глобальный экономический рост на 90% обеспечивают государства, не входящие в Объединенную Европу. Задача последовательного расширения экспортных поставок, по мнению Брюсселя, требует принятия обновленной внешнеторговой и инвестиционной стратегии, одно из центральных мест в которой отводится формированию трансатлантического экономического альянса [Trade...]. «Наша цель на переговорах по ТТИП предельно ясна: как можно быстрее продвигаться вперед и завершить их уже в 2016 году», – подчеркивала еврокомиссар по торговле Сессилия Мальмстрем [Malmström].

Документы, публикуемые Европейской комиссией, позволяют распределить тематику обсуждаемого трансатлантического альянса по следующим основным направлениям:

- облегчение взаимного выхода экспортеров на рынки путем максимально возможного упразднения таможенных пошлин и снятия других ограничений в торговле товарами и услугами;
- обеспечение более широкого доступа частных американских и европейских компаний к государственным заказам и тендерам, целенаправленное поощрение трансграничной инвестиционной и производственной деятельности;
- совершенствование нормативно-правовой базы внешнеэкономического регулирования и достижение наилучшей регуляторной практики посредством демонтажа административных и бюрократических препон;
- улучшение сотрудничества в вопросах установления международных стандартов и оптимизации принципов, норм и режимов взаимодействия правительственных органов США и стран-членов ЕС [Negotiating...].

Таблица 7

США – Евросоюз: торговля услугами (млрд долл.)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2007	176,2	144,5	320,7	+31,7
2008	194,4	155,7	350,1	+38,7
2009	175,1	138,3	313,4	+36,8
2010	179,2	143,6	322,8	+35,6
2011	199,2	156,1	355,3	+43,1
2012	199,5	157,7	357,2	+41,8
2013	205,9	163,5	369,4	+42,4
2014	219,3	168,7	388,0	+50,6

Источник: ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – trademap.org/Country_SelServiceCountry_TS.aspx

Одно из центральных мест на переговорах по ТТИП отводится вопросам либерализации торговли услугами. Это и понятно, поскольку на сервисный сектор и в Соединенных Штатах, и в странах Европейского союза приходится свыше 70% ВВП, именно в его отраслях сконцентрировано подавляющее большинство рабочих мест. Обмен услугами занимает в системе американско-европейских экономических связей видное место и в период 2009–2014 гг. вырос почти на 20%: с 313,4 млрд до 388 млрд долл. (табл. 7). При этом, в отличие от торговли товарами, обмен услугами с ЕС складывается для США с крупным профицитом, что объясняется научно-технологическим превосходством американских ТНК в целом ряде ключевых секторов: финансовом, компьютерных услуг, телекоммуникационном, рекламном, образовательном, оборонном.

Специальный интерес для крупнейших частных корпораций представляют так называемые защищенные секторы услуг (поставки и распределение электроэнергии, транспорт, профессиональные услуги бизнесу и т.д.), либерализация которых существенно расширит предпринимательское пространство, а потому фигурирует в числе приоритетных тем на переговорах по ТТИП. Таким образом, формирующийся трансатлантический альянс – классический пример глубоких МРТС, выходящих за рамки регуляторной практики ВТО и охватывающих не только торговлю товарами, но и трансграничный обмен услугами, движение инвестиций, многие другие вопросы регулирования финансово-экономической деятельности.

Сфера трансатлантических противоречий

Процесс институционализации ТТИП с самого начала сопровождается мощной и умело срежиссированной пропагандистской кампанией, цель которой – убедить общественное мнение по обе стороны Атлантики (в первую очередь, европейское) в системных преимуществах интеграции по лекалам ТНК. Макроэкономический нарратив сторонников трансатлантического альянса можно свести к трем главным тезисам:

– открытие рынков товаров и услуг, а также общая либерализация финансово-экономических связей обеспечат (помимо роста взаимной торговли) увеличение американского и европейского ВВП. Подсчитано, что на первоначальном этапе функционирования ТТИП ежегодная прибавка для США составит порядка 127 млрд долл., а для государств Евросоюза – 159 млрд долларов;

– гармонизация существующих по обе стороны Атлантики регулятивных норм и административных требований (и отмена избыточных правил) создаст благоприятный бизнес-климат для взаимных производственных инвестиций и ощутимо улучшит условия для деятельности частных предпринимателей, включая мелких и средних;

– вступление в силу соглашения между США и ЕС создаст важный международный прецедент и укажет магистральное направление будущего развития мировой торговли и глобальной экономики [Higgott].

Граждан европейских стран убеждают, что с помощью трансатлантического партнерства экономика Евросоюза выйдет из затянувшейся рецессии и обретет второе дыхание, а существующие проблемы в сжатые сроки испарятся. Критически настроенные европейские эксперты называют такого рода заявления «безразмерным оптимизмом» и высказывают обоснованные сомнения относительно однозначно позитивных для Европы последствий ее участия в мегаблоке [Taibo, p. 27, 30–31]. Более того, в работах многих авторов на основе структурного анализа условий договора о ТТИП приводится перечень тех отраслей европейской экономики и социальной сферы, которым трансатлантическая интеграция способна нанести максимальный ущерб.

Сельское хозяйство. Этот сектор и в США (средний уровень таможенных пошлин – 7%), и в Европе (аналогичный показатель – 13%) относится к числу наиболее защищенных мерами протекционистского характера. В ЕС особенно высокими налогами на импорт облагаются зерно, мясо и сахар. Существуют опасения, что, если таможенные барьеры будут сняты, более мощные американские аграрные предприятия сравнительно легко потеснят европейских конкурентов на их собственном рынке. В частности, обращается внимание на огромную разницу в масштабах и эффективности сельхозпроизводства: если в Америке средний размер агрофирмы составляет 170 га, а на 1000 га сельскохозяйственных угодий приходится 6 работников, то в Европе аналогичные показатели 13 га и 57 занятых. Максимальные потери понесут мелкие европейские фермеры, что может обернуться и серьезными социально-политическими издержками, особенно в странах, где сельское хозяйство играет заметную роль в производстве и экспорте (Франция, Испания, Италия и т.д.). Другой аспект проблемы – различия в нормах, регулирующих порядок размещения на рынке новых продуктов: в США он значительно проще, чем в Европе, что также создает американским компаниям конкурентное преимущество. Остро дискуссионным остается вопрос о генно-модифицированных продуктах (ГМП). В США на их долю приходится 70% продовольственных товаров, тогда как в Евросоюзе предложение ГМП ограничено, а сами такие продукты обязаны иметь соответствующую маркировку, против чего выступают американские компании [Institute...].

Энергетика. Рост предложения энергоносителей и снижение цен на них – одна из декларируемых приоритетных задач ТТИП. Но как она будет решаться? Отталкиваясь

от складывающихся трендов, логично предположить, что ключевым фактором станет наращивание экспорта в Европу сланцевых газа и нефти из США, а также, возможно, нефти канадских битуминозных песков. Это может иметь ряд негативных макроэкономических и экологических последствий. В частности, неизбежно затормозится развитие в европейских странах «чистой энергетики», основанной на использовании возобновляемых источников энергии (ветряной, солнечной и т.д.). Другим отрицательным эффектом может стать сокращение государственных и частных ассигнований на НИР в сфере создания новых видов энергоносителей, поскольку ослабнут стимулы развития альтернативной энергетики [Vaudano, p. 58].

Услуги. Как отмечалось, данный сектор, который охватывает финансы, телекоммуникации, строительство, туризм, образование, здравоохранение, охрану окружающей среды и другие виды деятельности, создает исключительно широкие возможности для взаимодействия США и ЕС в случае создания ТТИП. Но и здесь существует немало «подводных камней» и потенциальных угроз интересам европейцев. Главный риск – нацеленность на «ковровую» либерализацию и приватизацию тех видов услуг, которые находятся в руках государства или строго им регулируются. Европейцы опасаются, что ослабление (или полное снятие) государственного контроля в странах-членах Евросоюза приведет к росту тарифов на многие услуги, а это отрицательно скажется на уровне жизни граждан Европы [Guatán, p. 78, 89].

Особый случай – **финансовый сектор**. После кризиса 2007–2009 гг., начало которому в США было положено обанкротившимися страховыми и банковскими структурами, американские власти усилили надзор за деятельностью банков и других финансовых институтов (Закон Додда – Фрэнка), тогда как в ЕС регулирование этой сферы осталось сравнительно «мягким». Камнем преткновения является и активно практикуемый Вашингтоном принцип экстерриториальности в отношении европейских банков, которые США наказывают крупными штрафами за нарушение американских законов. Например, власти США штрафуют европейские банки за помощь американским гражданам в уклонении от уплаты налогов, а также за проведение операций со средствами клиентов из стран, против которых Белый дом ввел экономические санкции. В результате пострадали такие известные финансовые учреждения Европы, как Deutsche Bank, Commerzbank, Credit Suisse, HSBC Holdings PLC, Standard Chartered PLC, ING Groep NV. Крупнейший штраф из этой серии заплатил французский банк BNP Paribas: в 9 млрд долл. ему обошлись транзакции с деньгами из Ирана, Судана и Кубы [Vaudano, p. 68].

Рынок труда. Бытуют серьезные опасения, что в рамках ТТИП будет развернуто наступление на социальные завоевания наемных работников (особенно значимые в странах Евросоюза). Это могут быть увеличение продолжительности рабочей недели, сдерживание роста (а то и сокращение) реальной заработной платы, отмена коллективных трудовых договоров, ограничение права на забастовки, снижение влияния профсоюзов, других общественных организаций и т.д. Доминирующим трендом, по мнению компетентных европейских специалистов, станет падение удельного веса работающих по найму в совокупном национальном доходе в пользу собственников капитала. Принимая во внимание высокую безработицу и социальную напряженность в ряде европейских

стран (Испания, Греция, Франция), эксперты считают, что реализация планов ТТИП может обернуться новыми общественно-политическими потрясениями [Garzón, p. 25].

По мере развития переговорного процесса между США и ЕС в европейских странах ширилось и набирало силу движение против создания трансатлантического альянса, периодически приобретающее характер массовых протестных выступлений. Первоначально его костяк составляли представители левых партий, профсоюзов, малого и среднего бизнеса, аграриев и части экспертного сообщества, включая университетскую профессуру. Со временем в оппозицию к ТТИП все чаще стали переходить и отдельные члены политического истеблишмента и правительственных кругов. Громом среди ясного неба явились выступления против соглашения с США высокопоставленных официальных лиц ключевых государств Евросоюза. В конце июня 2016 г. премьер-министр Франции Мануэль Вальс на встрече с деятелями правящей Социалистической партии заявил, что обсуждаемое партнерство с Соединенными Штатами «направлено против интересов Евросоюза». И добавил: «Я вам откровенно скажу: не может быть никакого трансатлантического соглашения» [French...]. Затем министр экономического развития Италии Карло Календа определил ситуацию на переговорах о ТТИП как «тупиковую». «Я думаю, – поделился своей оценкой министр, – что соглашение не будет достигнуто, а сделка с Канадой (о создании ВЭТС – П.Я.) также может не состояться» [ТИР...]. И наконец, 28 августа 2016 г. вице-канцлер и министр экономики и энергетики Германии Зигмар Габриэль выступил с заявлением, в котором отметил, что за прошедшие 14 раундов диалога Брюссель и Вашингтон не смогли прийти к согласию ни по одной из 27 обсуждаемых глав соглашения. «По моему мнению, – подвел итог политик, – переговоры с США де-факто провалились, хотя никто этого не признает» [Министр...].

Агрегированный взгляд противников трансатлантического альянса весьма лаконично выразил П. Дефрейн, который написал, что ТТИП представляет собой **«фронтальное наступление на европейскую модель развития»**. Развивая эту мысль, известный ученый-международник, профессор Уорикского университета Ричард Хигготт заметил, что в контексте трансатлантического партнерства неизбежно произойдет «столкновение двух исторических моделей организации капиталистического общества»: западноевропейской и североамериканской [Higgott]. Данное обстоятельство ставит под вопрос целесообразность (и практическую возможность) институционализации ТТИП, что, разумеется, не отменяет продолжения попыток Вашингтона и его европейских союзников «продавить» трансатлантический проект.

«Экономическое НАТО»

Специального внимания заслуживают геополитические аспекты ТТИП – вероятное воздействие мегаблока на торгово-экономические интересы отдельных государств и целых регионов, остающихся вне формата переговоров между Соединенными Штатами и Евросоюзом о трансатлантической интеграции.

Особенно злободневный характер носит сопряжение ТТИП с экономической политикой США в АТР, на долю которого приходится 60% американского товарного экс-

порта. Практически синхронное продвижение проекта трансатлантического мегаблока с созданием под эгидой Вашингтона Транстихоокеанского партнерства в составе 12 стран, суммарное население которых превышает 800 млн человек, весьма показательны. Одновременное формирование двух гигантских интеграционных объединений может свидетельствовать о намерении Соединенных Штатов стать своего рода «гравитационным центром» глобальной экономики на пересечении ее самых мощных силовых линий, что неизбежно усилит зависимость европейской экономики от американской в системе будущих мирохозяйственных связей [Alcázar, p. 149].

Вопрос геостратегического значения – **далеко не случайное отсутствие Китая в списке участников ТТП**. В этом просматривается стремление США сдерживать торгово-экономическую экспансию Поднебесной, ограничить поле деятельности китайских компаний. «Вашингтон, – пишет испанский политолог Карлос Тайбо, – со всей очевидностью делает ставку на прогрессирующую эрозию торговой роли Пекина, создавая препятствия китайскому экспорту и затрудняя доступ компаний КНР на рынки США и их союзников. И в этой стратегии ТТП отводится решающая роль» [Taibo, p. 79]. Вместе с тем Соединенные Штаты и Европейский союз будут наращивать (и координировать) политико-психологическое и торгово-экономическое давление на Китай, чтобы вынудить его отказаться от многих протекционистских мер, защищающих местный рынок от иностранной конкуренции.

В развитии трансатлантической интеграции нетрудно усмотреть контуры уже существующих и еще зреющих противоречий между коллективным Западом и Россией. С точки зрения К. Тайбо, под эгидой Вашингтона ТТИП – **«инструмент, призванный затормозить любое сближение Москвы с Евросоюзом»**. При этом настойчиво проталкивается идея в императивном порядке «ослабить энергетическую зависимость ЕС» от поставок российских углеводородов путем их замены американскими сланцевыми энергоносителями. В русле подобной конфронтационной логики инициаторами создания мегаблока широко используется демагогический тезис о том, что Россия «стремится разделить Европу, тогда как ТТИП направлено на ее объединение». Иными словами, констатирует ученый, «в то время как задачей ТТП изначально была маргинализация Китая, одной из целей ТТИП является изоляция России» [Taibo, p. 81].

Большое значение для судеб трансатлантического альянса приобретает геополитическое измерение **Brexit** – решения Великобритании о выходе из состава Европейского союза. Неожиданный для Брюсселя и Вашингтона демарш Лондона спутал многие экономические и политические карты, в том числе и на переговорах по ТТИП. Заметим, что Соединенное Королевство – один из крупнейших европейских торговых партнеров США и главный покупатель американских товаров в Объединенной Европе: на его долю в 2015 г. пришлось свыше 16% совокупного товарооборота и около 21% экспорта [ИТС...]. Еще более заметное место Туманный Альбион занимает в обмене услугами и в финансово-инвестиционной сфере. «Развод» Великобритании с ЕС ставит перед Вашингтоном весьма непростую задачу одновременного достижения двух целей: успешного завершения переговоров по ТТИП и выработки новой формулы американо-британского торгово-экономического взаимодействия.

Суммируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что, с точки зрения американского и европейского истеблишмента, глобализация в ее первоначальной версии в значительной степени себя исчерпала и нуждается в перекройке. ТТИП – козырная карта в глобальной стратегической игре крупнейших американских и европейских транснациональных корпораций, которые вознамерились переформатировать систему мирохозяйственных связей в соответствии с собственными торгово-финансовыми интересами. Для этого, следует признать, имеются определенные материальные предпосылки, поскольку США и ЕС, несмотря на «китайский натиск» и рост влияния ряда других формирующихся держав, остаются ядром глобальной экономики и контролируют главные международные коммерческие артерии и основные инвестиционные потоки. Но существуют и серьезные препятствия на пути к ТТИП, о чем свидетельствует, например, особая позиция части элит Германии, Италии и Франции, высокопоставленные чиновники которых открыто высказываются против интеграции с Соединенными Штатами.

Давая оценку стратегическому замыслу правящих кругов США и ЕС сформировать трансатлантический мегаблок, можно констатировать, что под покровом пропагандистской риторики, обещающей европейцам «все и сразу», речь идет о рождении «экономического НАТО» – объединения, несущего в себе заряд конфликтности и противостояния с внеблоковыми государствами, которых на планете подавляющее большинство. Остается только строить догадки, какие новые потрясения ожидают глобальную экономику и мировую торговлю, если ТТИП, несмотря на все разногласия, трудности и препятствия, в конечном итоге будет создано.

Литература:

- Министр экономики и энергетики, вице-канцлер Германии Зигмар Габриэль: «переговоры о ТТИП де-факто провалились». 28.08.2016. – Mode of access: aftershock.news/node/429860 (date of access: 05.09.2016)
- Михеев В.В., Луконин С.А. Китай – главные тренды 2015 года. 12.07.2015. – Mode of access: www.imemo.ru/ (date of access: 09.09.2016)
- Саламатов В.Ю. Мегарегиональные торговые соглашения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 9. С. 17–27.
- Яковлев П.П. Глобальная экономика: прыжок в неизвестность // «Перспективы. Электронный журнал». 2016. №3(7) (июль–сентябрь). С. 99–115. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/0b9/3_2016.pdf (date of access: 08.09.2016)
- Яковлев П.П. Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // *Латинская Америка*. 2016. № 5. С. 12–29.
- Яковлев П.П. Президентство Б. Обамы: предварительные итоги // «Перспективы. Электронный журнал». 2016. №3(7) (июль–сентябрь). С. 5–18. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/0b9/3_2016.pdf
- Alcázar J. ТТИП. La gran amenaza del capital. Madrid. 2015.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States // *Foreign Affairs*. New York, May/April 2016, № 3.
- European Commission proposes signature and conclusion of EU-Canada deal. Strasbourg, 5 July 2016. – Mode of access: europe.eu/rapid/press-release_IP-16-2371_en.htm (date of access: 05.09.2016)

- French PM opposes TTIP as being against 'EU interests'. 27 June, 2016. – Mode of access: breitbart.com/ (date of access: 08.09.2016)
- Garzón A., Casino D., Hillary J.* La gran amenaza. Sobre el Tratado de Libre Comercio entre Estados Unidos y la Unión Europea. Barcelona. 2014.
- Guamán A.* TTIP. El asalto de las multinacionales a la democracia. Madrid. 2015.
- Higgott R.* TPP and TTIP in comparative context: what can Europe learn? 21 July 2016. – Mode of access: www.realinstitutoelcano.org/ (date of access: 02.09.2016)
- Institute for Agricultural and Trade Policy. Promises and Perils of the TTIP: Negotiating a Transatlantic Agricultural Market. October 23, 2013. – Mode of access: iatp.org/documents/ (date of access: 09.08.2016)
- ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – Mode of access: trade-map.org/Bilateral_TS.aspx (date of access: 12.09.2016)
- Malmström C.* TTIP – the State of Play. 27 April 2016. – Mode of access: ec.europa.eu/commission/ (date of access: 09.09.2016)
- Negotiating TTIP. 2 May 2016. – Mode of access: ec.europa.eu/commission/2014-2019/ (date of access: 05.09.2016)
- Office of the United States Trade Representative. TPP Full Text. – Mode of access: ustr.gov/trade-agreements/ (date of access: 05.09.2016)
- Power Shifts and New Blocs in the Global Trading System. Abingdon. 2015.
- Taibo C.* Para entender el TTIP. Una visión crítica del Acuerdo Transatlántico de Comercio e Inversiones. Madrid. 2016.
- The Geopolitics of TTIP. Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington. 2014.
- Shambaugh D.* China Goes Global: The Partial Power. New York. 2013.
- Trade for All: European Commission presents new trade and investment strategy. Brussels, 14 October 2015. – Mode of access: europe.eu/rapid/press-release_IP-15-5806_en.htm (date of access: 05.09.2016)
- TTIP free trade deal between U.S. and EU at dead end: Italy minister. July 5, 2016. – Mode of access: reuters.com/article/us-eu-ttip-italy-idUSKCN0ZL1JV (date of access: 10.09.2016)
- TTIP/TAFTA – Pierre Defraigne: “Europe seems disunited compared to the US”. 17 April, 2015. – Mode of access: uk.blastingnews.com/economics/ (date of access: 08.09.2016)
- Vaudano M.* Docteur TTIP et Mister Tafta. Paris. 2015.
- World Trade Report 2013. Factors Shaping the Future of World Trade. Geneva. 2013.

УДК 324; 323; 329

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

Президентские выборы 2016 г. в США: итоги и перспективы

Аннотация. В статье подводятся итоги президентских выборов в США, анализируются субъективные и объективные факторы, предопределившие успех Д. Трампа. Отмечается слабость предвыборной стратегии демократов, в частности выбора Х. Клинтон в качестве кандидата от Демократической партии. Успех Д. Трампа ни в коей мере не означает, что он получил безоговорочный мандат от американского народа на проведение заявленных реформ и начинаний во внутренней и внешней политике. Нереалистичность и практическая невыполнимость ряда экономических обещаний Трампа объективно будут толкать его к поиску договоренностей с мировыми полюсами силы и влияния, в том числе и с Россией.

Ключевые слова: Дональд Трамп, президентские выборы в США 2016 г., предвыборная стратегия, Демократическая партия, Республиканская партия, реформы в США.

Вера американцев в божественное Провидение неизменно являлась разновидностью национальной религии. «Боже, благослови Америку» – это крылатое выражение прочно вошло в политический лексикон страны, им нередко заканчиваются самые важные политические заявления ведущих общественных деятелей, в том числе и американских президентов. Это выражение заимствовано из песни 100-летней давности, которую знает практически каждый американец. Полная версия песенного стиха звучит так: «Боже, благослови Америку, мою любимую страну, стой на ее стороне и укажи ей путь».

Утром 9 ноября 2016 г., подводя итоги состоявшихся накануне президентских выборов, американское общество, по всей видимости, могло наглядно убедиться в существовании провиденциальных сил, которые сделали свой выбор в пользу мультимиллиардера Д. Трампа (1946 г. р.). «Феномен Трампа» и его стремительное восхождение на американский политический Олимп можно считать «чудом», невиданным в американской политической истории. В предвыборной платформе Демократической партии, принятой в июле 2016 г. в г. Филадельфии, было сказано, что «никогда в американской истории ведущая политическая партия не выдвигала на пост президента США или ее Верховного главнокомандующего кандидата, менее квалифицированного или менее подготовленного, чем Дональд Трамп» [2016 Democratic Party Platform]. Не профессиональный политик, никогда до этого не принимавший участия ни в одной избирательной кампании, Трамп, только еще анонсируя свое участие в предвыборной гонке,

Сведения об авторе: Травкина Наталья Михайловна – руководитель Центра внутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук; travkina.n.m@gmail.com.

безо всяких обиняков заявил, что он будет «величайшим президентом, когда-либо сотворенным Богом» [Trump Remarks...] И хотя, как частенько говорил создатель теории относительности А. Эйнштейн, «Бог не играет в кости», в ноябре 2016 г. Всевышний, по-видимому, решил изменить своему привычному правилу.

Анатомия «политического чуда»

Главный парадокс президентских выборов 2016 г. состоит в том, что кандидат Демократической партии Х. Клинтон опередила Д. Трампа по числу поданных за нее голосов рядовых избирателей почти на 2 млн человек – за нее проголосовало 64,2 млн избирателей против 62,2 млн голосов, поданных за ее соперника-республиканца. Таким образом, в долевым соотношении преимущество Х. Клинтон составило 1,5% (48,1% – 46,6%) [2016 National Popular Vote Tracker]. Такого разрыва в соотношении голосов между проигравшим и выигравшим выборы кандидатами не встречалось в американской истории после президентских выборов 1876 г.¹ В XX в. победители президентских выборов исправно набирали больше голосов рядовых избирателей по сравнению со своими оппонентами. Однако с наступлением XXI в. (в 2000 г.) эта закономерность впервые дала серьезный сбой: кандидат демократов, тогдашний вице-президент США А. Гор, набрал на 540 тыс. голосов (или на 0,5%) больше, чем его соперник – кандидат республиканцев Дж. Буш-мл., но президентом так и не стал [Elections of 2000].

Получить неоспоримое преимущество в 74 голоса Д. Трампу позволило наличие созданной в конце XVIII в. Коллегии выборщиков, состоящей из 538 членов. За Д. Трампа было подано 306 голосов, за Х. Клинтон – 232 голоса, при этом Трамп получил на 36 голосов выборщиков больше, чем необходимо для избрания президентом (270). Таким образом, архаичная Коллегия выборщиков трансформировала отставание Трампа в 1,5% по количеству поданных голосов рядовых избирателей в преимущество около 14% голосов выборщиков (56,9% – 43,1%) [Elections of 2016].

Эти статистические выкладки имеют непосредственное отношение к традиционному вопросу, который обычно задается в США по итогам состоявшихся президентских выборов: *получил ли вновь избранный президент мандат от американского народа на безоговорочную реализацию обещанных им перемен во внутренней и внешней политике и на проведение заявленных реформ?* Феномен расколовшейся пополам американской нации не дает оснований для однозначно утвердительного ответа на этот вопрос². Более того, этот феномен оказывается тесно связанным с интерпретацией

1 В XIX столетии трижды – на президентских выборах 1824 г., 1876 г. и 1888 г. – президентом становился кандидат, набравший меньшее число голосов рядовых избирателей; при этом в 1876 г. преимущество проигравшего кандидата по отношению к победителю составило 3% [Elections of 1876...].

2 Согласно опросу общественного мнения, проведенному сразу же после президентских выборов газетой «Вашингтон пост» и университетом Мейсона, на вопрос о том, получил ли Д. Трамп мандат на проведение всех реформ и преобразований, которые он обещал в ходе предвыборной кампании, утвердительно ответили только 29% опрошенных. 59% заявили, что он должен искать компромисса с демократами [Trump Administration....].

результатов президентской кампании, которая может быть сформулирована так: *не Д. Трамп победил в президентской гонке – это Х. Клинтон ее проиграла.*

Сопоставление результатов кампании 2016 г. с итогами президентских кампаний 2012 и 2008 г. показывает, что Д. Трампу, несмотря на всю противоречивость его фигуры и беспрецедентно активное противодействие ему значительной части руководства Республиканской партии, удалось завоевать большую поддержку избирателей чем его предшественникам М. Ромни и Дж. Маккейну. В частности, М. Ромни в 2012 г. получил около 61 млн голосов, а Дж. Маккейн в 2008 г. и того меньше – порядка 60 млн голосов [Elections of 2012].

Результаты Х. Клинтон в 2016 г. демонстрируют, напротив, явную тенденцию к падению поддержки кандидата на должность президента избирателями Демократической партии, четко фиксируемую на протяжении последних 8 лет. В частности, в 2008 г. Б. Обама получил поддержку 69,5 млн избирателей, а в 2012 г. этот показатель сократился почти до 66 млн голосов [ibid]. С учетом демографических сдвигов Х. Клинтон набрала всего 91% возможной поддержки избирателей Демократической партии по сравнению с рекордным показателем 2008 г. Иными словами, ее мобилизационный потенциал среди ведущих групп избирателей Демократической партии оказался гораздо меньше потенциала Б. Обамы, и ее слабость рельефно проявилась среди афроамериканцев и избирателей молодого возраста. Соответствующие данные суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение степени общественной поддержки кандидатов Демократической партии на президентских выборах 2008, 2012 и 2016 гг. среди афроамериканцев и молодых избирателей, %

Группы избирателей	2008 г. (Б. Обама)	2012 г. (Б. Обама)	2016 г. (Х. Клинтон)
Афроамериканцы	95	93	88
Молодые избиратели			
• в возрасте от 18 до 24 лет	66	60	56
• в возрасте от 25 до 29 лет	66	60	53
• в возрасте от 30 до 39 лет	54	55	51

Источник: Edison Research. National Election Pool for the consortium of ABC News, Associated Press, CBS News, CNN, Fox News, and NBC News. Edison research election polling archive. 2008, 2012, 2016// edisonresearch.com/election-polling-archive/

С ретроспективной точки зрения стратегической ошибкой демократов была сама ставка на Х. Клинтон как на политического деятеля, способного побеждать в президентских выборных кампаниях. На протяжении последних 8 лет Х. Клинтон провела три политические кампании. После своего успешного избрания в 2000 г. и последующего переизбрания в Сенат США от шт. Нью-Йорк в 2008 г. она проиграла на этапе первичных выборов Б. Обаме. На момент начала той президентской кампании их по-

литический вес был далеко не одинаков. К тому времени Х. Клинтон была уже известным политическим деятелем. Ей противостоял малоопытный политик Обама, который с 2005 г. был младшим сенатором от штата Иллинойс и, в отличие от Х. Клинтон, не считался частью руководства Демократической партии.

Ситуация 2008 г., по сути, повторилась и на этапе первичных выборов 2016 г., где ей противостоял заведомо неизбираемый, далеко не молодой социалист Б. Сандерс. Фигура Сандерса первоначально представлялась весьма удобной для Х. Клинтон. Он идеально подходил на роль спарринг-партнера перед всеобщими выборами осени 2016 г., в борьбе с которым Х. Клинтон и должна была продемонстрировать политический мастер-класс. Ведь Сандерс – совершенно не раскрученный, такой же, как Обама в 2008 г., несистемный политик.

Однако неуверенность Х. Клинтон в своих силах, обусловленная «осечкой» 2008 г., привела к тому, что она с самого начала кампании была вынуждена задействовать административный ресурс в виде Национального комитета Демократической партии, на который и была возложена функция организации первичных выборов. Несмотря на активное использование аппарата Демократической партии на местах и многочисленные фальсификации результатов первичных выборов [см., в частности: Травкина...], в американской печати появились аналитические доказательства того, что Б. Сандерс победил на критически важных первичных выборах в Калифорнии и, как следствие, – на этапе первичных выборов в Демократической партии в целом [Confirmation...]. В результате многие сторонники Б. Сандерса – а ими оказались в основном молодые, «идеалистически» настроенные избиратели – почувствовали себя обманутыми, что и сказалось осенью на этапе всеобщих выборов.

Ноябрьское фиаско демократического кандидата произошло несмотря на беспрецедентное явление в американской политической жизни последних 30 лет. А именно: начиная с лета в предвыборную кампанию на стороне Х. Клинтон активно включился Белый дом в лице популярного в конце своей деятельности Б. Обамы, его супруги М. Обамы, также популярной среди афроамериканцев и женской части избирателей Демократической партии, и вице-президента Дж. Байдена. Помимо этого, в кампании Х. Клинтон активно участвовал ее муж Б. Клинтон, деятельность которого на посту президента США в 1990-е годы до сих пор с ностальгией вспоминают многие американцы. С Д. Трампом все было иначе: против него прямо или завуалированно выступили все ведущие политики Республиканской партии, начиная от бывших президентов (Дж. Буша-ст. и Дж. Буша-мл.) и заканчивая несостоявшимися президентами – сенаторами Дж. Маккейном и М. Ромни.

Непопулярность и Х. Клинтон и Д. Трампа среди широких слоев американских избирателей, выразившаяся в том, что к Х. Клинтон на момент выборов отрицательно относилось около 55% опрошенных, а к Д. Трампу – 58% [Clinton...], обернулась еще одним важным обстоятельством. На исход выборов 2016 г. немалое влияние оказали третьи партии – Либертарианская, которая набрала 4,4 млн голосов (или 3,3% общего числа американцев, принявших участие в выборах), и Зеленая, за кандидатов которой

проголосовали 1,4 млн (1,0%) [Elections of 2016]. За Либертарианскую партию традиционно голосуют «разочарованные» республиканцы, избирателями Зеленой партии являются представители левых сил. На выборах 2012 г. либертарианцы набрали всего 1,0% голосов, а «зеленые» – мизерные 0,4%. На этот раз либертарианцы оттянули главным образом голоса Трампа, «зеленые» – голоса Клинтон. Можно предположить, что у Трампа был неиспользованный резерв в виде голосов либертарианцев, который потенциально мог улучшить его итоговые показатели.

Поражение Х. Клинтон усиливается еще одним обстоятельством. На выборах в Сенат республиканцы потеряли два места (сохранив при этом контроль над ним), а на выборах в Палату представителей – 6 мест¹. После промежуточных выборов 2010 г. республиканцы установили прочный контроль над Палатой представителей, но, тем не менее, результаты выборов в Конгресс лишней раз подчеркивают наличие «демократической волны» в современной американской политике, оседлать которую не сумела Х. Клинтон.

Важно также иметь в виду, что Х. Клинтон в принципе могла опередить Д. Трампа и по числу голосов выборщиков, если бы она победила в таких ключевых штатах, как Мичиган, Висконсин, Пенсильвания и Флорида, которые в сумме дают 75 голосов выборщиков. Разрыв в этих штатах между Д. Трампом и Х. Клинтон в общем числе поданных за них голосов был меньше или немногим больше 1%. Соответствующие данные приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Разница в голосах, поданных за Х. Клинтон и Д. Трампа в четырех ключевых штатах

Штат	Х. Клинтон		Д. Трамп		Δ % в пользу Д.Трампа
	Число голосов, млн	Доля, в %	Число голосов, млн	Доля, в %	
Флорида (29)*	4,5	47,8	4,62	49,0	-1,2
Пенсильвания (20)	2,86	47,6	2,91	48,8	1,2
Мичиган (16)	2,27	47,4	2,28	47,6	0,2
Висконсин (10)	1,38	47,0	1,40	47,8	0,8

* В скобках приведено количество голосов выборщиков от данного штата.

Источник: The Cook Political Report. 2016 National Popular Vote: Tracker cookpolitical.com/story/10174.

Таким образом, конечную судьбу президентских выборов 2016 г. решили голоса примерно 200 тыс. избирателей в четырех ключевых американских штатах, которые и дали внушительный перевес Трампу в 69 голосов выборщиков. Однако трансформация мизерных (по их доле) 200 тыс. голосов рядовых избирателей в 69 голосов (почти 13% общего числа) Коллегии выборщиков, по архаичной формуле XVIII в. «победитель получает все», едва ли может служить убедительным аргументом в пользу широкого

1 В Конгрессе 115 созыва республиканцы будут располагать голосами 52 сенаторов, а демократы – голосами 48 сенаторов. В Палате представителей республиканцы будут иметь 238 депутатов, а демократы – 193 депутата.

мандата Д. Трампа на проведение обещанных реформ и преобразований. Скорее даже наоборот, его мандат носит достаточно проблематичный характер и в принципе может сойти на нет за очень короткое время, измеряемое неделями и месяцами, учитывая изменчивость настроений американского общественного мнения. При этом важно отметить, что на президентских выборах 2012 г. в этих четырех штатах уверенно победил Б. Обама. Тогда преимущество демократа в этих штатах по сравнению с республиканцем М. Ромни составило: во Флориде – 0,9%, в Пенсильвании – 5,4%, в Мичигане – 9,5% и в Висконсине – 6,9% [Google. 2012].

Объективные социально-экономические факторы успеха Д. Трампа

Ожесточенность политических баталий президентской гонки 2016 г., построенной на грязных политических технологиях, и демонизация образов Х. Клинтон и Д. Трампа в американском общественном сознании отодвинули на второй план общую социально-экономическую ситуацию, на фоне которой разворачивалось соперничество двух претендентов. Однако ситуация эта принципиально важна для понимания того, почему не профессиональному политику, но одновременно бизнесмену и «экономисту» Трампу удалось заручиться, по сути, такой же поддержкой американских избирателей, как и политическому тяжеловесу Демократической партии Х. Клинтон.

Демократическая администрация Б. Обамы подошла к ноябрьским выборам на тренде экономического подъема, который продолжался седьмой год подряд, начиная с 2010 г. В конце октября статистические службы федерального правительства бодро отапортовали американским избирателям, что в 2016 г. наблюдается устойчивая тенденция к увеличению темпов экономического роста: если в первом квартале он составил скромные 0,8%, то во втором достиг 1,4%, а в третьем – скакнул до 2,9% [Bureau of Economic Analysis]. В среднегодовом выражении экономический рост за три квартала 2016 г. составил почти 1,5%, что, однако, не вышло за пределы тренда экономического развития США на протяжении предыдущих семи лет. С 2010 г. занятость в частном секторе американской экономики возросла на 15,5 млн человек, а безработица упала с 10% до 4,9%, то есть практически вернулась к докризисному показателю [The Employment Situation].

Администрация Обамы упирала и на то, что впервые после 2007 г. произошел заметный рост годовых доходов американских домовладений, которые увеличились с 53,7 тыс. долл. в 2014 г. до 56,5 тыс. долл. в 2015 г. и вышли примерно на уровень 2006 г. [US Census Bureau...]. Правда, при этом она была вынуждена признать, что доля труда в валовом продукте частного сектора американской экономики выросла сравнительно незначительно и не достигла докризисного уровня, поскольку эти изменения оказались не в состоянии «вернуть вспять долгосрочную тенденцию к падению доли труда, вызванную не в последнюю очередь ухудшением позиций работников на переговорах с предпринимателями по вопросу оплаты труда» [The Employment Situation].

Однако эти более или менее радужные оценки растущего экономического благополучия Америки разбивались о множество других выкладок и аргументов, представляв-

ших успехи последних 8 лет в совершенно ином свете. Прежде всего вставал вопрос той цены, которую пришлось заплатить администрации Обамы за выведение американской экономики на траекторию устойчивого роста. За те же годы валовой государственный долг США вырос более чем в два раза и к концу 2016 г. достиг почти 20 трлн долл. [U.S. National Debt Clock].

Кроме того, в 2016 г. наметилась тенденция к росту бюджетных дефицитов. Если до 2015 г. бюджетные дефициты неуклонно снижались – и абсолютно, и относительно, то в 2016 фин. г. бюджетный дефицит достиг почти 600 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2015 фин. г. на 150 млрд долл. (в относительном измерении – с 2,5% до 3,2% ВВП) [Monthly Budget...].

В ходе своей кампании Трамп неоднократно обращался к ситуации с государственным долгом США, фактически вышедшей из-под контроля федерального правительства. Практически и Х. Клинтон, и Б. Обама от содержательного обсуждения этой проблемы ушли, сосредоточившись на «сексизме» Трампа и других его прегрешениях по этой части. Но непреложным фактом оставалось то, что за годы пребывания у власти демократы так и не нашли никакого решения проблемы растущих долга и дефицитов федерального бюджета.

В исторической ретроспективе темпы экономического развития США при администрации Обамы вообще могли трактоваться почти как катастрофические. С 2009 по 2016 г. среднегодовой темп роста американской экономики составил 1,5%, и по этому показателю среди 39 американских президентов Обама оказался на 36-м месте. Худшие показатели до него имели только президент Г. Гувер (1929–1933), когда ВВП сокращался ежегодно в среднем на 5,5%, Э. Джонсон (1865–1869), при котором американская экономика сокращалась ежегодно на 0,7%, и Т. Рузвельт (1901–1909), в период правления которого американская экономика росла анемичным среднегодовым темпом в 1,4% [Woodhill].

Еще более тревожна ситуация с потенциалом американского экономического развития. На протяжении большей части своей истории, с 1790 по 2000 г. американская экономика росла среднегодовым темпом в 3,8%. В настоящее время большая часть американских экономистов полагает, что для перехода на новый технологический уклад среднегодовые темпы роста должны быть не менее 3,0% и сохраняться сравнительно долгий период времени. При Обаме экономика США ни разу не продемонстрировала такого показателя. Даже при непопулярном президенте Дж. Буше-мл. ее среднегодовые темпы роста составили 2,1%, а в 2004 и 2005 г. темп роста реального ВВП превысил 3,0%. В итоге к президентским выборам 2016 г. большая часть американской политической элиты «практически отказалась от стратегии ускорения экономического развития, услаждая свой слух академическими мантрами о «секулярной стагнации»» [Ibid].

Вялые темпы экономического роста сопровождались неоправданным использованием Федеральной резервной системой печатного станка. За 7 лет – с 2009 по 2015 г. – Центробанк США напечатал долларовых банкнот и краткосрочных векселей на сум-

му почти в 2 трлн долл., которые, вместо того чтобы придать ускорение развитию реального сектора экономики, стали обращаться в финансовом секторе, сформировав на американских фондовых рынках мощный пузырь, готовый лопнуть в любую минуту [Durden].

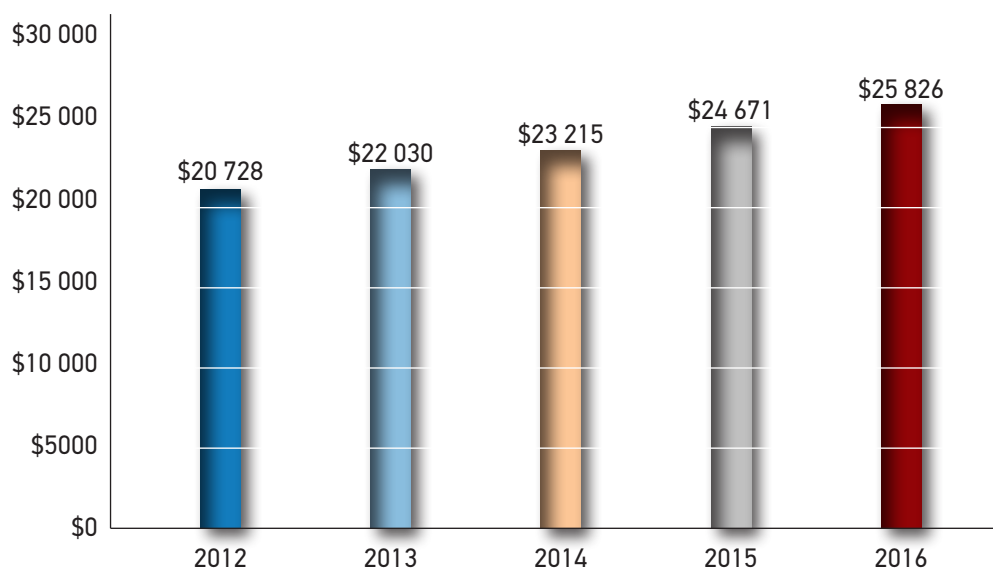
Именно безудержное закачивание в американскую экономику колоссальных денежных средств обернулось для американских домовладений падением реальных годовых доходов, сократившихся в 2009 – 2014 гг. с 55,0 тыс. долл. до 53,7 тыс. долл., или на 2,5%, суммарные экономические потери которого для американских домовладений не смогло компенсировать их увеличение в 2015 г., т.е. канун активной фазы президентской кампании 2016 года. [Рассчитано по: *Income and Poverty...*] Стагнация в росте реальных доходов происходила на фоне сокращения доли экономически активного населения (с 65,7% до 62,7%, или на 3,0%). В результате с января 2009 г. по январь 2016 г. *численность экономически неактивного населения США выросла почти на 14 млн. человек (!)* [Databases, Tables...] Собственно говоря, эти данные и раскрывают алхимию уменьшившейся в два раза нормы безработицы за годы пребывания у власти администрации Обамы: безработные, не найдя применения на рынке труда США, предпочли заниматься индивидуальными работами на дому.

Скрытые безработица и бедность быстро привели к тому, что важнейшим фактором стабилизации положения в социальных низах стало расширение социальной помощи, прежде всего в виде продовольственных талонов. С 2009 по 2015 г. численность американцев, получающих льготные продовольственные талоны, увеличилась почти на 40% (!) – с 33,5 млн. человек до 45,8 млн. человек [Durden].

Несмотря на масштабные и широко разрекламированные усилия администрации Обамы по преодолению кризиса на рынке ипотечного кредитования, доля жилого фонда, находящегося в собственности домовладельцев, уменьшилась в период с 2009 по 2014 г. с 67,4% до 64,8%, вернувшись к уровню начала 1990-х годов [Ibid]. Между тем владение собственным домом является важнейшей частью «американской мечты». Многим из нового поколения американцев, родившихся в 1980-х и позже (численность этого «поколения тысячелетия» составляет в настоящее время порядка 70 млн человек [Fry]), не суждено вкушать плоды этого заветного счастья.

Об испаряющейся на глазах «американской мечте» свидетельствует и резкий рост расходов на получение высшего образования и медицинских услуг. Мощный политический резонанс приобрела в США проблема задолженности по студенческим займам – преимущественно федеральным кредитам и субсидиям, выданным на получение высшего образования. В 2009 – 2016 гг. их размер увеличился с 706 млрд долл. до 1351 млрд долл. [Durden], или почти в два раза. По мнению многих аналитиков, под американскую экономику заложена «финансовая бомба» замедленного действия, которая может спровоцировать даже масштабный экономический кризис. Задолженность по непогашенным студенческим займам имеют 40 млн американцев, она является второй по величине после задолженности по ипотечным кредитам [Berman]. Не случайно в предвыборной программе Демократической партии нашло отражение тре-

Источник: Health Care Costs for Average American Family Now Exceed \$25,000 a Year. – «The Fiscal Times», May 24, 2016 (<http://www.thefiscaltimes.com/2016/05/24/Cost-Health-Care-Average-American-Family-Now-Exceed-25000-Year>).

Рис. 1. Рост годовой стоимости медицинских услуг для американской семьи из 4 человек, долл.

бование ввести в США систему бесплатного высшего образования для семей с годовыми доходами менее 125 тыс. долл. [2016 Democratic Party Platform].

Наконец, с введением в 2010 г. системы доступного медицинского страхования, получившего широкую известность как *Obamacare*, стала заметно расти стоимость медицинского обслуживания, которая в 2016 г. перевалила за психологически важную отметку в 25 тыс. долл. в год на семью из 4 человек. Наглядные данные о росте стоимости медицинского обслуживания в США в период 2012 – 2016 гг. приведены на рис. 1.

Разумеется, на рост стоимости медицинского обслуживания в Америке влияет множество факторов, однако в президентской кампании 2016 г. республиканцы и Трамп сделали основной упор на вклад в это увеличение программы доступного медицинского страхования, расходы на которую по линии федерального бюджета в 2016 фин. г. составили порядка 40 млрд долл. и услугами которой воспользовались примерно 9 млн человек [CBO. An Update]. Д. Трамп выложил в твиттере ссылку на данные, в совокупности характеризующие экономическое наследие администрации Обамы, политику которого собиралась продолжить Х. Клинтон. «Таково наследие Обамы, – писал он. – Полная катастрофа! Нам немедленно нужен новый президент – президент Трамп!!» [Durden]. Именно благодаря апеллированию к этим фактам суровой американской экономической реальности Трамп (адресатами твитов которого были по меньшей мере 37 млн человек) и достигался в конце концов до широких слоев американских избирателей.

Согласно опросам, во мнении респондентов, кто из кандидатов – Х. Клинтон или Д. Трамп – будет лучше справляться с экономическими проблемами США, Д. Трамп неизменно опережал свою соперницу. В частности, в самый канун выборов в пользу

Трампа высказалось 52% респондентов, в пользу Клинтон – 44% [Campaign 2016...]. Экономист по образованию, закончивший престижную Уортоновскую школу финансов Пенсильванского университета, успешный бизнесмен – Д. Трамп явно выглядел лучше Х. Клинтон, в том числе и на теледебатах, когда вопрос заходил об экономических проблемах Америки.

Особенности финансирования президентской кампании 2016 г.

Финансовая сторона президентских кампаний неизменно рассматривалась как важнейшая составляющая избирательного процесса, нередко выступая в роли главного фактора, обеспечившего успех кандидата-победителя. Эта закономерность более или менее устойчиво проявляла себя в ходе последних президентских кампаний. Так, в 2008 г. Б. Обама уверенно победил Дж. Маккейна не в последнюю очередь потому, что ему удалось собрать в свой предвыборный фонд порядка 745 млн долл., в то время как его сопернику – в два раза меньше, только 368 млн долл. [2008 Presidential...]. Аналогичная ситуация повторилась и в 2012 г., когда Б. Обаме удалось собрать 723 млн долл., а его сопернику М. Ромни – 450 млн долл. Хотя с учетом комитетов политических действий (КПД), агитировавших за этих двух кандидатов, М. Ромни мобилизовал несколько больше финансовых ресурсов, нежели Б. Обама: 1,3 млрд долл. против 1,2 млрд долл. [2012 Presidential...]. Однако это незначительное отставание было с лихвой компенсировано мощным административным ресурсом, которым располагал Обама как действующий президент США.

Можно было ожидать, что тенденция к нарастанию расходов в полной мере проявит себя в президентской кампании 2016 г., однако этого, к удивлению многих американских аналитиков, не произошло. Фактически она оказалась даже менее затратной, чем президентская кампания 2008 г. Х. Клинтон удалось собрать в общей сложности порядка 690 млн долл., которые сложились из 500 млн долл. предвыборного фонда и 190 млн долл., потраченных поддерживавшими ее «независимыми» КПД. А Д. Трамп потратил в общей сложности всего 310 млн долл. – 250 млн долл., собранных им в свой предвыборный фонд, и 60 млн долл. со стороны агитировавших за него КПД [2016 Presidential...].

Но самое примечательное в финансовой составляющей прошедшей президентской гонки – суммы, которые были потрачены каждым кандидатом из собственных средств. Х. Клинтон потратила 1,4 млн долл., или примерно 0,3% ее предвыборного фонда. Д. Трамп – около 56 млн долл., или 23% средств его предвыборного фонда [Ibid.]. Такой объем личных расходов является беспрецедентным в истории американских президентских выборов, поскольку ранее собственные затраты кандидатов не превышали нескольких тысяч, максимум – десятков тысяч долларов.

Трамп вел свою кампанию под лозунгом «отчетности перед американскими избирателями, а не перед финансовыми спонсорами – как своими собственными, так и Республиканской партии». Именно по этой причине его кампания оказалась на удивление эффективной: по сути, на каждый вложенный (им самим и спонсорами) доллар Трамп получил в два раза больше голосов, чем Х. Клинтон.

В какой степени фактор финансирования предвыборных кампаний из собственных средств кандидата станет еще одной аномалией прошедшей кампании, а в какой – тенденцией последующих президентских гонок, покажет будущее. Однако не приходится сомневаться в том, что масштабное финансирование Трампом кампании из собственных средств явилось важным сигналом для американских избирателей, что он действительно является независимым кандидатом, а не «марионеткой Кремля» или каких-либо других внешних сил, как это ему приписывали.

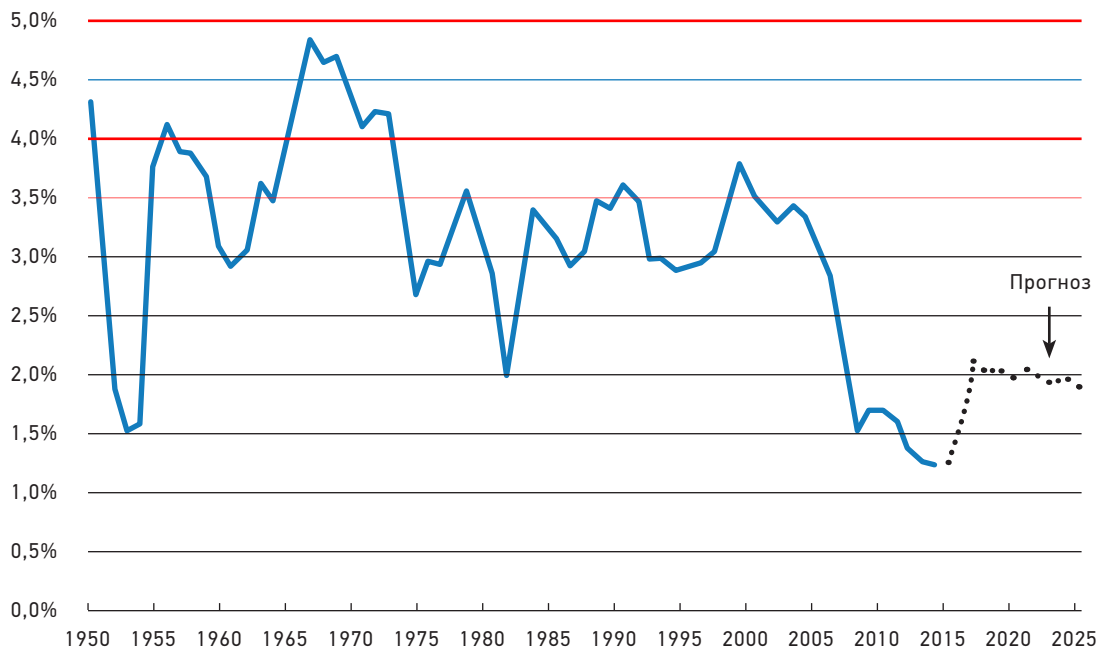
Финансовая бухгалтерия прошедших выборов демонстрирует и сопротивление, которое пришлось преодолеть Трампу на пути в Белый дом. Отчетность «независимых» КПД показывает, что те из них, которые агитировали прямо или косвенно за и против Х. Клинтон, потратили в общей сложности 170 млн долл., причем 60 млн долл. было потрачено на ее поддержку, а 110 млн долл. – против. Расходы КПД, агитировавших за и против Трампа, составили примерно 350 млн долл., из которых 100 млн долл. было потрачено в его поддержку, а 250 млн долл. – на его демонизацию и дискредитацию [ibid]. Таким образом, Трампу успешно удалось выстоять против лавины грязи и негатива, которую обрушили на него главным образом либерально настроенные средства массовой информации. Однако, по всей видимости, этот негатив будет сказываться на протяжении всего его президентства.

«Хорошо давать обещания, думая, что их никогда не придется выполнять»

Систематическое отставание Д. Трампа от Х. Клинтон на всем протяжении выборной кампании 2016 г. заставило его прибегать к популизму, обещая американским избирателям проведение до известной степени невыполнимых реформ. Естественно, что рядовые избиратели скорее реагируют на обещания, непосредственно касающиеся их карманов и социально-экономического благополучия их семей, нежели на аналитические выкладки специалистов, оценивающих вероятность реализации этих обещаний.

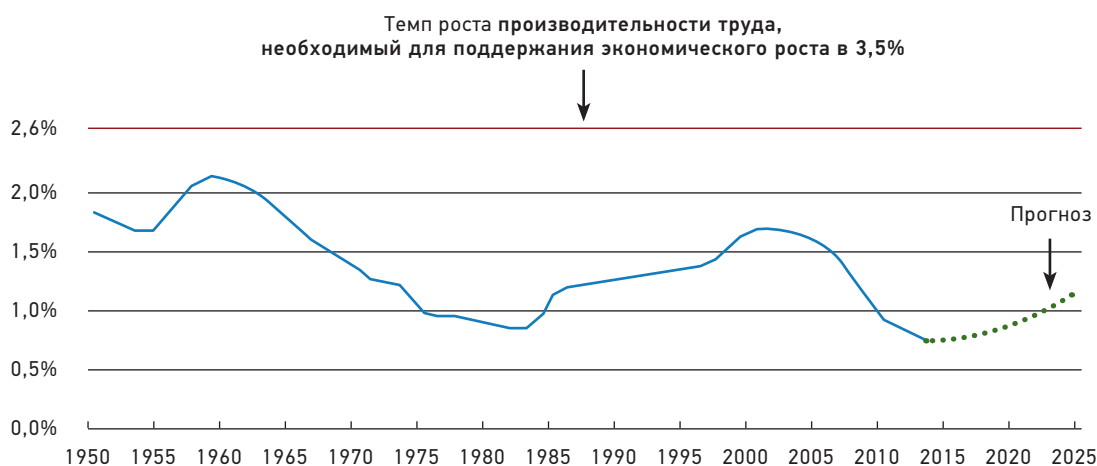
Стратегия Д. Трампа по «превращению Америки в ведущую страну мира» базировалась на необходимости резкого ускорения темпов экономического роста и развития, которое и позволит создать десятки миллионов новых рабочих мест и вернуть ушедшие за границу производства и даже целые отрасли экономики. Американские экономисты быстро подсчитали, что для реализации программы Трампа экономика должна будет расти в течение сравнительно долгого периода времени (5 – 10 лет) не менее чем на 3,5% в год. Однако после Второй мировой войны такие темпы экономического роста экономика США демонстрировала только со второй половины 1950-х по начало 1970-х годов, а также в отдельные годы во второй половине 1980-х и во второй половине 1990-х годов. Более того, согласно прогностическим оценкам Бюджетного управления при Конгрессе США (БУК), в ближайшем будущем вряд ли стоит ожидать темпов экономического роста, превышающих 2%. Соответствующие тенденции развития США отражены на рис. 2.

Важнейшим условием реализации курса на ускорение темпов роста является значительное повышение производительности труда. Согласно расчетам, для достижения устойчивого ежегодного экономического роста в 3,5% производительность труда в США должна расти на 2,6% в год. В настоящее время этот показатель едва достигает 1%, а темпов роста производительности труда в 2,6% не наблюдалось в экономической истории США уже целых 70 лет! Соответствующая динамика приводится на рис. 3.

Источник: Committee for a Responsible Federal Budget. Is Sustained 5 Percent Annual Growth Possible? Apr 6, 2016. – crfb.org/blogs/sustained-5-percent-annual-growth-possible.

Рис. 2. Среднегодовые темпы экономического роста США в 1950–2025 гг., %

Источник: Committee for a Responsible Federal Budget. Getting Real About Paying For Trump’s Tax Plan. Sep 16, 2026. – crfb.org/blogs/sustained-5-percent-annual-growth-possible.

Рис. 3. Тенденции роста производительности труда в экономике США в 1955–2025 гг., %

Так что Д. Трампу будет практически невозможно реализовать все свои экономические обещания, предусматривающие *одновременное* снижение налогов, повышение военных расходов и стабилизацию роста выплаты процентов по государственному долгу США. Реализация подобных планов в расчете на предстоящие 10 лет увеличит государственный долг США еще на 5,3 трлн долл. – и это не считая тех 9 трлн долл., которые лягут дополнительным бременем на американскую экономику в том случае, если страна будет просто следовать нынешним курсом [Looking at the...].

Невыполнимость экономических обещаний Д. Трампа ставит исключительно сложные проблемы перед его будущей администрацией в плане осуществления внешней политики. Администрация может с течением времени вернуться к политике второго срока Обамы и постараться постепенно сместить фокус своих неудач на внешний мир, ища козлов отпущения в виде Китая или России. Но поскольку Д. Трамп пришел к власти на волне обещаний «сделать великой Америку», на контроле американских избирателей будут стоять именно его достижения в сфере экономики. А это объективно вынудит Трампа искать договоренности со многими центрами и полюсами современного мира, в том числе и с Россией, взаимовыгодные торгово-экономические связи с которой потенциально могут усилить экономические позиции США.

Как считает проницательный американский политик консервативного толка П. Бьюкенен (автор известной книги «Смерть Запада», в прошлом советник Р. Рейгана, кандидат на пост президента США от Реформистской партии в 2000 г.), основным противником Трампа на протяжении предстоящих четырех лет будут демократы, которые жаждут реванша после сокрушительного поражения в ноябре 2016 г. «Президентство Трампа, – отметил П. Бьюкенен, – будет проходить в условиях внутренней осады со стороны широких демократических сил, и ему, скорее всего, придется, фигурально говоря, сформировать кабинет министров военного времени и такой аппарат сотрудников Белого дома, который будет готов сражаться до конца и не предаст своего Верховного главнокомандующего. Битва 2016 г. завершена. Впереди – долгая война президента Трампа, которая еще только начинается» [Buchanan].

Литература:

- Травкина Н.М., Рмоговский Е.А. «Цифровая демократия» и президентская кампания – 2016 // «Америка и Россия в XXI веке». 2016. № 2. URL: rusus.ru/?act=read&id=505 (дата обращения: 06.12.2016).
- 2008 Presidential Election. General Election Candidates // OpenSecrets.org. URL: opensecrets.org/Pres08 (date of access: 06.12.2016).
- 2012 National Popular Vote // [Google.docs](https://docs.google.com/spreadsheets/d/1PV-jK0kov7-w-xuj6DhyL7gP9VGKlv0-c_hY0UN1Un0/edit#gid=19). URL: docs.google.com/spreadsheets/d/1PV-jK0kov7-w-xuj6DhyL7gP9VGKlv0-c_hY0UN1Un0/edit#gid=19 (date of access: 06.12.2016).
- 2012 Presidential Election // OpenSecrets.org. URL: opensecrets.org/pres12 (date of access: 06.12.2016).
- 2016 Democratic Party Platform. July 21, 2016. As Approved by the Democratic Platform Committee. July 8–9, 2016. Orlando. FL. P.40. – Mode of access: demconvention.com/wp-con

- tent/uploads/2016/07/Democratic-Party-Platform-7.21.16-no-lines.pdf__(date of access: 06.12.2016).
- 2016 National Popular Vote Tracker // The Cook Political Report. URL: [cookpolitical.com/story/10174_\(date of access: 06.12.2016\).](http://cookpolitical.com/story/10174_(date of access: 06.12.2016).)
- 2016 Presidential Election. Campaign funding by candidate // OpenSecrets.org. URL: [opensecrets.org/pres16_\(date of access: 06.12.2016\).](http://opensecrets.org/pres16_(date of access: 06.12.2016).)
- Berman J.* America's growing student-loan-debt crisis // Market Watch. Jan. 19, 2016. URL: [marketwatch.com/story/americas-growing-student-loan-debt-crisis-2016-01-15 \(date of access: 06.12.2016\).](http://marketwatch.com/story/americas-growing-student-loan-debt-crisis-2016-01-15 (date of access: 06.12.2016).)
- Buchanan P.* A Besieged Trump Presidency Ahead // RealClear Politics. November 22, 2016. URL: [realclearpolitics.com/articles/2016/11/22/a_besieged_trump_presidency_ahead_132412.html \(date of access: 06.12.2016\).](http://realclearpolitics.com/articles/2016/11/22/a_besieged_trump_presidency_ahead_132412.html (date of access: 06.12.2016).)
- Bureau of Economic Analysis. Gross Domestic Product: Third Quarter 2016 (Advance Estimate). October 28, 2016. P.6. – Mode of access: [bea.gov/newsreleases/national/gdp/2016/pdf/gdp3q16_adv.pdf \(date of access: 06.12.2016\).](http://bea.gov/newsreleases/national/gdp/2016/pdf/gdp3q16_adv.pdf (date of access: 06.12.2016).)
- Campaign 2016. CNN/ORC Poll. Oct. 20–23, 2016. Nationwide. “Now I’m going to mention a few issues and for each one, please tell me if you think Hillary Clinton or Donald Trump would better handle that issue if they were elected president. ...” // PollingReport.com. URL: [pollingreport.com/wh16.htm_\(date of access: 06.12.2016\).](http://pollingreport.com/wh16.htm_(date of access: 06.12.2016).)
- Clinton: Favorable/Unfavorable // RealClearPolitics. URL: [realclearpolitics.com/epolls/other/clinton_favorableunfavorable-1131.html \(date of access: 06.12.2016\).](http://realclearpolitics.com/epolls/other/clinton_favorableunfavorable-1131.html (date of access: 06.12.2016).)
- Confirmation: Bernie won California by at least 100,000 votes // Richard Charnin's Blog. July 10, 2016. URL: [richardcharnin.wordpress.com/2016/07/10/confirmation-bernie-won-california-by-at-least-100000-votes_\(date of access: 06.12.2016\).](http://richardcharnin.wordpress.com/2016/07/10/confirmation-bernie-won-california-by-at-least-100000-votes_(date of access: 06.12.2016).)
- Databases, Tables & Calculators by Subject. Labor Force Statistics from the Current Population Survey // Bureau of Labour Statistics. URL: [data.bls.gov/timeseries/LNS12300000 \(date of access: 06.12.2016\).](http://data.bls.gov/timeseries/LNS12300000 (date of access: 06.12.2016).)
- Donald Trump: ‘I’ll be the greatest president for jobs God ever created’ // The Guardian. 16 June 2016. URL: [theguardian.com/us-news/video/2015/jun/16/donald-trump-us-president-republicans-video \(date of access: 06.12.2016\).](http://theguardian.com/us-news/video/2015/jun/16/donald-trump-us-president-republicans-video (date of access: 06.12.2016).)
- Durden T.* These Are The 9 Zero Hedge Charts Showing “Obama’s Recovery” That Angered The Washington Post // Zero Hedge. Jun 4, 2016. URL: [zerohedge.com/news/2016-06-03/these-are-9-zero-hedge-charts-showing-obamas-recovery-angered-washington-post \(date of access: 06.12.2016\).](http://zerohedge.com/news/2016-06-03/these-are-9-zero-hedge-charts-showing-obamas-recovery-angered-washington-post (date of access: 06.12.2016).)
- Elections of 2000 // The American Presidency Project. URL: [presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2000_\(date of access: 06.12.2016\).](http://presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2000_(date of access: 06.12.2016).)
- Elections of 2008 // The American Presidency Project. URL: [presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2008_\(date of access: 06.12.2016\).](http://presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2008_(date of access: 06.12.2016).)
- Elections of 2012 // The American Presidency Project. URL: [presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2012_\(date of access: 06.12.2016\).](http://presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2012_(date of access: 06.12.2016).)
- Elections of 2016 // The American Presidency Project. URL: [presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2016_\(date of access: 06.12.2016\).](http://presidency.ucsb.edu/showelection.php?year=2016_(date of access: 06.12.2016).)
- Fry R.* Millennials match Baby Boomers as largest generation in U.S. electorate, but will they vote? // PewResearchCenter. May 16, 2016. URL: [pewresearch.org/fact-tank/2016/05/16/millennials-match-baby-boomers-as-largest-generation-in-u-s-electorate-but-will-they-vote_\(date of access: 06.12.2016\).](http://pewresearch.org/fact-tank/2016/05/16/millennials-match-baby-boomers-as-largest-generation-in-u-s-electorate-but-will-they-vote_(date of access: 06.12.2016).)

- Looking at the Long Term Under the Candidates' Plans // Committee for a Responsible Federal Budget. Oct 26, 2016. URL: [crfb.org/blogs/looking-long-term-under-candidates-plans_\(date of access: 06.12.2016\)](http://crfb.org/blogs/looking-long-term-under-candidates-plans_(date of access: 06.12.2016)).
- Monthly Budget Review: Summary for Fiscal Year 2016. // CBO. P. 1. URL: [cbo.gov/publication/52152 \(date of access: 06.12.2016\)](http://cbo.gov/publication/52152 (date of access: 06.12.2016)).
- The Employment Situation in October // The White House. November 4, 2016. URL: [whitehouse.gov/blog/2016/11/04/employment-situation-october_\(date of access: 06.12.2016\)](http://whitehouse.gov/blog/2016/11/04/employment-situation-october_(date of access: 06.12.2016)).
- Trump Administration. "Do you think Trump has a mandate to carry out the agenda he presented during the presidential campaign, or should he compromise on the things the Democrats strongly oppose?" // PollingReport.com. 11/11–14/16. URL: [pollingreport.com/trump_ad.htm \(date of access: 06.12.2016\)](http://pollingreport.com/trump_ad.htm (date of access: 06.12.2016)).
- Trump Donald J. Remarks Announcing Candidacy for President in New York City // The American Presidency Project. June 16, 2015. URL: [presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=110306_\(date of access: 06.12.2016\)](http://presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=110306_(date of access: 06.12.2016)).
- Trump: Favorable/Unfavorable // RealClearPolitics. URL: [realclearpolitics.com/epolls/other/trump_favorableunfavorable-5493.html \(date of access: 06.12.2016\)](http://realclearpolitics.com/epolls/other/trump_favorableunfavorable-5493.html (date of access: 06.12.2016)).
- U.S. National Debt Clock: Real Time. URL: [usdebtclock.org \(date of access: 06.12.2016\)](http://usdebtclock.org (date of access: 06.12.2016)).
- US Census Bureau. Income and Poverty in the United States: 2015. September 2016. P60–256. Wash. 2016. P. 23.
- Woodhill L. Barack Obama's Sad Record on Economic Growth. February 1, 2016 // RealClear Markets. URL: [realclearmarkets.com/articles/2016/02/01/barack_obamas_sad_record_on_economic_growth_101987.html_\(date of access: 06.12.2016\)](http://realclearmarkets.com/articles/2016/02/01/barack_obamas_sad_record_on_economic_growth_101987.html_(date of access: 06.12.2016)).

УДК 323; 327; 324

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Эволюция концепции американской исключительности и роль США в мировом порядке

Аннотация. В статье анализируются идейные основы мировоззрения американской политической элиты и внешнеполитического курса США, связанные с представлениями об «американской исключительности». На протяжении последних 20–25 лет эти представления заметно эволюционировали. В 1990-е годы США, считая себя «незаменимой нацией», создавали «*Rex Americana*» исходя из того, что другие страны будут постепенно американизироваться, преобразуя свои социально-экономические и политические институты по американскому шаблону. В XXI в. США стали использовать концепцию «американской исключительности» для формирования миропорядка, в котором другим странам надлежит признать Америку «исключительной страной», чье устройство в принципе невоспроизводимо другими странами. Тем самым возрождается теория «высших и низших рас», которая в прошлом столетии обернулась возникновением двух мировых войн.

Ключевые слова: «американская исключительность», идейные основы внешней политики США, доминирование США, *Rex Americana*.

Процессы глобализации, ускоренными темпами начавшиеся в 1990-е годы, породили в правящих кругах США радужные надежды на возникновение в грядущем XXI в. долгожданного «*Rex Americana*» в планетарных масштабах. Мечты об этом политическая элита США вынашивала на всем протяжении XX в., особенно после победного для США окончания Первой мировой войны. В прошлом столетии США выходили из войн, в том числе и холодной, окрепшими и политически, и экономически. В американском политическом сознании прочно утвердилось представление о том, что череда побед – иногда реальных, иногда виртуальных – в конечном итоге способствует укреплению цивилизационных позиций США в мире и открывает перед ними «захватывающие» перспективы неоспоримого мирового господства. Количество победоносных шествий США в планетарных масштабах постепенно привело к качественному скачку в самоидентификации американских правящих кругов (а до известной степени и нации в целом), которые уверовали в концепцию «американской исключительности» и стали активно ее пропагандировать.

Истоки и интерпретации «американской исключительности»

Корнями идеология «американской исключительности» восходит (наряду с давней теорией «богоизбранности» Новой Англии – прим. ред.) к работе французского полити-

Сведения об авторе: Васильев Владимир Сергеевич – главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук; vsvasiliev@mail.ru.

ка, философа и историка А. де Токвиля «Демократия в Америке», написанной в 1830-е годы. В ней автор, в частности, отмечал, что *«положение, в котором оказались американцы... совершенно уникально, и едва ли какой-нибудь другой демократический народ когда-либо сможет оказаться в подобной ситуации. Их преимущественно пуританское происхождение, их исключительные торговые навыки, даже сама земля, которую они населяют, – все, кажется, объединилось, чтобы отвлечь их интеллект от занятий науками, литературой и изящными искусствами; близость Европы, которая позволяет им пренебречь этими занятиями, не возвращаясь к варварству; тысячи конкретных причин, из которых я смог прояснить только основные, – все совпало удивительным образом, дабы привязать американское сознание к заботам чисто материального плана. Их страсти, потребности, образование и обстоятельства – поистине все направлено на то, чтобы склонить жителя Соединенных Штатов к земле. Только религия побуждает его время от времени мельком, рассеянным взором окидывать небеса»* [Токвиль, с. 337–338]. (Курсив мой. – В. В.)

Этот взгляд на Америку с другого берега Атлантического океана, возможно, и явился своеобразной подсказкой для ее правящих кругов (*наряду с давним представлением о «богоизбранности» США*) при обосновании концепции «исключительности» американского пути цивилизационного развития.

В монархической Европе XIX в. демократические политические институты США благодаря знаменитой работе А. де Токвиля стали восприниматься не как чужеродные, а как совершенно отличные от европейского общественно-политического уклада. Проблема отношения европейцев и, возможно, всего остального мира к американским политическим институтам быстро свелась к тому, годились ли они в качестве идеала для подражания или же следовало считать их сугубо внутренним феноменом, который имел сравнительно небольшое значение для внешнего мира.

В XIX в. Франция сыграла большую роль в том, чтобы «американская уникальность» постепенно трансформировалась в «исключительность». Она подарила США Статую Свободы, которая была водружена в 1876 г. в честь столетнего юбилея американской революции на небольшом островке в Нью-Йоркской гавани, получившем впоследствии название «острова Свободы».

Обращенная к внешнему миру, статуя постепенно стала символом Америки и идеалов американской цивилизации – свободы (в том числе свободного рыночного хозяйства), равенства, индивидуализма и уважения гражданских прав, высокого материального уровня жизни. Однако на протяжении большей части XX в., начиная с биржевого краха 1929 г. и вплоть до начала 1990-х годов, то есть до окончания холодной войны, большая часть дискуссий об «американской исключительности» в академических кругах, не говоря уже о высшем политическом руководстве страны, отошла на второй план – не в последнюю очередь под влиянием череды внешне- и внутривнутриполитических кризисов, с которыми столкнулись США или в эпицентре которых они оказались.

Отчасти этому, возможно, способствовало эссе видного американского социолога Д. Белла «Конец американской исключительности», опубликованное в 1975 г. Название говорило само за себя. Диагноз автора был предельно прост: все американские идеалы, воплощенные в Статуе Свободы, сведены на нет резким усилением роли государства в экономике и общественной жизни в целом.

Д. Белл писал: «Либеральная теория общественных отношений строилась на том, что право должно быть формально рациональным, т.е. процессуальным, а не содержательным, что государство должно быть арбитром, в крайнем случае брокером, но не регулирующей силой, обладающей собственными правами. Однако в каждой сфере, на которую сегодня распространяются решения, принимаемые на государственном уровне, – от налогов до государственных закупок, от регулирования до субсидий, от трансфертных выплат до услуг – эти решения представляют собой активные формы вмешательства в общественную жизнь. Следствием, если не прямой целью этого вмешательства является создание системы компенсаций, которой, тем не менее, крайне недовольны те, кто находится в проигрыше, и с которой весьма неохотно мирятся те, кто в выигрыше. В результате никто не получает всего, на что претендует, и не считает свои приобретения достаточными. В нашей политической философии и нашем праве мало постулатов, обосновывающих коллективное общество или последовательную социальную защиту. Нам не хватает идей – и это проблема для экономистов и социологов – относительно того, каким образом можно использовать рыночные механизмы и децентрализацию в общих целях. Наши ресурсы – физические, финансовые и интеллектуальные – на грани истощения» [Bell, p.221–222].

Влияние публикации Д. Белла было настолько сильным, что высшее политическое руководство США вернулось к представлению об «американской исключительности» только в конце 1980-х годов. Обращаясь с прощальной речью к американскому народу в январе 1989 г., уходящий в отставку президент Р. Рейган заявил: «Всю свою политическую жизнь я говорил о «сияющем граде на холме», но не знаю, насколько ясно я выразил то, что мне виделось. Моему сознанию представлялся гордо стоящий город, воздвигнутый высоко в скалистых горах, более могучих, чем океаны, продуваемый ветрами, благословенный Господом, населенный множеством самых разных людей, живущих в гармонии и мире, город со свободными портами, где бурлят торговля и созидание. Если в таком городе и существуют городские стены, то они должны иметь врата, открытые для всех стремящихся сердцем и душой поселиться в нем. Вот именно так я всю жизнь и видел этот город и продолжаю видеть его до сих пор» [Reagan]. Но даже Р. Рейган никогда не употреблял выражения «американская исключительность».

От модели для подражания до «невозможности воспроизведения»

В начале 1990-х годов теории и концепции «американской исключительности» пережили период возрождения и превращения в составную часть американской идеологии, в том числе и в качестве идейной основы внешней политики США. Распад СССР и исчезновение с политической карты мира большей части мировой социалистической системы побудил американские академические круги тщательно проанализировать

составляющие внешнеполитических успехов США – в частности, ту систему ценностей, которая была воспринята большей частью стран Восточной Европы, а также республик европейской части бывшего СССР, включая и Россию. Значительная часть населения этих стран и их новое политическое руководство оказались весьма восприимчивы к идеям свободы, уважения прав личности, индивидуализма, верховенства закона, свободного рынка. Эти идеалы и представления так или иначе стали частью сознания и мышления значительной, если не большей, части населения этих стран.

Американские исследователи быстро вспомнили, что еще в XIX в. многие страны были склонны рассматривать США как «прототип, хотя и не обязательно совершенный образец для подражания, при формировании новых общественных отношений, поскольку эти страны считали их первыми, самыми значительными и наиболее развитыми среди различных вновь возникших культур» [Kammen, p. 4]. В тот период в трактовке «американской исключительности» основной упор был сделан на то, чтобы «подчеркнуть причинную потенцию Бога в выборе Америки как «града на холме», который должен служить примером для всего остального мира» [Ross, p.22].

На протяжении последнего десятилетия XX в. «американская исключительность» понималась в хрестоматийной редакции, восходящей к образу Статуи Свободы. Считалось, что все страны, особенно бывшие социалистические, будут стремиться воспроизвести у себя (или скопировать) большую часть атрибутов американского общественного устройства – экономическую, социальную и политико-правовую подсистемы, а также, возможно, некоторые элементы американской «духовности». Таким образом будет происходить постепенная американизация мира, и весь он станет «Pax Americana».

Господство и лидерство США в таком мире должно было основываться на сохранении разрывов между американским «оригиналом» и страновыми «копиями», связанных с разными уровнями экономического развития, диспропорциями в социальной структуре общества (прежде всего материальном уровне жизни), сравнительной неразвитостью демократических институтов стран, вставших на путь преобразований. Приобщение к американской системе духовных ценностей также приветствовалось, но, по всей видимости, имелась в виду онтологическая невозможность достижения другими странами уровня религиозного плюрализма и терпимости, свойственных США. При этом наличие большого количества «малых Америк» за пределами США не предполагало возможность их конечного слияния в единые могучие Соединенные Штаты. Такое толкование «американской исключительности» носило преимущественно количественный характер отличий в пользу Америки.

Однако уже в тот период потребности внешней политики стали постепенно диктовать отход от сугубо количественной трактовки «американской исключительности». Впервые это наглядно проявилось в программном выступлении тогдашнего президента США У. Клинтона, посвященном проблемам международной безопасности, в университете им. Джорджа Вашингтона 5 августа 1996 г. Клинтон заявил: «Дело в том, Америка остается незаменимой нацией. Бывают времена, когда Америка и только Америка может провести водораздел между войной и миром, между свободой и репресс-

сиями, между надеждой и страхом. Разумеется, мы не можем взвалить на свои плечи все мировое бремя. Мы не можем стать мировым полицейским. Но там, где этого требуют наши интересы и ценности, и там, где только мы можем устанавливать разграничительные линии, Америка должна действовать и вести весь остальной мир» [Clinton W.J.]. От этого тезиса было рукой подать до обоснования политики двойных стандартов и официального признания, что в системе международных отношений на США возложено выполнение особой цивилизационной миссии.

Политика двойных стандартов в полной мере получила «права гражданства» в годы пребывания у власти республиканской администрации Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.). Непосредственным поводом к этому явились события 11 сентября 2001 г., которые в США постарались использовать в качестве обоснования собственных действий, свободных от норм международного права. Такая модель внешнеполитического поведения получила название «доктрины Буша». Как отмечал один из ведущих американских политологов и специалистов по международным отношениям Р. Джервис, доктрина Буша-мл. базировалась на «четырёх китах». Во-первых, главной миссией США в мире в XXI в. стало утверждение их глобального превосходства и предотвращение появления любой страны или группы стран, которые могли бы стать мощным конкурентом Америки. Во-вторых, в отношении «стран-изгоев» и их потенциальных террористических союзников была принята стратегия «упреждающих действий и ударов». В-третьих, США присвоили себе право на односторонние произвольные действия на международной арене. Наконец, в-четвертых, главным инструментом США в борьбе против терроризма стало «продвижение демократии» [Jervis, p.365–366].

Характеризуя эти четыре основных элемента «доктрины Буша», проф. международного права Йельского университета Г. Кох подчеркивал, что буквально все они пронизаны идеей двойных стандартов, которые таким образом становились «не исключением, а правилом. Каждый элемент доктрины Буша ставил Соединенные Штаты в положение страны, обязанной продвигать подлинные двойные стандарты – одни для себя, а вторые для всего остального мира» [Koh, p. 1500].

Таким образом, в развитие посылки об «американской исключительности» США присвоили себе «моральное право» быть источником международного права¹. Во второй половине XX в. США стремились преобразовать политические институты других, «недемократических» стран по американскому образцу и создать в них хотя бы видимое подобие американской формы демократического устройства. Однако в новом понимании «продвижение демократии» стало трактоваться как инструмент «серийного переформатирования» политических режимов стран, которые по различным причинам попали в число «неудобных» Америке [Jervis, p. 367].

Как указал в этой связи американский историк У. Блюм, в период после Второй мировой войны США 1) попытались свергнуть более 50 иностранных правительств, боль-

---

1 Именно в развитие доктрины Буша в середине декабря 2001 г. США объявили об одностороннем выходе из Договора 1972 г. по противоракетной обороне (ПРО).

шая часть из которых была демократически избрана; 2) осуществляли бомбардировки территорий более чем 30 стран; 3) пытались физически устранить глав государств и лидеров более чем 50 стран; 4) пытались подавить народные выступления и движения протеста в 20 странах; 5) открыто вмешались в процесс демократических выборов по меньшей мере в 30 странах. Подытоживая этот список внешнеполитических «деяний и инициатив» США, У. Блум отметил, что он «поистине является исключительным. Ни одна страна в мире за всю свою историю и близко не подошла к таким показателям» [Blum].

Подобного рода трактовка «демократических преобразований» в других странах, по сути, прямо проистекала из концепции «американской исключительности» и подразумевала невозпроизводимый характер другими странами, даже сопоставимыми с США по уровню социально-экономического развития, американских политических институтов. Как это ни парадоксально звучит, но такое понимание «демократии» восходило своими истоками к поистине бессмертному произведению А. де Токвиля, который в свое время пришел к выводу, что «в Америке сам воздух проникнут духом демократии» [Токвиль, с.145].

Доктрина Буша базировалась на твердом представлении о том, что США являются «богоизбранной страной», которой предназначено выполнение особой миссии в планетарных масштабах. В США на всем протяжении их истории было распространено убеждение, что их исторической «миссией является продвижение свободы или либеральной демократии по всему миру». Однако именно при Дж. Буше-мл. убеждение, что «Бог непосредственно поручил Америке выполнение ее миссии», приняло «догматическую форму непререкаемой истины» [Ceaser, p. 8]. Отчасти это было связано с личностью 43-го президента США, вполне искренне верившего в то, что именно Бог выбрал его президентом, чтобы он «вел страну» [Harris].

На протяжении первого десятилетия XXI в. во внешнеполитической стратегии США традиционная для Америки тематика прав человека была возведена в ранг «правового нарциссизма». Этот нарциссизм принял форму ежегодной подготовки докладов объемом до 5 тыс. страниц (!) о положении дел с правами человека примерно в 190 странах мира. Более того, в составе Государственного департамента США был образован специальный Отдел демократии, прав человека и труда. В основе всего этого лежит утверждение, что «продвижение свободы и демократии и защита прав человека во всем мире являются центральными задачами внешней политики США» [Bureau of Democracy...]

При этом даже американские исследователи и аналитики не могли не признать того факта, что деятельность США по защите прав человека во всем мире является ярким примером практики двойных стандартов, поскольку упор сделан исключительно на политические и религиозные права (в соответствии с Первой поправкой к Конституции США, гарантирующей право на свободу вероисповедания, слова, печати и собраний), а соблюдение социально-экономических и культурных прав, которым уделяют повышенное внимание в большинстве стран мира, практически игнорируется. Как указал,

в частности, известный канадский политик и публицист М. Игнатъефф, «гарантии американских прав восходят своими истоками к политической традиции, которая последовательно более критически относится к государству, уделяет больше внимание индивидуальной ответственности и более озабочена защитой индивидуальных свобод по сравнению с европейскими социалистическими, социал-демократическими и христианско-демократическими традициями» [American Exceptionalism...].

Практика двойных стандартов в сфере защиты прав человека, которой придерживаются США, носит отнюдь не прогрессивный, а исторически регрессивный характер. Права на свободу слова, религии, печати, собраний и свободное обращение к правительству с жалобами, гарантированные Первой поправкой, отражают реалии «фермерских сходов» конца XVIII в. и связаны, как отмечал профессор права Гарвардского университета Ф. Шауэр, со спецификой «выбора, который в свое время сделала Америке между конкурирующими системами ценностей». Причем данный выбор, по его словам, «отличается от более сбалансированного выбора, который позже был сделан демократиями других промышленно развитых стран» [Schauer]. В этой связи Шауэр, в частности, указал на многие запреты, существующие в таких странах, как Германия, Франция и Израиль и касающиеся пропаганды нацистской идеологии и символики.

Б. Обама: «американская исключительность» как кредо Белого дома

Б. Обама, ставший 44-м президентом США в результате президентских выборов 2008 г., первым на этом посту начал активно использовать термин «американская исключительность» в своих речах и выступлениях, а впоследствии превратил его важнейшую составную часть официальной идеологии своей администрации. Парадокс в том, что в ходе президентской кампании 2007 – 2008 гг. его оппоненты как среди республиканцев, так и среди демократов неоднократно высказывали сомнение, действительно ли Барак Хуссейн Обама может считаться истинным «американским» президентом. На этом фоне уже в середине декабря 2007 г. в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» Обама, тогда еще кандидат в президенты, заявил: «Я верю в американскую исключительность, но такую, которая не основывается ни на нашей военной мощи, ни на нашем экономическом превосходстве» [Cohen].

Проблема «неамериканских корней» вновь избранного президента сравнительно быстро проявилась уже в первые месяцы его пребывания в Белом доме. Во время визита в Европу в апреле 2009 г. на вопрос корреспондента газеты «Financial Times»: является ли он, подобно многим своим предшественникам, «приверженцем школы американской исключительности, которая считает, что Америка уникальна и создана для того, чтобы руководить миром», или у него имеются несколько отличные представления на этот счет, – Обама ответил следующее: «Я верю в американскую исключительность, подобно тому, как, по-видимому, англичане верят в британскую исключительность, а греки – в греческую исключительность» [Obama The President's News...].

Это несколько двусмысленное высказывание явилось своего рода лейтмотивом всего первого срока пребывания у власти Обамы. Согласно опросу общественного мнения,

проведенному в конце 2010 г. службой Гэллапа, по меньшей мере 80% опрошенных американцев считали США «исключительной страной». Однако на вопрос о том, считают ли они, что президент Обама придерживается той же точки зрения, положительно ответили только 58%, а 37% выразили сомнение. Кроме того, респонденты сошлись во мнении, что среди последних четырех американских президентов Б. Обама в наименьшей степени привержен идее «американской исключительности». Оценки степени «великодержавности» американских президентов начиная с Р. Рейгана, согласно опросу общественного мнения службой Гэллапа, суммированы в таблице.

Таблица

Восприятие в 2010 г. американским общественным мнением степени приверженности президентов идее «американской исключительности», %

Президент США	Привержен идее «американской исключительности»	Не разделяет идею «американской исключительности»
Р. Рейган (1981–1989 гг.)	86	9
У. Клинтон (1993–2001 гг.)	77	19
Дж. Буш-мл. (2001–2009 гг.)	74	22
Б. Обама (2009–...)	58	37

Источник: GALLUP. Jones J. Americans See U.S. as Exceptional; 37% Doubt Obama Does. Majority believe U.S. at risk of losing status as greatest country in the world. December 22, 2010. – gallup.com/poll/145358/americans-exceptional-doubt-obama.aspx.

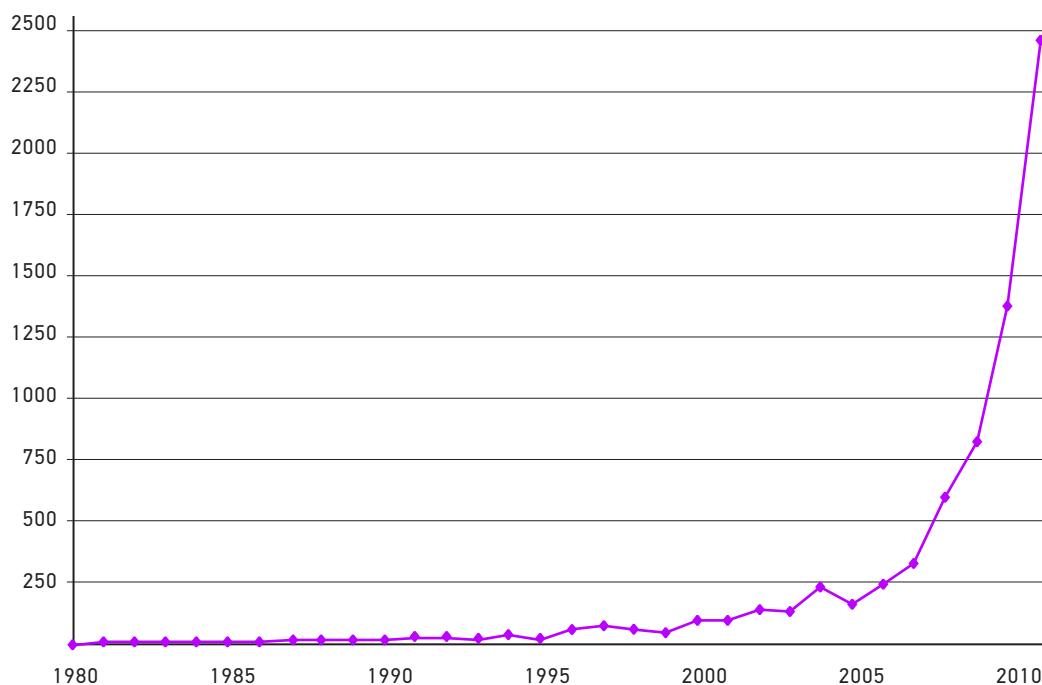
Общим выводом аналитиков службы Гэллапа по итогам этого опроса явилось предположение, что на президентских выборах 2012 г. степень «патриотичности» Обамы станет одной из центральных тем избирательной кампании. И она ею стала! Соперник Обамы – кандидат Республиканской партии М. Ромни неоднократно подчеркивал, что, тогда как он верит в исключительность Америки, для Обамы «Америка просто является еще одной страной с флагом» [Romney, p. 26].

Как нередко бывает в таких случаях, пытаюсь отвести от себя всякие подозрения в отсутствии у него «американских корней» и обвинения в «непатриотичности», Обама не просто воспринял приверженность идее американской исключительности, но с течением времени сам стал «святее папы римского». В частности, на пресс-конференции в Белом доме в апреле 2012 г., отвечая на прямой вопрос о справедливости обвинений Ромни в его адрес, Обама парировал: «Когда я впервые обрел общенациональную известность, выступив на съезде Демократической партии (в 2004 г. – В.В.), то вся моя речь была посвящена американской исключительности и *вся моя политическая карьера является служением идее американской исключительности* (курсив мой. – В.В.)» [Obama The President's...].

Выдвижение тематики американской исключительности на политическую авансцену было взаимосвязано с двумя принципиально важными обстоятельствами внутренней жизни США. Во-первых, примерно в 2011–2012 гг. американская экономика вышла на траекторию более или менее устойчивого экономического роста. Можно было смело

говорить о том, что Великая рецессия 2007 – 2009 гг. – самое серьезное потрясение американской экономики за весь период после окончания Второй мировой войны – постепенно уходит в прошлое. Сам факт преодоления столь глубокого и продолжительного экономического кризиса уже воспринимался как одно из убедительных подтверждений «американской исключительности».

Во-вторых (возможно, под влиянием идеологического наступления республиканцев в преддверии президентских выборов 2012 г.), в США был зафиксирован невиданный взлет публикаций в СМИ, посвященных проблеме «американской исключительности». С момента прихода Обамы в Белый дом количество таких публикаций и обсуждений увеличилось в 10 раз! Экспоненциальный рост интереса общественного мнения и интеллектуальной элиты США к проблеме «американской исключительности» отражен на рис. 2 (на оси ординат приведено число публикаций и упоминаний в СМИ).

Источник: Karabel J. 'American Exceptionalism' and the Battle for the Presidency. – «The Huffington Post», February 21, 2012. (huffingtonpost.com/jerome-karabel/american-exceptionalism-obama-gingrich_b_1161800.html).

Рис. 1. Динамика интереса американской общественности к проблеме «американской исключительности» в 1980–2011 гг.

Таким образом, с начала XXI в. в США стала формироваться идеологема «американской исключительности» с новым наполнением, которая постепенно превратилась в важный фактор сознания не только политической элиты, но и широких масс населения. Этот тектонический сдвиг в базовых идеологических стереотипах «колеблющаяся» администрация Обамы не только не сдерживала, но решила «оседлать» и возглавить.

«Американская исключительность» как идейная основа стратегии национальной безопасности США

За годы пребывания у власти администрация Обамы подготовила два основополагающих документа, определяющих принципы и приоритеты использования американских мощи и влияния в мире. Это «Стратегия национальной безопасности США» в редакциях 2010 г. и 2015 г. Сравнительный анализ этих документов показывает кардинальные сдвиги, которые произошли в стратегии национальной безопасности во время первого и второго сроков президентства Обамы. По сути, «Стратегия национальной безопасности США», одобренная в 2015 г., составлена как раз на основе принципов «американской исключительности».

Данное обстоятельство было отмечено в анализе «Стратегии», проведенном специалистами Исследовательской службы Конгресса США (ИСК). В соответствующем докладе ИСК подчеркивалось, что «стратегия национальной безопасности 2015 г. делает основной упор на лидерство США; в контексте роли США в мире слова «вести», «лидер», «лидирующая» и «лидерство» упоминаются 94 раза» [CRS Report. The 2015 National Security...]. В отличие от документа, принятого в 2010 г., в котором сферы глобальных интересов США были очерчены в общих словах и достаточно туманно, в 2015 г. сферой американских интересов объявлены все регионы и районы Земного шара. Собственно говоря, все проблемы американского лидерства в современном мире, по заключению самих составителей стратегии 2015 г., и проистекают из стремления США единолично руководить всем миром. В стратегии указывается: «Подобно тому, как США влияли на ход событий в прошлом веке, мы должны влиять на направление траектории мирового развития в настоящее время путем изменения форм осуществления американского лидерства. Настоящая стратегия определяет приоритеты, основанные на реалистической оценке рисков для наших национальных интересов и возможностей их продвижения. Настоящая стратегия не строит нашу внешнюю политику исходя из какой-либо конкретной угрозы или приоритетности какого-то конкретного региона. Вместо этого она основана на диверсифицированной и сбалансированной системе приоритетов, соответствующей роли ведущей глобальной державы, имеющей интересы в каждой части все более взаимосвязанного мира» [National Security Strategy, p. 5]. Иными словами, стратегия четко определяет главную роль США – быть лидером во всех регионах мира и отстаивать там свои национальные интересы. Соответствующим образом должен выстраиваться и современный миропорядок, в котором другим странам надлежит исходить из верховенства не собственных, а американских интересов и действий¹.

---

1 В качестве иллюстрации этого положения можно сослаться на уже упоминавшегося проф. Г. Коха, долгое время проработавшего в Государственном департаменте США. Он как-то спросил молодого британского дипломата, сотрудника британского посольства в Вашингтоне, в чем, по его мнению, состоит различие в работе американского и британского внешнеполитических ведомств. Тот не задумываясь ответил: «Когда что-то происходит в мире, американцы задаются вопросом: «Что мы должны делать?» А в британском МИД, когда что-то происходит в мире, тут же спрашивают себя: «А что будут делать американцы?»». (Koh H. On American Exceptionalism..., p. 1488).

В 2010 г., в условиях мирового финансово-экономического кризиса, США видели свою роль в том, чтобы «гальванизировать коллективные действия», а в 2015 г. руководящая роль США была представлена в виде пятичленной формулы: 1) «лидировать с позиции силы», 2) «лидировать, подавая пример», 3) «лидировать с сотрудничающими партнерами», 4) «лидировать с использованием всего инструментария американской мощи» и 5) «лидировать с видением долгосрочной перспективы» [CRS Report. The 2015..., p. 2]. Более того, даже в системе международных институтов США должны были руководить и направлять их деятельность, не говоря уже о межгосударственных союзах и коалициях.

В стратегии 2015 г. достаточно четко сформулирована концепция постепенного отхода от международного сотрудничества в решении глобальных проблем и поиска взаимодействия с другими центрами международного влияния. Вместо широкого сотрудничества США все больше отдают предпочтение «регионализации» своей внешней политики, устанавливая для каждого континента и региона конкретную систему приоритетов и подходов. В этом ряду отдельными позициями стоят Россия и КНР. Соответствующий раздел о политике США в отношении России может быть охарактеризован как второе издание холодной войны [National Security Strategy, p. 25]. «Регионализация» внешнеполитической стратегии США позволяет им максимально реализовать свои «конкурентные» политические, экономические, культурные и военные преимущества по отношению к заведомо более слабым странам и группам стран. Одновременно эта стратегия все труднее сводится к единому знаменателю: «холодная война с Россией» сочетается с углублением сотрудничества и взаимодействия со странами Латинской Америки; достижение стабильности и мира на Ближнем и Среднем Востоке и на севере Африки – с усилением конкурентного давления на КНР; укрепление НАТО – с расширением социально-экономической помощи странам Африки [National Security Strategy, p. 3–4].

Наглядной иллюстрацией всеохватывающего характера стратегии глобального доминирования США может служить официальная карта Пентагона, на которой показаны «зоны ответственности» Единого боевого командования, подчиняющегося непосредственно президенту США (рис. 3).

Появление внешнеполитической стратегии США, построенной на теории «американской исключительности», вызвало противоречивую реакцию в американском экспертном сообществе. «Ахиллесова пята» новой стратегии национальной безопасности США – несоответствие заявленных целей и средств достижения американского глобального лидерства новым реалиям, складывающимся в системе международных отношений. Как признают американские эксперты, «события, разворачивающиеся в мире с конца 2013 г., привели некоторых аналитиков к выводу, что в системе международной безопасности происходит фундаментальный сдвиг от привычной ситуации, существовавшей 2025 лет после холодной войны и именованной однополярным миром во главе с США, к совершенно отличной стратегической ситуации, характеризующейся возобновлением противостояния великих держав и неприятием миропорядка, во главе которого стоят США» [CRS Report. A Shift in..., p.2].

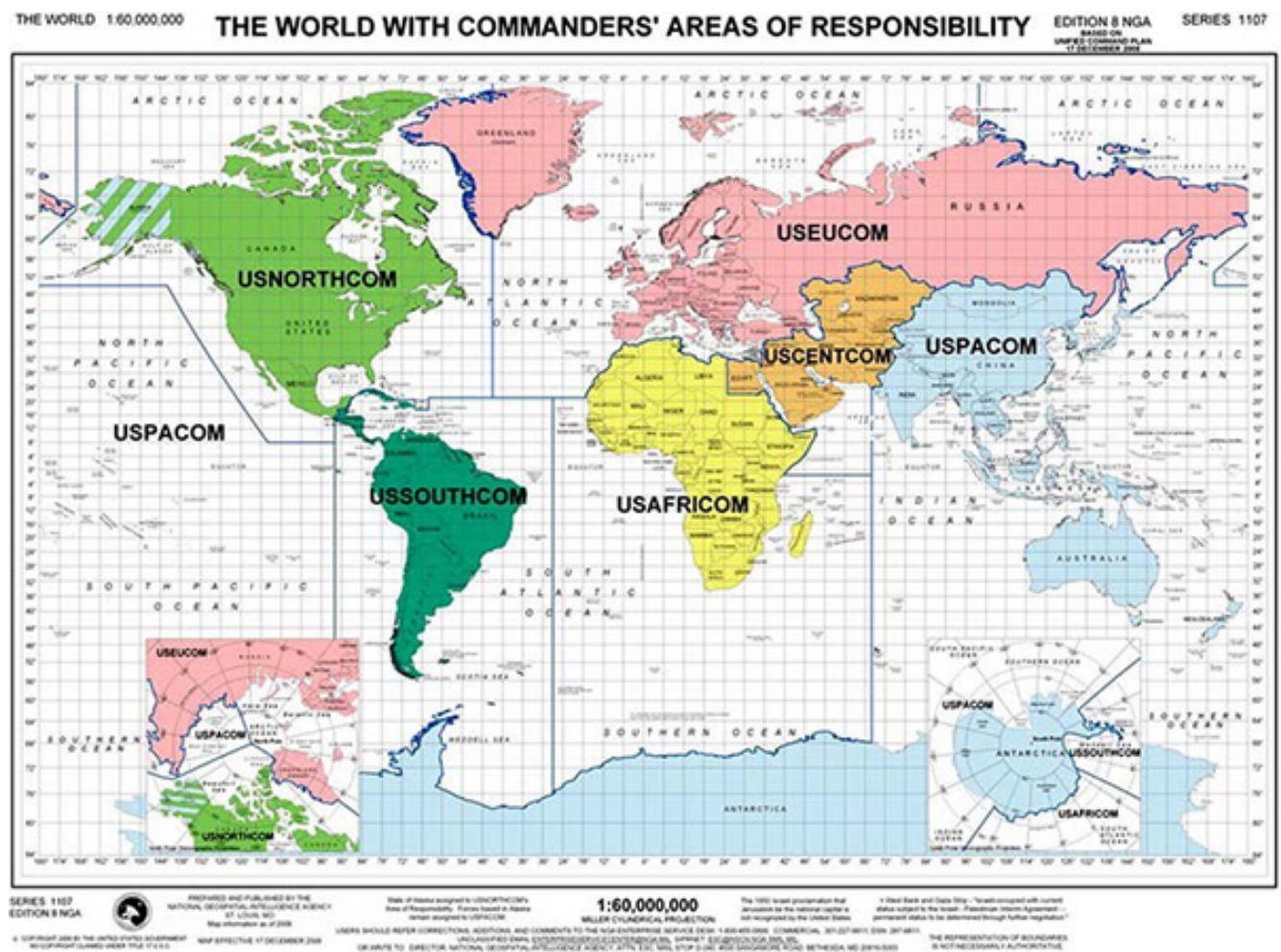

Рис. 2. Официальная карта глобальных «зон ответственности» Единого боевого военного командования США

Упор на вторую половину 2013 г. не является случайным. Главным «спусковым механизмом» сдвигов в системе международных отношений явился диалог между президентом США Б. Обамой и президентом РФ В.В. Путиным, в ходе которого российская сторона заявила о своем неприятии теории «американской исключительности».

10 сентября 2013 г, выступая с обращением к нации в связи с сирийским кризисом, Обама утверждал: «Америка не является мировым полицейским. В мире происходят ужасные вещи, и мы не в состоянии превратить каждую беду в благоденствие. Но когда с небольшим приложением сил и мало чем рискуя мы можем спасти детей от смерти в результате применения химического оружия – и тем самым в долгосрочной перспективе обезопасить наших собственных детей, – мы, полагаю я, должны действовать. Вот что отличает Америку от других стран. Вот что делает нас исключительными. Действуя со смирением, но решительно, давайте никогда не упускать из виду этой непреложной истины» [Obama Address to ...]. Через два дня В.В. Путин ответил Б. Обаме на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс»: «Президент США предпринял в своей речи попытку обосновать исключительность американской нации. Проводимая США политика, по словам Президента США, «отличает Америку от других». «Вот что делает нас исключительными», – прямо заявил он. Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею

об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось. Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и [те,] которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. Мы разные, но когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными» [Сирийская альтернатива...].

По мнению внешних наблюдателей, именно этот отказ России признать Соединенные Штаты «исключительной страной» стал отправным пунктом новой ситуации в мире, о которой впоследствии заговорили аналитики и специалисты по международным отношениям [Song, pp. 239–240]. Более того, отказ Соединенных Штатов следовать общепринятым нормам международного права, о котором все чаще говорят сами американские специалисты [см., в частности: Feaver, p. 5], объясняется именно тем, что вся система современного международного права, сформировавшаяся после Второй мировой войны, построена на отрицании такой правовой нормы, как «национальная исключительность».

Роль теории «американской исключительности» в сползании российско-американских отношений к противостоянию в духе холодной войны с нарастающим числом «горячих» конфликтов можно проследить на примере президентской кампании 2016 г. в США. Как известно, кандидат от Республиканской партии Д. Трамп стал отстаивать курс на нормализацию отношений с Россией. Однако самое показательное в позиции Трампа, состоит в том, что он, не очень афишируя это, высказался против представлений об «американской исключительности». Свою позицию он мотивировал тем, что не любит этого выражения: «Буду откровенен. Люди говорят: «Да он не патриотичен!». Но послушайте, если бы вы были русским, или немцем, или еще кем-то, с кем мы имеем деловые отношения, то использование этого выражения [исключительность] вряд ли бы вам понравилось. «Мы – исключительные, а вы – нет!»» [Corn]

Эти слова Д. Трампа не остались без ответа со стороны Х. Клинтон. Выступая в конце августа 2016 г. на собрании ветеранской организации «Американский легион», она жестко и бескомпромиссно возразила Трампу: «Мой противник по президентской гонке очень четко сказал, что, как он полагает, американская исключительность оскорбительна для остальной части мира. Когда Владимир Путин, говоря от имени всех россиян, раскритиковал американскую исключительность, мой оппонент согласился, сказав – я цитирую: «Если вы в России, то вы не хотите слышать о том, что Америка является исключительной страной». Ну, может быть, этого не хотят слышать, но последнее отнюдь не значит, что это не соответствует истине» [Clinton H. 2016].

Следует иметь в виду, что, несмотря на оценку Д. Трампа, положение об исключительности Америки в 2016 г. вновь, как и в 2012 г., являлось краеугольным камнем предвыборной платформы Республиканской партии. Там утверждается: «Мы верим в американскую исключительность. Мы верим, что Соединенные Штаты Америки не похожи ни одно другое государство на планете. Мы верим, что Америка является исключительной страной вследствие той роли, которую она играла в истории, – вначале как страна-убежище, затем как страна-защитница и, наконец, как образец свободы для всего остального мира» [Republican Platform, p. i].

По сути, США в первой половине второго десятилетия XXI в. возродили идеологию «высших» и «низших» рас, объявив себя «супернацией». Именно различные варианты концепции «высших» и «низших» рас или народов привели в первой половине XX в. к двум мировым войнам. Как известно, главным фактором Второй мировой войны стало стремление «арийской нации», вкуче с носителями «самурайского духа», одержать военную победу и утвердить господство над «низшими расами» и «разложившимися западными демократиями». Эти параллели свидетельствуют, что мир находится на сложном отрезке исторического развития, не исключающем и катастрофического сценария.

Литература:

- Сирийская альтернатива. Статья Владимира Путина, опубликованная в американской газете «Нью-Йорк таймс» 12 сентября 2013 г. // Сайт президента России. URL: kremlin.ru/events/president/news/19205 (дата обращения: 29.14.2016).
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М. 1992.
- American Exceptionalism and Human Rights. (Ed. by Michael Ignatieff). Princeton. 2005.
- Bell D.* The End of American Exceptionalism // National Interest. 1975. Fall. №41. Pp. 193–224.
- Blum W.* American Exceptionalism and US Foreign Policy // Foreign Policy Journal. September 19, 2014 // Foreign Policy Journal. September 19, 2014. URL: –foreignpolicyjournal.com/2014/09/19/american-exceptionalism-and-us-foreign-policy/ (date of access: 29.14.2016).
- Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor // U.S. Department of State. URL: http://www.state.gov/j/drl/index.htm (date of access: 29.14.2016).
- Ceaser J.* The Origins and Character of American Exceptionalism // American Political Thought: A Journal of Ideas, Institutions, and Culture. Spring 2012. Pp. 1–25.
- Clinton H.* Remarks to the American Legion in Cincinnati, OH // Hillary Clinton official web-site. August 31, 2016. URL: hillaryclinton.com/speeches/remarks-to-the-american-legion-in-cincinnati-oh/ (date of access: 29.14.2016).
- Clinton W. J.* Remarks on International Security Issues at George Washington University // The American Presidency Project. August 5, 1996. URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=53161 (date of access: 29.14.2016).
- Cohen R.* Obama's American Idea // The New York Times. Dec. 10, 2007. URL: nytimes.com/2007/12/10/opinion/10cohen.html?_r=0 (date of access: 29.14.2016).
- Corn D.* Donald Trump says he doesn't believe in "American Exceptionalism" // Mother Jones. Jun. 7, 2016. URL: motherjones.com/politics/2016/06/donald-trump-american-exceptionalism (date of access: 29.14.2016).
- CRS Report. A Shift in the International Security Environment: Potential Implications for Defense—Issues for Congress. June 8, 2016. – Mode of access: fas.org/sgp/crs/natsec/R43838.pdf (date of access: 29.14.2016).
- CRS Report. The 2015 National Security Strategy: Authorities, Changes, Issues for Congress. April 5, 2016. – Mode of access: – fas.org/sgp/crs/natsec/R44023.pdf (date of access: 29.14.2016).
- Feaver P.* Grading Obama's National Security Strategy 2.0 // Foreign Policy. February 6, 2015. URL: foreignpolicy.com/2015/02/06/grading-obamas-national-security-strategy-2-0/ (date of access: 29.14.2016).
- Harris P.* Bush says God chose him to lead his nation // The Guardian, 2 November 2003. URL: the-guardian.com/world/2003/nov/02/usa.religion (date of access: 29.14.2016).

- Jervis R.* Understanding the Bush Doctrine // *Political Science Quarterly*. Fall 2003. Pp. 365–388.
- Kammen M.* The Problem of American Exceptionalism // *American Quarterly*. March 1993. №1. Pp.1–43.
- Koh H.* On American Exceptionalism // *Faculty Scholarship Series*. 01.01.2003. Paper 1778. Pp. 971–1032. URL: digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/1778 (date of access: 29.14.2016).
- National Security Strategy. February 2015. – Mode of access: whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (date of access: 29.14.2016).
- Obama B.* Address to the Nation on the Situation in Syria // *The American Presidency Project*. September 10, 2013. URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=104085 (date of access: 29.14.2016).
- Obama B.* The President's News Conference With President Felipe de Jesus Calderon Hinojosa of Mexico and Prime Minister Stephen Harper of Canada // *The American Presidency Project*. April 2, 2012. URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=100451 (date of access: 29.14.2016).
- Reagan R.* Farewell Address to the Nation // *The American Presidency Project*. January 11, 1989. URL: presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29650 (date of access: 29.14.2016).
- Republican Platform 2016. 2016. 58 pp. – Mode of access: [prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL\[1\]-ben_1468872234.pdf](http://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL[1]-ben_1468872234.pdf) (date of access: 29.14.2016).
- Romney M.* No Apology. The Case for American Greatness. N.Y. 2010.
- Romney: Obama Thinks America 'Just Another Nation With A Flag' // *FOX Nation*. November 22, 2011. URL: nation.foxnews.com/mitt-romney/2011/11/22/romney-obama-thinks-america-just-another-nation-flagnation.foxnews.com/mitt-romney/2011/11/22/romney-obama-thinks-america-just-another-nation-flag (date of access: 29.14.2016).
- Ross D.* American Exceptionalism // *A Companion to American Thought*. (Fox R. and Kloppenberg J. Eds.). London. 1995. Pp. 22–23.
- Schauer F.* John F. Kennedy School of Government. The Exceptional First Amendment. Harvard University. Faculty Research Working Papers Series. February 2005. – Mode of access: goo.gl/Ch7FZm (date of access: 29.14.2016).
- Song S.* American Exceptionalism at a Crossroads // *The Korean Journal of International Studies*. April 2015. Pp. 239–262.

УДК 2; 14; 323

АРЗУ САДЫХОВА, НАРМИН САДЫХОВА

Мусульманские реформаторы в Западной Европе: от славного прошлого к неопределенному будущему. К постановке проблемы

Аннотация. Статья посвящена истории мусульманской реформации в Западной Европе в сопоставлении с феноменом современного «евроислама». Выявляется связь между ранними идеями первых мусульманских модернистов Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммада Абдо и реформаторскими взглядами современного швейцарского ученого Тарика Саида Рамадана. Впервые проведен тщательный научный анализ публикаций аль-Афгани и Абдо, напечатанных в парижской газете «аль-Урва аль-Вуска» в 1884 г. Детальное исследование этих публикаций и сравнение их с трудами Т. Рамадана позволило обнаружить устойчивую преемственность между концепциями реформаторов конца XIX века и доктриной современного мыслителя.

Ключевые слова: евроислам, мусульманский модернизм, мусульманская реформация, Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, «аль-Урва аль-Вуска», Тарик Рамадан, иджтихад, фикх, мазхаб.

Рост мусульманского населения, этноконфессиональные конфликты на религиозной почве – с этими проблемами сталкиваются в последнее время многие европейские страны. В целях гармонизации отношений между мусульманами и коренными европейцами делаются попытки по-новому интерпретировать действующие исламские нормы, чтобы приспособить их к условиям проживания на Западе. Этот «обновленный» ислам называют европейским исламом, или евроисламом (иногда – либеральным исламом).

Первыми, кто предложил такие идеи, были Бассам Тиби (род. в 1944 г.)¹ и Тарик Саид Рамадан (род. в 1962 г.). Оба автора известны в мире, их концепции широко обсуждаются, и к настоящему моменту их творчество и деятельность находятся в фокусе внимания ученых и журналистов. Однако, несмотря на бурную активность обоих идео-

---

Сведения об авторе: Садыхова Арзу Ахмедовна – профессор, руководитель секции Арабистики и Исламоведения кафедры Азиатских исследований Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); доктор филологических наук; sadykhova.arzu@yandex.ru.

Садыхова Нармин Искандер-гызы – студентка отделения арабистики и исламоведения кафедры Азиатских исследований Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); narmin201@mail.ru.

---

1 Для передачи арабских имен и терминов в настоящей статье использована транслитерация.

логов, их теории все еще не находят поддержки ни среди рядовых мусульман, ни среди ученых.

Исчерпывающе выразился о сути этих концепций и их бесполезности директор стран Ближнего и Среднего Востока в Гамбурге профессор Удо Штайнбах еще в 2005 г.: «Разбавленный ислам Б. Тиби, самое возвышенное требование которого – это подчинение западной системе ценностей, не является значительным с религиозной точки зрения; динамичное же самоопределение Т. Рамадана как европейского мусульманина, напротив, кажется скорее программой действий, нежели теологическим решением религиозных вызовов. Таким образом, термин “евроислам” у большинства мусульман вызывает раздражение. Мусульмане предпочитают прагматичное “соответствие европейскому образу жизни без отказа от основ ислама” <...> Слишком силен дискомфорт от того, что евроислам все-таки может означать утрату базовых основ вероисповедания» [Steinbach]. С тех пор мнение ученых и мусульман о евроисламе не изменилось.

Чтобы разобраться в этой кризисной ситуации и понять, почему само слово «евроислам» и современные идеи реформирования исламских норм так раздражают мусульман, следует обратиться к истории. В конце XIX в. именно Западная Европа стала колыбелью мусульманского модернизма, или мусульманской реформации, – нового философско-религиозного течения в исламе, основоположниками которого являются Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897) и Мухаммад Абдо (1849–1905). Это был первый и очень успешный (в отличие от современных неудачных попыток) опыт нового толкования основных мусульманских источников и приспособления исламских этических норм к изменившимся условиям.

До настоящего момента мы не обнаружили ни одной работы (как отечественной, так и зарубежной), посвященной анализу ранних европейских публикаций Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммада Абдо, оказавших сильнейшее воздействие на традиционное общество и коренным образом изменивших весь мусульманский мир, – притом что литература об этих авторах достаточно обширна. Концепции этих идеологов-публицистов всегда излагаются цельно, из них не выделяется начальный, «европейский» этап творчества.

Попытаемся выяснить, почему идея реформирования ислама в одном случае была успешно реализована, а в другом предстает в невыгодном свете в виде вымышленной парадигмы, и порою даже сеет раздор между мусульманами. Прежде чем перейти непосредственно к анализу источников, напомним, что под реформацией в исламе понимается новое толкование широкого комплекса религиозно-этических, политических и экономических проблем, когда со временем оказывается, что традиционные этические принципы и установки перестают отвечать новым реалиям и требованиям [Степанянц, с. 19, 24; Левин 1993, с. 91–94].

В качестве источников для данного исследования привлечены философские эссе аль-Афгани и Абдо, опубликованные в парижской газете «аль-Урва аль-Вуска». Из ра-

бот современных публицистов по ряду причин выбраны только труды Тарика Рамадана. Прежде всего, европейские публикации аль-Афгани и Абдо являются богословскими трудами, а Тарик Рамадан – единственный пока в Европе ученый-публицист, получивший, помимо светского европейского образования, еще и серьезное теологическое (в университете аль-Азхар¹); кроме того, его публикации охватывают наиболее полный спектр вышеперечисленных проблем². Даже труды Бассама Тиби³, имеющего только светское европейское образование, существенно проигрывают в этом смысле, не говоря уже о других авторах.

Отметим также, что Т. Рамадан знаком с историей мусульманской реформации гораздо ближе, чем остальные авторы: к этому течению был причастен его родной дед, Хасан аль-Банна (1906–1949). На формирование взглядов скромного школьного учителя арабского языка, основавшего в 1928 г. организацию «Братья-мусульмане», огромное влияние оказали труды Мухаммада Абдо и Джамаль ад-Дина аль-Афгани. Хасан аль-Банна развил идеи панисламизма аль-Афгани и на их основе создал теорию мусульманского государства; идеология «Братьев-мусульман» основана в том числе и на идеях панисламизма. Возможно, существует некоторая преемственность между самыми ранними идеями аль-Афгани – Абдо и тем, что предлагает сегодня Тарик Рамадан. Не последнюю роль в нашем выборе источников сыграл географический критерий: все трое авторов имеют египетское происхождение.

Идеи аль-Афгани и Абдо: первые шаги в Европе

Биографии Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммада Абдо⁴ достаточно хорошо известны. Напомним лишь некоторые факты, которые очень важны для понимания их концепций и причин, вынудивших этих публицистов активно действовать.

В 1871 г. по приглашению премьер-министра Османской империи Рияда паши (1836–1911), который славился своими либеральными взглядами, аль-Афгани приехал в Египет, чтобы обучать группу студентов аль-Азхара теологии, юриспруденции, мистицизму и философии. Именно тогда студент Абдо и сблизился с аль-Афгани, который произвел на молодого египтянина неизгладимое впечатление [Hourani, p. 109]. Однако после смены власти в Египте в 1879 г. аль-Афгани был выслан в Индию; в 1883 г. он отправился в Европу и в 1884 г. обосновался в Париже, где решил выпускать газету на арабском языке, чтобы переправлять ее в Египет и другие регионы мусульманского мира. В Париже к нему присоединился Абдо.

---

1 Аль-Азхар – самый большой и самый авторитетный богословский университет на Ближнем Востоке; был основан в конце X века в Каире.

2 Биография Т. Рамадана с информацией о его образовании содержится на веб-сайте <http://tariqramadan.com/english/biography/>

3 С биографией Б. Тыби можно познакомиться на его веб-сайте http://www.bassamtibi.de/?page_id=17

4 Подробная библиография этих авторов содержится в Энциклопедии Ислама [Goldziher, p. 419; Schacht, p. 420], а также в списке литературы к данной статье.

Следует отдать должное дальновидности аль-Афгани: он быстро понял неисчерпаемые возможности прессы и не ошибся. «Несомненно, что Джамаль ад-Дин аль-Афгани был вождем оппозиционной свободной прессы в Египте и во всем арабском мире, которая призывала противостоять империализму всеми силами. Аль-Афгани создал и возглавил целую школу журналистов, куда входили Йакуб Санну, Мухаммад Абдо и Адиб Исхак», – так, например, оценивает журналистскую деятельность аль-Афгани крупный египетский ученый Анвар аль-Джунди (1917–2002) [аль-Джунди, с. 38–39].

В выборе места для издания газеты аль-Афгани также не просчитался. Благодаря своей антибританской направленности газета не встретила сопротивления со стороны французского правительства, скорее наоборот: появление подобного печатного органа по вполне понятным причинам было на руку французам.

Однако антибританская пропаганда была лишь самой заметной и, если можно так выразиться, ближайшей задачей. Главная же цель заключалась в другом. Будучи хорошо образованными и мудрыми людьми, они отчетливо понимали, что ислам в том виде, в котором он существовал тогда на Востоке, препятствовал распространению идей европейских просветителей и достижений европейской цивилизации. Огромная пропасть между уровнями развития западного и восточного общества стала очевидна и понятна всем после кампании Наполеона в Египте в 1798–1801 гг. Безнадёжно устаревшие средневековые исламские догмы тормозили развитие традиционного общества. Достаточно вспомнить хотя бы историю книгопечатания на арабском Востоке [Пую, Садыхова, с. 199–201, Sadykhova, p. 435–440], чтобы оценить всю трагичность положения, в котором пребывали в то время народы, населявшие Османскую империю. Мусульманский Восток остро нуждался в переменах. Однако традиционное мусульманское общество могло воспринять какие-либо изменения только в привычной для него исламской идеологической оболочке. Нужно было объяснить людям в понятной им форме, что технические нововведения и новые общественно-политические реалии не противоречат нормам ислама. Аль-Афгани и Абдо ясно сознавали, что если не вооружить традиционное мусульманское общество соответствующими идеологическими установками как можно скорее, его отставание от Запада будет возрастать, и мусульманский Восток обречен будет влачить жалкое существование в колониальной зависимости от Европы. Идея пересмотреть, по-новому интерпретировать исламские нормы, с тем чтобы найти в них обоснования для нововведений и сделать мусульманское общество открытым для реформ, и стала главной целью для аль-Афгани и Абдо.

Разумеется, нужно было также продумать, в какой форме преподнести реформаторские идеи, чтобы они как можно скорее доходили до людских умов и сердец. Писать статьи нужно было ярким, образным, но в то же время простым и доступным языком. Оба автора уже имели к тому времени солидный опыт публицистической деятельности и были блестящими ораторами. Джамаль ад-Дин аль-Афгани «...был красноречивым человеком, знал несколько иностранных языков, мог вести бесконечные беседы со своими друзьями в каирских кафе и был оратором, способным завладеть аудиторией» [Hourani, p. 112]. А Мухаммад Абдо к тому времени, помимо богословской и преподавательской деятельности, успел приобрести ценный опыт редакционно-издательской

работы в должности сначала одного из редакторов, а затем главного редактора «аль-Вакаи аль-Мысрийя» («Вестника Египта») – первой египетской правительственной газеты на арабском языке¹. Кроме того, Абдо уже имел на своем счету несколько газетных публикаций, которые оказали серьезное влияние на формирование общественного мнения в Египте по ряду вопросов.

Свою газету создатели решили назвать «аль-Урва аль-Вуска», что в переводе означает «Крепчайшая (неразрывная) связь» (французское название органа – «Le Lien Indissoluble»). Выбор не был случайным: эта фраза имела глубокое философское содержание и давала красноречивые указания всем мусульманам. Целиком она звучала так: «аль-Урва аль-Вуска, ла-н-фисама лаха», что означает: «Крепчайшая связь, которую невозможно сокрушить». Полное название газеты, таким образом, представляло собой точную цитату из Корана [Коран 2:256]²; кроме того, словосочетание «аль-Урва аль-Вуска» упоминается еще в одной суре [Коран 31:22] в том же значении. В обоих случаях под несокрушимой, крепчайшей связью подразумевается ислам, причем по контексту это и связь, на которую можно опереться, и связь, за которую можно держаться. Учредители газеты имели в виду крепчайшую связь с Аллахом и опору на него. Такое название, несомненно, должно было привлечь и заинтересовать читателей-мусульман.

Выходила «аль-Урва аль-Вуска» недолго: с марта по октябрь 1884 г. Великобритания в конце концов смогла убедить французские власти закрыть этот печатный орган. Рашид Рида (1865–1935), преданный ученик и биограф М. Абдо, писал, что «газета вселила в англичан настоящий ужас <...> и страх» [Рида 1, с. 298, 300]. И хотя за восемь месяцев было напечатано всего 18 выпусков, газета сыграла огромную роль в истории мусульманского мира.

О чем же писали реформаторы-модернисты в конце XIX в.?

Первый номер открывался большой программной статьей под названием «Открывающая газету» («Фатихату-ль-джарида»), и каждый (даже малообразованный) мусульманин ясно видел в этом параллель с первой сурой Корана «Фатихой» («Открывающая [Книгу]»). В качестве эпиграфа к статье тоже была выбрана цитата из Корана: «О Господь наш! Лишь на Тебя мы уповаем, лишь к Тебе мы взываем, лишь к Тебе [все] возвратится» [Коран 60: 4]³.

Во вступительной статье, которая состояла из двух частей, сначала описывалось тяжелое положение, в котором находились Египет и весь мусульманский мир отчасти из-за внешних факторов (британского гнета), отчасти из-за внутренних (отсталости общества). Создатели газеты обращались к мусульманам с горячим призывом сделать все от них зависящее, чтобы изменить это ужасное положение. Во второй части под на-

1 Аль-Азхар – самый большой и самый авторитетный богословский университет на Ближнем Востоке; был основан в конце X века в Каире.

2 В коранических цитатах первое число означает номер суры, число после двоеточия – номер стиха (аята).

3 Здесь и далее перевод коранических фрагментов А.А. Садыховой.

званием «Газета и ее программа» излагались цели и задачи периодического издания. Вкратце они сводились к следующим важным пунктам [аль-Афгани, Абдо, с. 38–39]:

1. Газета будет делать все возможное для того, чтобы разъяснять восточным народам причины их бед и указывать пути, которыми необходимо следовать, чтобы исправить прошлые ошибки и не допустить их в будущем.
2. Газета будет бороться с отсталостью мусульманского общества, суевериями и предрассудками, разъяснять верующим необходимость реформ.
3. Газета будет разъяснять мусульманским народам политику европейских стран, чтобы не позволить себя обмануть. Для этого в газете будут регулярно публиковаться переводы статей на общественно-политические темы из европейской прессы с комментариями.

Уже из этих тезисов заметно, что главную причину бедственного положения мусульманского мира авторы видели в отсталости традиционного общества, а западный колониализм есть всего лишь печальное следствие этого факта: ведь отсталого, неграмотного и суеверного человека очень легко обмануть и поработить.

Всего в 18 выпусках газеты было опубликовано 25 философских эссе, которые по праву можно считать классическими образцами этого жанра в арабской литературе. Заголовки весьма красноречивы: «Национальность и мусульманское вероисповедание», «Прошлое мусульманской общины (уммы), ее настоящее и излечение ее недугов», «Судьба и предопределение», «Христианство, ислам и их последователи», «Упадок мусульман, их молчание и причины этого», «Добродетели и пороки, а также их последствия», «Мусульманское единство», «Единство и суверенитет», «Солидарность», «Надежда и поиски славы», «Почему необходимо сохранить институт монархии?», «Государственные деятели и окружение монарха: какими они должны быть?», «Честь», «Трусость», «Мусульманское общество (умма) и деспотическая власть», «Призыв к персам объединиться с афганцами», «Испытание Аллаха для верующих» и др.

Приведенные выше заголовки показывают, что авторы затрагивали очень широкий спектр ключевых вопросов общественного развития, включая морально-этические аспекты. Однако при детальном знакомстве с текстом статей становится ясно, что, по сути, все они направлены на раскрытие двух принципиальных моментов – идеи реформирования ислама и доктрины мусульманского единства. Обе концепции, разные на первый взгляд, при ближайшем рассмотрении оказываются взаимосвязанными и неразрывными.

Авторы, высокообразованные люди, знакомые с западной наукой, подошли к анализу проблемы с позиций цивилизационного подхода, не забыв при этом упомянуть знаменитого Ибн Халдуна (1332–1406), и для достижения своих целей применили понятие «мусульманская цивилизация» [аль-Афгани, Абдо, с. 56]. Напомнив читателям о том, каких вершин она достигла в средние века, авторы поставили вопрос: почему же

сегодня мусульманский мир плетется далеко позади европейской цивилизации? [аль-Афгани, Абдо, с. 45–46] Ответ, по их мнению, прост: мусульманское общество разъедает болезнь, излечить которую оно может только своими собственными силами. Эта болезнь – косность и отсталость, неграмотность, суеверия и предрассудки, царящие в современном им мусульманском мире [аль-Афгани, Абдо, с. 46]. Лекарство – ислам, только не тот, который существует в нездоровом обществе, а истинный, который был в течение первых двух веков мусульманской эры. Пока ислам был объединяющим и цементирующим фактором в государстве, оно процветало; с появлением различных течений и толков в исламе начался упадок халифата, а затем и его распад. Доказательства своей правоты авторы черпают из истории мусульманской цивилизации: арабские завоевания, расцвет и величие халифата, трансляция индийской и античной науки и культуры в Европу и т. п. – до тех пор, пока не начался процесс распада халифата и монголы в 1258 г. не положили конец его фактическому существованию в качестве единого государства [аль-Афгани, Абдо, с. 64].

Абдо и аль-Афгани утверждали, что причиной распада халифата стали идейные расхождения и размежевания в исламе, которые произошли по вине улемов¹; именно они – главные виновники всех бед мусульманского мира. Они не сумели сплотить мусульман, и мусульманская цивилизация пришла в упадок из-за их слепой и бездумной приверженности к формальным догматам веры, неумения и нежелания толковать их в соответствии с изменяющейся внешней средой [аль-Афгани, Абдо, с. 63]. Против них-то и направили свою критику модернисты.

Реформаторские идеи аль-Афгани и Абдо покоятся на трех краеугольных камнях – человеческом разуме, человеческой активности и общественном единстве. Если Аллах создал человека разумным, способным творить и изменять окружающий мир – значит, человек должен (и более того – обязан!) рассуждать, применяя религиозные нормы, изучать и интерпретировать мусульманские источники, руководствуясь исключительно общественным интересом, выгодой для сообщества, потому что так угодно Аллаху. Подобная методика принятия решения на основе свободного суждения называется «истислах», и она давно существовала в некоторых правовых толках ислама [Schacht, p. 61; аль-Афгани, Абдо, с. 51, 120]. Тем не менее отдельные мусульманские идеологи, например, Ибн Таймийя (1263–1328), не признавали эту методику, равно как и сам принцип «маслаха» – интерес мусульманской общины, полагая, что все закреплено в религиозных источниках, а чего там нет, то не может представлять интерес для сообщества мусульман. Методика «истислах» предполагает наличие у человека свободы выбора, позволяющей принять приемлемое решение из числа возможных альтернатив. Обоснованию этой возможности посвящена статья «Судьба и предопределение» [аль-Афгани, Абдо, с. 81–88].

---

1 Улемы (от арабск. алим, мн. форма – улама) – ученые-богословы, знатоки историко-религиозного предания и мусульманских этико-правовых норм. К ним относятся также муфтии, имамы, хатыбы и судьи шариатских судов (кади). Улемы всегда были самым влиятельным сословием в мусульманском обществе ввиду отсутствия в исламе специального органа или института, подобного церкви у христиан [Gilliot, p. 801–805].

Особое место в рассуждениях авторов занимают наука и знания; модернисты доказывают, что ислам – религия, более всего открытая для науки, ведь именно для этого Аллах и наградил человека разумом и способностью творить (статьи «Мусульманское единство» [аль-Афгани, Абдо, с. 97–102] и «Надежда и поиски славы» [аль-Афгани, Абдо, с. 109–115]).

Итак, человек думающий, постоянно стремящийся к знаниям и созидающий – таким, по мнению авторов, должен быть настоящий мусульманин. Способность к творчеству и созиданию обязывает мусульманина быть активным членом мусульманского сообщества – уммы [аль-Афгани, Абдо, с. 55–56], и в этом следует брать пример с христиан. Следующий важный элемент – единство – логично вытекает из первых двух: чтобы созидать что-то, нужно объединять усилия нескольких или многих людей, каждый член сообщества неразрывно связан с другими его членами крепкими узами; изоляция людей друг от друга разрушает общественный организм (статьи «Солидарность» [аль-Афгани, Абдо, с. 71–79] и «Мусульманское единство» [аль-Афгани, Абдо, с. 97–102]). Чтобы ставить перед собой великие цели, необходимо объединение еще большего количества людей, а чтобы противостоять империализму, необходимо объединиться всем мусульманам («Мусульманское единство» [аль-Афгани, Абдо, с. 100]). Свои тезисы авторы подкрепляют многочисленными цитатами из Корана и примерами из хадисов. В качестве доказательств приводятся такие цитаты: «Все вместе крепко держитесь за веревку Аллаха (т. е. ислам. – А.С., Н.С.) и не отдаляйтесь [друг от друга]» [Коран 3:103]; «Не будьте такими, как те, которые разошлись [в разные стороны] и рассорились после того, как получили ясные доказательства; именно их [ждут] великие мучения» [Коран 3:105]; «Поистине, верующие – братья» [Коран 49:10].

Основным понятием в логических построениях аль-Афгани и Абдо является «мусульманская умма», или мусульманская община [Denny, p. 859 – 863]. В их глазах идеальная умма, как и идеальный ислам, – это такое мусульманское общество, каким оно было в течение первых двух веков мусульманской эры.

Главный вопрос о соотношении национальности, гражданства и вероисповедания авторы решают очень просто и категорично: «У мусульман нет иной национальности, кроме их веры» [аль-Афгани, Абдо, с. 99]. Из этого следует, что для всех мусульман такие категории, как «национальность» и «гражданство», вторичны по отношению к вероисповеданию.

Особо подчеркнем, что, когда идет речь о единстве мусульман (из которого позже вырос панисламизм), авторы оперируют понятиями «мусульманская умма» или просто «мусульмане», а не терминами «государство» или «халифат». Призыва к созданию нового единого мусульманского государства вроде халифата в текстах газетных статей обнаружить не удалось. Речь идет лишь о союзе мусульман, например: «Между мусульманами должны быть союз и взаимопомощь» [аль-Афгани, Абдо, с. 100]. Больше того, в статье «Мусульманское единство» авторы утверждают, что в настоящее время вряд ли возможно существование одного правителя для всех мусульман, и выражают над-

жду, что «султаном надо всеми ними станет Коран, а религия – вектором их единства» [аль-Афгани, Абдо, с. 101]. В связи с этим еще В.В. Бартольд отмечал, что «...сейид Джемаль ад-дин, считающийся основателем современного панисламизма, мечтал об обновлении мусульманских государств и о союзе между ними для устранения политического и экономического засилья европейцев» [Бартольд, с. 402].

Язык статей заслуживает того, чтобы на нем остановиться специально. Это очень хороший литературный арабский язык, не перегруженный грамматическими излишествами. В результате мысли авторов излагаются предельно ясно, доходчиво и в то же время достаточно эмоционально. Аль-Афгани и Абдо высказывают свою позицию твердо и категорично, приводя в свою пользу очень весомые аргументы: цитаты из Корана и хадисов, примеры из прошлого. Авторы демонстрируют глубокое знание истории мусульманской и европейской цивилизаций, а также мусульманских источников. Такой текст никого не может оставить равнодушным.

Кое-где прозаический текст перемежается рифмованной ритмизованной прозой – саджем, древнейшей литературной формой, которую использовали арабские жрецы и прорицатели еще в доисламские времена, чтобы сильнее воздействовать на аудиторию. Именно в этой форме записан Коран. К этой форме обращались многие средневековые авторы, в ней опытные имамы произносили свои проповеди; такая форма обычно ассоциировалась с высоким изысканным стилем и должна была подействовать на читателей сильнее, чем обычная проза. Некоторые статьи написаны в виде живых диалогов с читателем; другие представляют собой рассуждения, в которых верующим разъясняются новые реалии и явления, сопровождаемые примерами из Корана и мусульманской традиции. Вторые вызывают ассоциации с хутбами¹. И.М. Хакимов отмечал, цитируя Рашида Риду, что «язык еженедельника принадлежал Абдо, в то время как мысль – аль-Афгани» [Хакимов, с. 241]. Однако тот же Рашид Рида подчеркивал, что «во всех реформаторских статьях мысли и мнения обоих авторов являются совместными» [Рида 2, с. 215]. История показала, что эффект от таких статей был грандиозным.

Во многом благодаря безупречному изложению материала модернисты и добились успеха. Статьи «Крепчайшей связи» представляют собой настоящие шедевры арабской публицистики. Эти тексты наглядно показывают, какой силой способно обладать слово. На это обратил внимание английский историк Альберт Хаурани (1915–1993): «Благодаря содержанию и языку газета стала одним из самых влиятельных периодических изданий на арабском языке» [Hourani, с. 110]. С ним соглашается канадский исследователь А. Кудси-Заде, отмечая: «Язык газеты был настолько революционным, что вскоре британское и индийское правительства запретили ввоз этой газеты и наложили штраф на ее издателей» [Kudsi-Zadeh, с. 34]. Так же высоко оценивают значение этой газеты арабские и российские ученые [Таррази, с. 261; Мурувва, с. 234; Дайф, с. 221; Хакимов, с. 238–239; Сейранян, с. 35; Степанянц, с. 120].

---

1 Хутба – проповедь, которую имам произносит перед верующими по пятницам во время богослужения.

Таким образом, на страницах «Крепчайшей связи» модернисты совершили первую попытку «раскачать» мусульманский мир, чтобы вывести его из застоя. Для этого Джамаль ад-Дин аль-Афгани и Мухаммад Абдо, если можно так выразиться, «вытащили» из Корана и сунны пророка все, что могло бы придать исламу характер рационалистической религии¹. По сути, авторы дали понять своим читателям, что «двери иджтихада² не закрыты» [аль-Афгани, Абдо, с. 64]; наоборот, каждый должен работать над собой, стремиться к знаниям и самосовершенствоваться.

С этого момента, т. е. с конца XIX в., можно говорить о наличии в исламе двух основных тенденций – традиционной и реформаторской. Разница между ними заключалась в том, что традиционалисты были приверженцами слепой веры и поддержания устаревших уже традиций, тогда как реформаторы-модернисты призывали воспринимать постулаты веры вдумчиво и интерпретировать их в соответствии с требованиями времени.

Что касается панисламизма, то статьи «Крепчайшей связи» показывают, что этот концепт вырастает из идеи «оборонительного союза» [аль-Афгани, Абдо, с. 101], желания всеми силами противостоять угнетению со стороны европейских империй. «Мусульмане должны как можно скорее объединиться, чтобы противостоять натиску со всех сторон», – обращаются авторы к читателям [аль-Афгани, Абдо, с. 101]. Панисламизм очень часто критикуют за его несостоятельность как идеологии, однако на тот момент это была единственная возможность убедить всех мусульман консолидированно выступить против очень сильного врага – Великобритании. Любая идеология возникает в определенное время и в определенном месте как реакция общества на происходящие события, и панисламизм не стал исключением.

Многие идеи модернистов были успешно реализованы в Египте Мухаммедом Абдо, который после возвращения на родину занимал различные административные должности в государственном аппарате страны. Это позволило ему воплотить в жизнь многое из совместных замыслов: например, введение банковского процента и др. [подробно см. Сейранян, 33–44]. Однако вряд ли эти реформы имели бы успех, если бы египетское общество не было готово к таким революционным переменам.

---

1 В истории ислама ранее предпринимались попытки создать течения с рационалистическими элементами, самое раннее и известное из которых – течение мутазилитов.

2 Иджтихад – один из ключевых концептов в мусульманской теологии; обозначает умение толковать мусульманские источники и на их основе принимать самостоятельные взвешенные решения. Носитель иджтихада – муджтахид – должен отвечать целому ряду требований, главными из которых были совершенное знание арабского языка, знание наизусть Корана и мусульманского предания (сунны), а также комментарии к ним. Согласно традиции, в начале X в. ученые-богословы разных толков пришли к соглашению о том, что «двери иджтихада закрыты», посчитав, что по основным правовым вопросам все необходимые решения уже приняты, и людей, соответствующих критериям полного или абсолютного иджтихада, уже не существует. Таким образом, начиная с X в. в мусульманской теологии развивается традиционалистское течение, безраздельно царившее до конца XIX в. [Schacht, Macdonald, p. 1026–1027].

Реформатор Тарик Рамадан: салафит или модернист?

От ранних работ первых реформаторов конца XIX в. обратимся к трудам современного швейцарского мыслителя Тарика Рамадана. Он написал множество книг и статей, все его творчество в рамках настоящей статьи охватить невозможно, поэтому ограничимся наиболее важными работами. [Подробнее об идеях швейцарского мыслителя см.: Садыхова 2009, Садыхова 2010].

Во всех своих трудах Т. Рамадан призывает мусульман, постоянно проживающих в Европе, к «радикальным реформам» в исламе, отталкиваясь от практики раннего мусульманского общества [Ramadan 2010]. Поясним, что стремление обратиться к ранней истории ислама, чтобы взять за основу образ жизни мусульманской общины и законы того времени, принято называть салафизмом, фундаментализмом, или возрождением в исламе. К реформаторам такого типа причисляют двух основоположников мусульманских правовых школ-мазхабов – Мухаммада аш-Шафии (767–820) и Ахмада ибн Ханбала (780–855), а также Ибн Таймийю и Хасана аль-Банну [Ислам, с. 204].

Чтобы разобраться в современных реформаторских течениях, воспользуемся классификацией З.И. Левина, согласно которой все исламские реорганизаторы делятся на две категории: реформаторов-модернистов и традиционалистов-салафитов. Первые предлагают очистить ислам от средневековых наслоений, взять в качестве отправной точки ислам образца первого-второго веков мусульманского летоисчисления и с этим наследием идти дальше и развиваться в направлении западных стран (по З.И. Левину, это модернизаторский фундаментализм с лозунгом «Вперед с Кораном!»). Вторые, традиционалисты-салафиты, также берут за идеал ранний ислам, но для того, чтобы неукоснительно соблюдать все предписания и ревностно его защищать от возможных искажений, не допуская инноваций (по З.И. Левину, это охранительный фундаментализм с девизом «Назад к Корану!») [Левин 1993, с. 100–101; Левин 2003, с. 17–18].

Однако эта классификация, по нашему мнению, нуждается в существенном уточнении. Речь идет о векторе перемен по отношению к внешнему окружению. В первом случае реформаторы хотели изменить ислам как религиозно-идеологическую систему для того, чтобы дать мусульманскому обществу возможность развиваться и со временем встроиться во внешнюю среду; то есть вектор перемен направлен внутрь самой уммы. Во втором случае реформаторы возрождали ранний ислам с целью охранять его от дальнейших нововведений и стараться изменять окружающий мир в своих интересах. Здесь вектор перемен направлен вовне, за пределы мусульманской уммы. Проще говоря, одни реформаторы стремятся изменить ислам, чтобы измениться самим, другие – изменить окружение, оставаясь при этом неизменными.

Приняв во внимание данное деление сторонников реформ на реформаторов-модернистов и реформаторов-салафитов, попробуем понять, к какой группе можно отнести швейцарского мыслителя.

Т. Рамадан утверждает: «Основываясь на универсальных принципах ислама, я исследовал средства, которые изнутри могут дать импульс движению реформ и интеграции мусульман в новое окружение» [Ramadan 2004, с. 5]. Он ставит вопрос о возможности мусульман на Западе самостоятельно интерпретировать исламские нормы и на этой основе предлагать новые конкретные решения применительно к новым ситуациям. Западные мусульмане, считает он, должны активно участвовать в общественной и политической жизни, изучать европейские социальные механизмы, отстаивать свои права и бороться со всеми проявлениями дискриминации и несправедливости [Ramadan 2004, с. 6–7]. Это черты охранительного фундаментализма.

Автор указывает на единство и многообразие ислама во всем мире в силу уникальных особенностей этой религии: в ней есть фундаментальные, универсальные, постоянные принципы и изменчивые категории, которые могут варьироваться в зависимости от времени и места. Задача современного западного мусульманина заключается в том, чтобы обязательно придерживаться первых, тогда как от изменчивых принципов по мере необходимости можно отказываться и предлагать взамен другие, которые не противоречат фундаментальным. Так поступали все ученые-реформаторы – аль-Афгани, Абдо, Рашид Рида, аль-Банна, Маудуди, Сеййид Кутб и другие, говорит Рамадан. Их объединяло стремление найти в письменных источниках ответы на новые вопросы, возникавшие в связи с социальными, экономическими и политическими изменениями того или иного периода.

Уже этих тезисов достаточно, чтобы увидеть преемственность между мыслями аль-Афгани – Абдо и Т. Рамадана. Почти слово в слово повторяет он идеи первых модернистов, только на английском языке, ориентируясь на современную аудиторию.

Идея мусульманского единства аль-Афгани – Абдо также нашла отражение в системе взглядов швейцарского интеллектуала. Узловой проблемой мусульманской идентичности, по мнению Рамадана, является осознание мусульманином своей принадлежности к мусульманской умме и к европейской стране. Что важнее для мусульманина: религиозная принадлежность или европейское гражданство? Может ли мусульманин быть просто гражданином европейского государства, без принадлежности к своей религиозной группе? Сделав краткий экскурс в историю, автор приходит к выводу: ислам как религия с самого начала носил общинный характер, и с течением времени эта черта только усиливалась. Следовательно, связь мусульманина с уммой всегда будет сильнее, чем политико-правовая связь с государством, в котором он проживает [Ramadan 2004, р. 89]. Не правда ли, эта мысль звучит в унисон с тезисом аль-Афгани-Абдо о мусульманском единстве и о том, что у мусульман нет иной национальности, кроме веры?

Во всех произведениях Рамадана постоянно звучат призывы к действию. Чтобы европейские мусульмане не превратились в маргинальное меньшинство, необходимо, считает ученый, активно действовать, адаптировать ислам к новым реалиям и интегрироваться в европейское сообщество. Рамадан призывает к созданию унифицированного мусульманского сообщества в Европе (как тут не вспомнить статью «Мусуль-

манское единство»!). Однако это едва ли возможно – хотя бы потому, что в исламе существует множество толков, и люди вряд ли откажутся от возможности выбрать то направление, которое им ближе всего, а культурные различия между людьми неизбежны.

В целом учение Т. Рамадана, к сожалению, выглядит довольно противоречивым и непоследовательным. Во всех его книгах и статьях лейтмотивом звучат «разум», «свобода выбора» и «социальная активность» – как основы, которые, по его мнению, позволят европейским мусульманам гармонично вписаться в западное сообщество и стать его активными членами. Мыслитель призывает западных мусульман не замыкаться в гетто, стать открытыми всему европейскому сообществу. В концепции швейцарского интеллектуала причудливо переплелись идеи традиционализма (салафизма), доставшиеся ему в наследство от деда, и модернизма, который он, как современный мусульманин, не в состоянии игнорировать. Соответственно, его реформаторские предложения направлены как на западную мусульманскую умму, так и во внешнюю среду, то есть на европейское окружение. Он предлагает западным мусульманам охранять свое право исповедовать ислам в Европе, широко используя все механизмы и средства западной демократии. Это, безусловно, черта охранительного фундаментализма. Призывая мусульман к активности, идеолог тем самым указывает на возможность изменять окружающий мир в соответствии с интересами мусульманского сообщества, что тоже является чертой фундаментализма. К модернистским особенностям учения Рамадана следует отнести отказ от запрета на нововведения.

Нам представляется, что система взглядов швейцарского ученого все же имеет больше салафитских черт, нежели модернистских. Сам себя он тоже причисляет к салафитам [см., напр., материал Википедии о Рамадане; MacDonald, с. 385] – вероятно, потому, что очень хочет походить на своего знаменитого деда. Интересно отметить, что в 2012 г., в интервью для канала «Россия сегодня», Рамадан затруднился ответить на вопрос о своей принадлежности к тому или иному течению в исламе. Он сказал так: «Я между теми и другими, я стараюсь найти умеренный путь в исламе, но ближе всего мне салафиты-реформаторы» [Ramadan 2012].

Ислам нового толка – европейский мазхаб?

В чем же феномен успеха концепций первых реформаторов и в чем причины отторжения системы взглядов Т. Рамадана, которая в значительной степени является продолжением идей аль-Афгани и Абдо? Ведь все они солидарны в вопросе об обновлении фикха – широкого комплекса мусульманских этико-социальных норм, в особенности его раздела «усуль аль-фикх», который занимается «источниками, методами их толкования и применения для решения конкретных правовых вопросов» [Ислам, с. 255].

С одной стороны, аль-Афгани и Абдо идеально подходили для роли идеологов-реформаторов, поскольку имели престижное богословское образование, соответствующее

щий социальный статус (религиозный сан) и авторитет во всех слоях мусульманского общества. Люди им верили. Они адресовали свои послания мусульманам на Восток и преследовали цель изменить исламский мир, чтобы традиционное общество могло интенсивно развиваться наравне с западным. Мухаммад Абдо, помимо всего прочего, удачно использовал «административный ресурс» для реализации своих идей. Вершиной его карьеры стала должность главного муфтия Египта, позволившая ему издавать фетвы – богословско-правовые заключения для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата [Ислам, с. 252].

Т. Рамадан, как видно из его биографии и всей деятельности, такого статуса – в силу отсутствия у него религиозного сана и опыта – не имеет, притом что он также получил очень престижное богословское образование. Хотя различные издания признают его очень влиятельным человеком нашего времени, приходится все же признать, что среди мусульман Запада и Востока он не пользуется таким авторитетом и не обладает такой харизмой, какие в свое время были у аль-Афгани и Абдо; в этом смысле Т. Рамадан проигрывает даже своему деду Хасану аль-Банне. Можно вспомнить еще одно высказывание немецкого профессора Удо Штайнбаха: «Серьезную проблему <...> представляет отсутствие в исламе церковных структур и организованного духовенства, которое может авторитетно ответить на вопросы теологического и религиозно-правового обновления. Кто из высказывающихся имеет авторитет? Мы не видим личностей, у которых есть соответствующая карьерная и образовательная подготовка, а также выдающиеся знания или харизма» [Steinbach].

С другой стороны, важнейшие причины успеха модернистов конца XIX в. и неуспеха интеллектуала рубежа XX – XXI вв. кроются гораздо глубже, они уходят корнями в мусульманскую теологию. Чтобы разобраться в них, следует обратиться к иджтихаду, который является краеугольным камнем в учении всех реформаторов и о котором выше уже шла речь. Слово «иджтихад» переводится как «усердие», «прилежание»; как богословско-юридический термин иджтихад означает достижение высшей ступени знаний и получение права самостоятельно решать некоторые вопросы юридическо-богословского характера [Schacht, Macdonald, p. 1026]. Как вид деятельности иджтихад начал формироваться в конце VII в., когда расхождения в исламе стали усиливаться и появились вопросы, на которые не было ответов в источниках. В настоящее время в исламоведении под иджтихадом принято понимать «деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, систему принципов, аргументов, методов и приемов, используемых им при этом исследовании, а также степень авторитетности самого ученого (муджтахид) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников» [Ислам, с. 91]. Теологи выделяют несколько видов иджтихада по разным критериям, из которых нас в данном случае интересуют два – абсолютный иджтихад (аль-иджтихад аль-мутлак) и иджтихад, ограниченный рамками конкретного толка, – мазхаба (аль-иджтихад аль-мукайяд). Богослов-факих, соответствующий критериям абсолютного, или совершенного, иджтихада, может принимать решения по любым вопросам; к таким богословам относят основателей-эпонимов канонических мазхабов.

Абдо и аль-Афгани не подвергали критике существующие четыре канонических суннитских толка¹ и не пытались создать новый. Они очень аккуратно манипулировали средствами исламских правовых школ, говоря исключительно об ограниченном иджтихаде. Т. Рамадан открыто критикует суннитские и шиитские мазхабы [Ramadan 2004, с. 24–25] и стремится доказать их несостоятельность из-за ограниченности в иджтихаде для новых географических, политических и социальных условий, имея в виду Европу [Ramadan 2009, р. 6, 124]. В этом-то и кроется суть конфликта. Именно это обстоятельство и вызывает крайне негативное отношение к его идеологии, которая сегодня выглядит как новый мазхаб (назовем его условно «европейским»), хотя сам Рамадан назвал его «фикхом для Запада» [Ramadan 2004, с. 99]. Во всех своих книгах мыслитель последовательно, шаг за шагом, выстраивает новый подход к толкованию системы исламских норм; он также предлагает свои методы принятия решений на основе свободной интерпретации мусульманских источников, свои ответы на вызовы современности в рамках исламской теологии и т. п. Например, он предложил принципиально новый концепт «дар аш-шахада» для обозначения западного мира по отношению к мусульманам, проживающим там [Ramadan 2004, с. 76–77; Садыхова 2009, с. 128–129].

Подчеркнем, что в одном из произведений автор не ограничился только Европой, но значительно расширил область применения своей идеологии, пафосно заявив: «Сегодня мусульмане, как на Востоке, так и на Западе, срочно нуждаются в современном фикхе, который сможет выделять в сакральных текстах неизменяемое и то, что можно изменить» [Ramadan 2009, р. 1]. Иными словами, реформатор призывает как можно скорее пересмотреть всю систему мусульманских норм и ценностей, чтобы оставить то, что необходимо, а от ненужного отказаться. Рамадан утверждает, что «необходим современный фикх, использующий принципы “маслаха” и “иджтихад”», то есть предлагает руководствоваться исключительно интересами мусульманского сообщества при принятии решений, а также настаивает на самостоятельном критическом прочтении, понимании и толковании письменных мусульманских источников [Ramadan 2009, р. 3]. В этом современный реформатор тоже солидарен с аль-Афгани и Абдо.

Для разъяснения своей позиции Т. Рамадан посвятил иджтихаду целый раздел в одной из книг [Ramadan 2004, с. 43–48]. Однако основоположник нового мазхаба должен удовлетворять критериям абсолютного иджтихада [см. Ислам, с. 91–92], первым из которых является совершенное знание арабского литературного языка. Нам трудно судить, достаточно ли хорошо Т. Рамадан знает родной язык, чтобы читать и свободно толковать Коран и сунну, но то обстоятельство, что почти все свои труды он публикует на западных языках, едва ли по нраву мусульманским богословам арабского Востока.

Пытаясь обновить фикх, чтобы создать ислам нового «европейского», или «западного», толка, претендуя при этом на роль основателя-эпонима, Рамадан вносит сумятицу в ряды мусульман как Востока, так и Запада. И дело не только в запутанности его учения, но и в его безграничной амбиции. Нам представляется, что деятельность

---

1 Речь идет о четырех правовых школах-мазхабах, существующих в суннитском исламе, – ханафитском, маликитском, шафиитском и ханбалитском.

швейцарского интеллектуала в этом направлении обречена на неудачу, поскольку становление мазхаба – это долгий и естественный процесс, зависящий от авторитета муджтахидов в исламском мире.

Литература:

- Бартольд В.В.* Панисламизм / В.В. Бартольд. Собрание соч. в 9 т. М. 1966. Т. 6. С. 400–402.
- Ислам. Энциклопедический словарь. М. Главная редакция восточной литературы, 1991. 340 с.
- Левин З.И.* Развитие общественной мысли на Востоке: Колониальный период XIX–XX вв. М. 1993. 245 с.
- Левин З.И.* Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // Левин З.И. Фундаментализм [отв. ред. Левин З.И.]. М. 2003. С. 13–49.
- Пую А.С., Садыхова А.А.* Роль государственного управления в становлении и развитии печати арабских стран (XV – начало XIX вв.) // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 198 – 204.
- Садыхова А.А.* Евроислам: миф или реальность? // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 90–98.
- Садыхова А.А.* Проблемы этноконфессиональных отношений в западноевропейской арабской публицистике. СПб. 2009. 203 с.
- Сейранян Б.Г.* Мухаммад Абдо: творец мыслящего Египта // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 2. С. 33–44.
- Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М. 1982. 249 с.
- Хакимов И.М.* Антиколониализм Джамаль ад-Дина аль-Афгани на страницах «аль-Урва аль-Вуска» (1884) // Арабские страны. История. Экономика. М. 1970. С. 238–248.
- Denny F. M.* 'Umma // The Encyclopaedia of Islam. Leiden–New York. 2000. Vol. 7. Pp. 859 – 863.
- Gilliot Cl.* 'Ulamā' // The Encyclopaedia of Islam. Leiden–New York. 2000. Vol. 7. Pp. 801–805.
- Goldziher I.* Djamal al-Din al-Afghani // The Encyclopaedia of Islam. Leiden–New York. 1991. Vol. 2. Pp. 416–419.
- Hourani A.* Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939. Cambridge. 1983. 406 p.
- Kudsi-Zadeh Albert* Afghānī and Freemasonry in Egypt // Journal of the American Oriental Society. 1972. Vol. 92. No. 1 (Jan. – Mar.). Pp. 25–35.
- MacDonald Matthew A.* What is a Salafi Reformist? // Political Theology Vol. 15 , Iss. 5, 2014. Pp. 385–405.
- Ramadan Tariq* Radical Reform. Islamic Ethics and Liberation. Oxford: Oxford University Press, 2009. 384 p.
- Ramadan Tariq* Western Muslims and the Future of Islam. Oxford. 2004. 274 p.
- Ramadan Tariq* What I believe. Oxford. 2010. 148 p.
- Ramadan Tariq.* An interview on Russia Today. – Mode of access: [youtube.com/watch?v=2FNnWW2roW4](https://www.youtube.com/watch?v=2FNnWW2roW4) (на арабском языке) (date of access 13.12.2016).
- Sadykhova Arzu* Beginning and Development of Printing in Arabic (XVI–XIX). W kręgu zagadnień świata arabskiego. Poznań. 2015. Pp. 435–442.
- Schacht J.* An Introduction to Islamic Law. Oxford. 1982. 304 p.
- Schacht J., Macdonald D.* Idjtihād // The Encyclopaedia of Islam. Leiden–New York/ 1986. Vol. 3. Pp. 1026–1027.

- Schacht J.* Muhammad 'Abduh // The Encyclopaedia of Islam. Leiden–New York. 1993. Vol. 7. Pp. 418–420.
- Steinbach Udo* Euro-Islam: Ein Wort, zwei Konzepte, viele Probleme. Mode of access: de.qantara.de/inhalt/udo-steinbach-euro-islam-ein-wort-zwei-konzepte-viele-probleme (date of access 13.12.2016).
- Аль-Афгани Дж., Абдо М.* Аль-Урва аль-Вуска. Аль-Кахира: аль-Хиндави, 2015. 491 с. (на арабском языке).
- Дайф, Шауки* Аль-Адаб аль-араби аль-муасыр фи-Мыср. Аль-Кахира: Дар аль-Маариф, б. г. 315 с. (на арабском языке).
- Аль-Джунди А.* Ас-Сихафа-с-сийасиййа фи Мыср мунзу нашаатиха ила ль-харб аль-аламиййа с-саниййа. Аль-Кахира, б. г. (на арабском языке). 645 с.
- Аль-Кур'ан аль-Карим Аль-Мадина, б. г. 621 с. (на арабском языке).
- Мурувва Адиб* Ас-Сихафа аль-арабиййа. Нашатуха ва-татаввуруха. Бейрут: Дар мактабат аль-хаят, б. г. 500 с. (на арабском языке).
- Рида Рашид* Тарих аль-устаз аль-имам аш-шейх Мухаммед Абдо. аль-Кахира: Дар аль-фадыля, 2006. Т. 1–3 (на арабском языке).
- Таррази Филиб* Та'рих ас-сихафа ал-'арабиййа. Бейрут: дар ас-Садыр, 1913. Т. 1. 336 с. (на арабском языке).

УДК 327; 355

АЛЕКСАНДР СИДОРОВ

Военно-политическая активность Франции в сахаро-сахельском регионе

Аннотация. В статье рассматривается военно-политический курс современной Франции на африканском континенте, прежде всего в сахаро-сахельском регионе. Анализируются тактика и возможности французского военного вмешательства. Подводятся итоги операций Франции в Мали и ЦАР (2013 – 2014 гг.). Подчеркивается дестабилизирующая роль ливийского фактора, в частности для безопасности сахаро-сахельского региона.

Ключевые слова: Франция, военно-политическая активность, вмешательство, сахаро-сахельский регион, Евросоюз, антитерроризм.

Франкофонная Африка является для Франции традиционной сферой влияния, которая как бы «по наследству» переходит от президента к президенту, поддерживая «притязания Парижа на статус державы с глобальными интересами» [Рубинский..., с. 286]. Наличие зоны франка КФА (*Coopération Financière en Afrique, CFA*), торговые преференции, природные ресурсы и возможности заручаться поддержкой африканских партнеров при голосовании в международных и региональных организациях также сохраняют немаловажное значение для французского руководства. С учетом обострения положения в этой части света, Франция при выработке политики все большее внимание уделяет вопросам поддержания региональной стабильности и безопасности, особенно в сахаро-сахельском регионе (*bande sahélo-saharienne, BSS*). Это огромное пустынное пространство стало зоной действия «Аль-Каиды в исламском Магрибе», АКМИ (*AQMI, Al-Qaïda au Maghreb islamique*) и других вооруженных террористических группировок.

Характеристика сахаро-сахельского региона и роль Франции

Границы и само понятие сахаро-сахельского региона достаточно условны, хотя географический фактор здесь имеет первостепенное значение. Речь идет о широкой гористо-пустынной полосе, которая в разной степени захватывает территории ряда государств франкофонной Африки в существующих границах. Кроме северной части Мали, сахаро-сахельский регион включает почти полностью территории Мавритании и Нигера, а также северные части Сенегала, Буркина-Фасо, Нигерии, западные части Чада и Ливии, юг Алжира. Такое определение границ региона официально принято Европейским союзом и применяется отечественными экспертами [Корендясов..., с. 68;

Сведения об авторе: Сидоров Александр Сергеевич – независимый военный политолог; alexandres.sidorov@gmail.com.

Adam..., с. 27]. Целесообразно иметь в виду и ряд прилегающих франкофонных территорий, формально не входящих в рассматриваемый регион. Это – граничащие с Чадом территории Центральноафриканской республики (ЦАР), традиционно являющиеся сферой интересов и активного вмешательства Франции [Лисенков, Полякова, Сидоров..., с. 42–58].

В сахаро-сахельском регионе широко распространены военные режимы, что в условиях продолжающихся вооруженных конфликтов способствует милитаризации африканских стран. Столкновения на религиозной и этнонациональной почве используются конкурентами в борьбе за власть в своих интересах.

В регионе нет общего языка или господствующей объединяющей религии. Государственные границы были в свое время демаркированы без надлежащего учета религиозно-этнических принципов, не говоря уже о языковых особенностях. Так, в Мали, где французский язык является официальным государственным (при наличии 13 разных языков), им владеет лишь незначительная часть современной молодежи, особенно в сельской местности. По этой причине французские военные инструкторы испытывают сложности в общении с местным контингентом. Схожая ситуация наблюдается и в других франкофонных странах региона. Дополнительным осложняющим фактором в странах Сахеля выступает самый высокий уровень рождаемости [Атлас..., с. 166, 176–177].

Даже при сохранении значительной детской смертности численность населения в 1950–2012 гг. выросла впятеро, с 17 до 81 млн чел. [Sahel], и в случае сохранения нынешних тенденций достигнет 200 млн чел. к 2050 г. Для сравнения: в регионе Южной Африки, в который, согласно классификации ООН, входят пять стран (Ботсвана, Лесото, Намибия, ЮАР и Свазиленд), за те же годы население хотя и выросло вчетверо, но к 2050 г. достигнет лишь 78 млн чел. [World...]. Такой прирост населения в сахаро-сахельском регионе – где отсутствуют сильные государственные институты и развитая социально-экономическая инфраструктура и где, соответственно, наблюдается тяжелое положение с занятостью – создает почву для радикализма.

Российские исследователи в свое время отмечали риск развития террористических сетей в регионе и опасность распространения оттуда религиозного экстремизма и терроризма [Соколова, Уткин..., с. 43]. Этот прогноз в значительной мере оправдался.

Ливийский кризис 2011 г., в котором активно поучаствовала Франция, раскачал ситуацию, дополнительно усилив напряженность в странах региона [Réflexions..., р. 38]. Особенно негативно это отразилось на обстановке в Мали и Алжире, имеющих с Ливией протяженные границы.

Вследствие операции НАТО с участием Франции почти тысячекилометровая граница Алжира с Ливией, и в прошлом слабо защищенная от контрабанды, стала еще менее контролируемой. Автору этой статьи доводилось лично быть свидетелем (находясь в вилайете Уаргла, север центрального района Алжира) передвижения караванов туа-

регов, которые, пересекая южную границу Алжира, направлялись через пустыню к побережью Средиземного моря.

«Деликатную» позицию Алжира – весьма ценного для Франции потенциального союзника, испытывающего непосредственно на себе джихадистскую угрозу, – отмечают российские исследователи из Института Ближнего Востока [Балмасов; Сатановский]. После падения центральной власти в Ливии нынешнее руководство Алжира не торопится брать на себя роль гаранта стабильности для стран Сахеля и воздвигать барьер на пути распространения течений радикального ислама. Такая позиция сохраняется даже после нападения действующих с территории Ливии боевиков на алжирские газодобывающие мощности в Ин-Аменасе (январь 2013 г.).

Таким образом, устойчивого антитеррористического фронта в регионе силами местных участников создать не удалось. Проявить инициативу в этом вопросе Францию вынудили обстоятельства – провал внутрималийского диалога между Югом и Севером страны, неспособность быстрого развертывания межафриканских сил разъединения противоборствующих сторон, фактическая утрата боеспособности и управляемости малочисленной малийской армии.

В ноябре 2012 г., всего через год после завершения французской кампании в Ливии – провальной по своим последствиям, как показало дальнейшее развитие событий, включая миграционный кризис в ЕС, – бывший министр иностранных дел Франции и авторитетный международный эксперт Ю. Ведрин не исключил возможности повторения подобного сценария и вмешательства Франции [Védrine..., p. 20]. Совпадение это или нет, но такая оценка ситуации, не имеющая, казалось бы, прямой связи с предстоявшей операцией Франции в Мали, стала публичной всего лишь за два месяца до ее начала.

Франция непосредственно вмешалась в конфликт в Мали еще и потому, что лучше других представляла себе цену невмешательства. Французы давно, хотя и с переменным успехом, пытались обратить внимание международных организаций – как глобальных (ООН), так и региональных (ЕС, АС, ЭКОВАС)¹ – на критическую важность, в том числе и для Европы, поддержания стабильности и безопасности в странах Магриба, особенно в государствах исследуемого региона. Франция призывала ЕС бороться с терроризмом, проблемой беженцев, гуманитарными катастрофами и т.д. на *подступах* к ЕС, отодвигая тем самым границу противостояния вглубь африканского континента. Такой подход в определенной мере коррелирует с российской политикой по борьбе с международным терроризмом вдали от границ России: «бороться и уничтожать боевиков и террористов на уже захваченных ими территориях, не ждать, когда они придут в наш дом» [Совещание с членами Правительства...]. Позднее президент России распорядился «установить с французами прямой контакт и работать с ними, как с союзниками» [Совещание о действиях...].

1 Европейский союз, Африканский союз, Экономическое сообщество западноафриканских государств.

Опыт тянувшихся годами конфликтов свидетельствует, что сами африканцы до сих пор не продемонстрировали способности осуществлять эффективное военное урегулирование. У них нет достаточного количества хорошо оснащенных и боеспособных частей. Что касается ЕС, по меньшей мере спорные результаты его операции в Чаде–ЦАР в 2008–2009 гг. наглядно показали региональным игрокам и самому Евросоюзу ограниченные возможности и пределы амбиций, когда одним из главных критериев успешности подобных миссий, с точки зрения европейцев, является отсутствие людских потерь [Сидоров..., с. 107].

ЕС при этом до сих пор сохраняет недоверие к военному вмешательству Франции в Африке, подозревая ее в использовании его политического капитала в собственных интересах, чего французы, впрочем, и не скрывали [Raygoux..., p. 2]. Здесь следует учитывать тот факт, что именно Франция предоставила миссии ЕС в Чаде–ЦАР более половины контингента, свою экспертизу и логистику.

Закономерно, что опубликованная в апреле 2013 г. Белая книга Министерства обороны Франции подтвердила стратегический приоритет Африки и, в частности, Сахеля, принимая во внимание «общую историю, присутствие выходцев из Франции» [Livre blanc..., p. 54]. В самом деле, к моменту выхода Белой книги завершалась активная фаза боевых действий в Мали; предстояла операция в ЦАР и общая активизация военно-политической деятельности Франции в данном регионе.

Военные усилия Франции в сахаро-сахельском регионе

Традиции вооруженного вмешательства Франции на африканском континенте имеют давнюю историю. Франция, в отличие от ЕС, НАТО, региональных участников, знает технологию вмешательства, умеет «войти первой» на театр военных действий (хотя, несмотря на решимость осуществлять подобные акции, не может в одиночку обеспечить комплексное и долговременное воздействие на ситуацию).

С чисто военно-технической точки зрения у Франции в регионе нет и, в обозримой перспективе, не предвидится реальных конкурентов. Следует отметить ее высокие военные стандарты и процедуры применения силы (на последнем этапе военного вмешательства в Ливии Франция продемонстрировала уровень управления разнородными силами, сопоставимый с американским), наличие предварительно размещенных на зарубежных базах боеспособных контингентов; знание обстановки и ее постоянный мониторинг в зоне кризиса; возможности проецирования силы (военно-транспортная авиация, морские десантно-перевозочные средства, соответствующая гражданская и военная инфраструктура).

Сочетание всех перечисленных факторов позволило Франции начать операцию в Мали менее чем через 24 часа после принятия решения о вмешательстве президентом Ф. Олландом. Скорость развертывания, быстрота реакции здесь выступали главным критерием. С учетом важности этого фактора для успеха любой военной операции становится понятным, почему для Франции были неприемлемы (по край-

ней мере, на начальном, самом ответственном этапе) разного рода коалиционные действия.

В самом деле, при своих очевидных плюсах коалиционный подход, как показала практика, не всегда оправдан. Так, в Афганистане в деятельности западных союзных сил зачастую наблюдалось отсутствие согласования между американскими и французскими военными [Entretien...]. Британские эксперты на примере войны в Ираке отмечали проблемы управления/подчинения контингентов из разных стран и ограничения на участие в наступательных операциях, которые определялись национальными мандатами стран-участниц [Graham..., p. 103]. Французский политолог из Института высших исследований национальной обороны (*l'Institut des hautes études de défense nationale, IHEDN*) Николь Гнезотто говорит, в свою очередь, о «линии раздела» европейских участников относительно применения силы в ходе конфликта в Ливии – нежелании некоторых партнеров Франции, в частности Германии, использовать силу для защиты населения Бенгази (2011 г.) [Gnesotto..., p. 19].

Ливийский кризис вновь выявил среди союзников области неравных военно-технических возможностей и, главное, – обнаружил различия политической воли. В ходе голосования по Резолюции № 1973 в Совете безопасности ООН произошел раскол в ЕС по вопросу применения военной силы, который предопределил «невозможность использования каких-либо систем или структур ОПБО в ливийском кризисе» [Журкин..., с. 199].

В ходе ливийского кризиса в очередной раз была продемонстрирована ограниченность глобального подхода ЕС, когда произвольно ослабляется силовой элемент, а предпочтение отдается «мягкой силе». Это особенно очевидно в случае решительного и жестокого противника – вооруженных террористических группировок различного толка, которые воспринимают подобный подход и отсутствие силовой поддержки как проявление слабости. Метастазы ливийской «победы» проявились спустя полтора года, дестабилизировав обстановку во всем регионе, что опосредованно привело к острому кризису в Мали, который разворачивался на глазах ЕС и региональных африканских структур безопасности.

Упомянутым событиям предшествовала глубокая эволюция французских властных структур, принимающих решения по Африке. Значительное усиление роли министерства обороны Франции предопределило выбор в пользу военного вмешательства [Leboeuf, Quénot-Suarez..., p. 18]. Одновременно была сделана ставка на широкую «африканизацию» конфликтов: участие местных вооруженных сил было важно не только с военной точки зрения, но и в целях разделения политической ответственности. Сыграл свою роль и настрой президента Ф. Олланда, который дал военным карт-бланш и поставил задачу действовать максимально быстро и уничтожать, а не вытеснять противника [Hofnung...;Adam..., с. 20].

Примерно в это же время десятилетний опыт операций в Афганистане и Ираке побудил начальника штаба сухопутных войск США генерала Р. Одьерно сформулировать

свое представление о новом облике современной армии. Среди прочего он выделил: быстрое развертывание модульных подразделений и наращивание сил; преимущественное использование малых подразделений в децентрализованных операциях; привлечение региональных союзников и действий с учетом местной культуры, обычаев и условий [Shurkin..., p. 1]. Все это было реализовано французами в военной операции «Сервал» (*Serval*) в Мали. В результате за всю ее активную фазу (январь–март 2013 г.) французские потери составили 7 чел. убитыми. Вооруженные силы Чада потеряли 30 чел., оказав реальную помощь в боях и зачистках в труднодоступной горной местности.

По оценкам французских военных, операция в Мали стала своего рода реваншем за бойню в долине Узбин (Афганистан, 2008 г.). Там французский контингент понес высокие одномоментные потери – 10 убитых и 21 раненый [Shurkin..., p. 22]. Кровавый опыт Узбина показал необходимость совершенствования программы подготовки французских войск. В частности, была создана мощная современная тренировочная база и введена усиленная специализированная шестимесячная подготовка для самых жестких силовых акций, которую прошли все французские подразделения, принимавших участие в операции в Мали. В итоге подобных потерь больше не повторилось ни здесь, ни в последующих операциях.

Но какой бы убедительной с военной точки зрения ни выглядела победа в Мали, решить проблему исламского терроризма одним ударом невозможно. По мере общей стабилизации обстановки в Мали Франция приняла решение реформативировать свое военное присутствие.

Быстрое завершение «горячей» фазы операции позволило, при активном участии Франции, развернуть уже с февраля 2013 г. масштабную и в целом весьма успешную «тренировочную миссию» Евросоюза (*European Union Training Mission Mali – EUTM Mali*). В ее рамках было подготовлено 6 полноценных тактических боевых групп малийской армии численностью около 1,5 тыс. чел. каждая. В дальнейшем была развернута консультативная миссия *EUCAP Sahel Mali* для подготовки в стране кадров национальной полиции, жандармерии, национальной гвардии [Gros-Verheyde].

Начатая в январе 2013 г. французами операция «Сервал» была официально признана законченной в июле 2014 г. и плавно перешла в операцию «Бархан» (*Barkhane*) со штаб-квартирой в г. Нджамена (Чад) – на этот раз без указания сроков ее окончания. Заявленная цель – быть готовыми осуществлять в случае кризиса быстрые и эффективные действия с привлечением африканских сил группы *G5 Sahel* с участием пяти стран – Мавритании, Мали, Буркина Фасо, Нигера, Чада [Hollande]. Речь, таким образом, шла уже о более амбициозном региональном ответе на действия террористических групп, включая «Боко харам» и АКМИ, – создании совместного (заметим, не с участием ЕС!) силового потенциала для того, чтобы парализовать работу ливийского террористического хаба, отодвинуть террористические угрозы для Франции и ЕС вглубь континента. К сожалению, как показали миграционный кризис и последовавшие теракты во Франции и Бельгии, это в полной мере реализовать не удалось [Зверева..., с. 235–236].

С марта 2013 г. начал разрастаться кризис в ЦАР. Масштабы межконфессиональных столкновений вынудили Францию при поддержке ООН ввести туда войска – эта операция получила название «Сангарис» (*Sangaris*, декабрь 2013 г.). Подключить к практическому участию в разрешении конфликта ЕС, в отличие от африканских союзников, удалось не сразу. Лишь через два месяца (в феврале 2014 г.) Евросоюз принял решение о развертывании военной операции в ЦАР (*European Union Force, EUFOR RCA*), которая только к июню 2014 г. достигла оперативной готовности. При этом из 700 чел. (а не тысячи, как вначале планировалось) примерно половину составляли военнослужащие уже размещенных в ЦАР французских частей, а почти треть – восточноевропейцы.

Участие контингента *EUFOR RCA* сводилось в основном к охране аэропорта в столице ЦАР (г. Банги) и расположенных рядом лагерей беженцев, а также к патрулированию столицы. Ни о каком выдвигании в более отдаленные районы ЦАР речи не шло. Этим занимались только французские военнослужащие. Операция ЕС завершилась в марте 2015 г. Логично было ожидать, что в обстановке относительной безопасности ЕС развернет, по примеру Мали, тренировочную миссию. Однако было принято решение о запуске менее рискованной, *гражданской* по своему характеру (несмотря на грозное название – *EU's military advisory mission, EUMAM RCA*) миссии в составе 60 чел. для подготовки реформы в секторе безопасности ЦАР.

Промежуточные итоги

Промежуточные итоги масштабной и весьма дорогостоящей для Франции – шестой экономики мира – военно-политической активности в регионе неоднозначны. С финансовой точки зрения, лишь операция «Сервал» в 2013 г. обошлась французскому бюджету в 647 млн евро, тогда как весь годовой бюджет страны на внешние операции составлял 630 млн евро [Marchal; Guillermand].

Если говорить о результатах, то два года спустя после начала операции «Сангарис» в ЦАР, например, безопасным местом в стране остается по-прежнему лишь столица Банги. На западе ЦАР удалось создать и удерживать транспортный коридор между столицей и соседним Камеруном, что способствовало оживлению экономической активности. Французские подразделения, участвующие в операции «Сангарис», предпринимают усилия по стабилизации ситуации на востоке ЦАР, периодически привлекая для этого боевые вертолеты и истребители из соседнего Чада, с аэродрома в г. Нджамене.

По мнению французского военного эксперта генерала В. Депорта (*V. Desportes*), в ЦАР ситуация вышла из-под контроля потому, что Франция не смогла из-за нехватки средств направить туда необходимые силы в необходимое время (*“effectif suffisant dans un temps suffisant”*) [Цит. по: Frère]. Подчеркнем, что у себя на родине отставной генерал Депорт считается авторитетным специалистом, но своего рода военным «диссидентом». Однако и нынешние командующие операцией «Сангарис» полагают, что ее участники *«умеют»* делать все, что надо, но *не в состоянии* делать все, что надо» (курсив мой – А.С.) (*“Sangaris sait tout faire mais ne peut tout faire”*) [Цит. по: Esnault]. В мае 2016 г. президент Ф. Олланд объявил об успешном, с его точки зрения, окончании этой

операции, но французы оставили 250 военнослужащих для охраны столичного аэропорта. Так что говорить о завершении французской армией одной из важнейших своих операций (шестой по счету с 1979 г.), видимо, рано [Bensimon].

Положение в Мали внешне выглядит более благоприятным: формально восстановлена территориальная целостность страны, идет укрепление структур государства, налажен выборный процесс, созданы условия для развития и оказания широкой международной помощи. Подводя итоги спустя год после начала операции «Сервал», президент Ф. Олланд заявлял, что джихадисты были отогнаны и побеждены. Ключевое слово в этом утверждении, по нашему мнению, – отогнаны.

Боевики действительно понесли на севере Мали тяжелые потери. Были убиты, по разным источникам, 600–700 террористов. Однако незащищенность границ в регионе позволила сотням боевиков уйти и перегруппироваться. В частности, они переместились на юг Алжира, юго-запад Ливии, в пограничные с Мавританией и Нигером районы. Таким образом, до реальной нормализации положения еще далеко.

Идет активная минная война. Несмотря на регулярную деятельность специальных отрядов разминирования во главе с французскими инструкторами и бесценный в этом отношении опыт Афганистана, на подконтрольной французским военным территории (район г. Гао) периодически случаются подрывы.

После захвата и расстрела заложников в ноябре 2015 г. в охраняемом квартале центра столицы Мали, г. Бамако, Франция направила специальную антитеррористическую группу для нейтрализации боевиков.

Критически переосмыслив ливийский опыт и введя в бой с самого начала *наземный* эшелон, Франция в ходе операции «Сервал», а затем операции «Бархан» продемонстрировала возможности ведения боевых действий одновременно в двух зонах, расположенных друг от друга в 500 км. В случае операции «Бархан» речь идет уже о тысяче километров.

Франция применяла современные методы ведения борьбы с террористами: устройство временных передовых военных баз; активное применение аэромобильных подразделений, сил специальных операций; использование связки авиации и беспилотных летательных аппаратов для мгновенной реализации разведданных. Военнослужащие «Бархана» добиваются таким образом нужного *тактического* результата, максимально используя технику, человеческий потенциал, действуя на пределе логистических возможностей.

В регионе была опробована недавно созданная на модульной основе интегрированная структура сил быстрого реагирования «Гепард» (*Guépard*). Это высокомобильная, специально подготовленная часть французских подразделений, которые находятся в состоянии постоянной готовности к срочной переброске на расстояние до 3–5 тыс. км. «Проекция силы» осуществляется средствами военно-транспортной авиации, мор-

скими десантными судами и «своим ходом» из заранее выделенных мест базирования.

Отдельно стоит вопрос о состоянии и ресурсе боевой техники, задействованной в операциях. Ее усиленный износ отмечал на слушаниях в Парламентской комиссии по обороне начальник штаба сухопутных войск Франции генерал Ж.-П. Боссе (*J.- P. Bosser*). Так, если во Франции БМП в среднем за год проезжает 1 тыс. км, то в операции «Бархан» – 50 тыс. км [Audition..., р. 3]. Речь в данном случае шла о колесной технике прошлого поколения, которая и вынесла на себе основную тяжесть боевых действий в Мали. Сейчас в регион поступает новое поколение техники – более тяжелой, лучше защищенной, более дорогой, но, скорее всего, менее ремонтпригодной в полевых условиях. Схожие проблемы касаются и армейской авиации (особенно вертолетов).

Франция вместе с союзниками по *G5 Sahel* (Мавританией, Мали, Буркина Фасо, Нигером и Чадом) в целом пока удерживает под контролем военно-политическую ситуацию в регионе, но переломить ее в свою пользу до сих пор не в состоянии. Все чаще со стороны ближайших африканских союзников Франции звучат просьбы закрыть ливийский «ящик Пандоры», пусть даже с помощью НАТО. Сами французские военные также понимают, что без наведения порядка на юге Ливии все их нынешние усилия будут приносить лишь временные, тактические успехи, являясь, по сути, паллиативом. Но совершенно неочевидно, что Франция в этот раз сможет найти надежных и мощных союзников на ливийском поле боя.

Литература:

- Атлас *Le Monde diplomatique*. М.: Центр исслед. постиндустр. общества, 2010.
- Балмасов С.С.* Почему Запад преследует алжирских генералов. Институт Ближнего Востока. – Mode of access: iimes.ru/?p=15293 (date of access: 12.11.2016).
- Журкин В.В.* Военная политика Евросоюза. М. 2014.
- Зверева Т.В.* Франция и урегулирование миграционного кризиса в ЕС // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М. 2016.
- Корендясов Е.Н.* Битва за уран в Сахаре и Сахеле // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 4 (107). С. 61–70. – Mode of access: pircenter.org/media/content/files/12/13880470160.pdf (date of access: 12.11.2016).
- Лисенков К.А., Полякова Т.В., Сидоров А.С.* Оценка соотношения сил участников регионального конфликта (на примере ситуации в Чаде) // Региональные и локальные конфликты: генезис, урегулирование, прогнозирование. Под ред. А.В. Торкунова. М. 1988.
- Рубинский Ю.И.* Франция. Время Саркози. М. 2011.
- Сатановский Е.Я.* Алжиру не до жиру. Вопрос смены власти в этой стране важен и для России // Военно-промышленный курьер. 2015, 11 ноября. № 43 (609). – Mode of access: vpk-news.ru/articles/27936 (date of access: 12.11.2016).
- Сидоров А.С.* Евросоюз на пути к совместной оборонной политике // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12.
- Совещание с членами Правительства. 2015, 30 сентября. – Mode of access: kremlin.ru/events/president/news/50401 (date of access: 12.11.2016).

- Совещание о действиях Вооруженных Сил России в Сирии 17 ноября 2015 года, Москва. – Mode of access: special.kremlin.ru/events/president/news/50714 (date of access: 12.11.2016).
- Соколова П.С., Уткин С.В.* Операции Европейского Союза в конфликтных регионах / Европейский Союз и региональные конфликты. Отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М. 2011.
- Adam B.* Mali: de l'intervention militaire française à la reconstruction de l'État. Bruxelles: Groupe de recherche et de l'information sur la paix et la sécurité (GRIP), 2013. Rapp. N 3. 33 p. – Mode of access: grip.org/sites/grip.org/files/RAPPORTS/2013/Rapport_2013-3.pdf (date of access: 12.11.2016).
- Audition du général Jean-Pierre Bosser, chef d'état-major de l'armée de terre, sur le projet de loi de finances pour 2016. Assemblée nationale. XIe législature. Compte rendu n° 7. Mardi 13 octobre 2015. P.: Commission de la défense nationale et des forces armées, 2015. 17 p. – Mode of access: assemblee-nationale.fr/14/pdf/cr-cdef/15-16/c1516007.pdf (date of access: 12.11.2016).
- Bensimon C.* A Bangui, François Hollande annonce la fin de l'opération Sangaris // Le Monde. 2016, mai le 14. – Mode of access: lemonde.fr/afrique/article/2016/05/14/a-bangui-francois-hollande-annonce-la-fin-de-l-operation-sangaris_4919538_3212.html (date of access: 12.11.2016).
- Entretien avec Olivier Schmitt. À propos des opérations en coalition: l'union fait-elle la force? 2015, avril le 7. – Mode of access: mars-attaque.blogspot.ru/2015/04/entretien-olivier-schmitt-coalitions-multilateralisme.html (date of access: 12.11.2016).
- Esnault P.* L'armée de terre française 1978–2015, bilan de 37 années d'opérations ininterrompues. Sous la dir. de J.-J. Toutous // Cahiers du RETEX. 2015. Mai. P. 42.
- Frère X.* La France a-t-elle les moyens de ses guerres? // RP Défense. 2015, novembre le 11. – Mode of access: ledauphine.com/defense/2015/11/10/la-france-a-t-elle-les-moyens-de-ses-guerres (date of access: 12.11.2016).
- Gnesotto N.* Les réfugiés sont la manifestation intérieure des crises extérieures non résolues // Confrontations Europe, 2015. N 111, octobre-décembre. P. 18–19.
- Graham A.* Iraq 2004: the view from Baghdad. In: British Generals in Blair's Wars / J. Bailey, R. Iron, H. Strachan (ed.). L. 2013.
- Gros-Verheyde N.* L'Europe va former policiers et gendarmes maliens. Bruxelles2. 2014, avril le 15. – Mode of access: bruxelles2.eu/2014/04/15/leurope-va-former-policiers-et-gendarmes-maliens/ (date of access: 12.11.2016).
- Guillermard V.* Mali: la France a déjà dépensé 70 millions d'euros // Le Figaro. 2013, février le 7. – Mode of access: lefigaro.fr/conjoncture/2013/02/07/20002-20130207ARTFIG00507-mali-la-france-a-deja-depense-70-millions-d-euros.php (date of access: 12.11.2016).
- Hofnung Th.* Interview avec Jean-Christophe Notin. Mali: Le succès de l'intervention fausse l'idée de l'état de nos forces // Libération. 2014, août le 28. – Mode of access: liberation.fr/politiques/2014/08/28/mali-le-succes-de-l-intervention-fausse-l-idee-de-l-etat-de-nos-forces_1088962 (date of access: 12.11.2016).
- Hollande au Tchad pour installer l'opération Barkhane // L'Obs avec AFP. 2014, juillet le 19. – Mode of access: tempsreel.nouvelobs.com/monde/20140719.OBS4195/hollande-au-tchad-pour-preparer-l-operation-barkhane.html (date of access: 12.11.2016).
- Leboeuf A., Quénot-Suarez H.* La politique africaine de la France sous François Hollande. Renouveau et impensé stratégique. Programme Afrique subsaharienne. P.: IFRI, 2014. – Mode of access: ifri.org/sites/default/files/atoms/files/quenot_suarez_leboeuf_politique_africaine_de_la_france.pdf (date of access: 12.11.2016).
- Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale. P.: Direction de l'information légale et administra-

- tive, 2013. – Mode of access: livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/ (date of access: 12.11.2016).
- Marchal R.* French Military Adventures in Africa // *Diplomatist*. 2014, october 28. – Mode of access: diplomatist.com/dipom10y2014/article015.html
- Rayroux A.* L'Union européenne en quête de crédibilité dans le maintien de la paix en Afrique: leçons de la mission EUFOR Tchad/RCA // *Bulletin du maintien de la paix*. 2011, juin. N 101. P. 1–4. – Mode of access: ieim.uqam.ca/IMG/pdf/No101internet.pdf (date of access: 12.11.2016).
- Réflexions sur la crise libyenne / P. Razoux (ed.)*. P.: Institut de recherche stratégique de l'École militaire (IRSEM), 2013.
- Sahel: Pour une approche globale.* – Mode of access: senat.fr/rap/r12-720/r12-7208.html (date of access: 12.11.2016).
- Shurkin M.* France's War in Mali. Lessons for an Expeditionary Army. Prepared for the United States Army. RAND Corporation. Santa Monica (Calif.), 2014. – Mode of access: rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR700/RR770/RAND_RR770.pdf (date of access: 12.11.2016).
- Védrine U.* Rapport pour le Président de la République Française sur les conséquences du retour de la France dans le commandement intégré de l'OTAN, sur l'avenir de la relation transatlantique et les perspectives de l'Europe de la défense, 2012, novembre le 14. 26 p. – Mode of access: diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Rapport_H_VEDRINE__V7_-_definitive__cle05be84.pdf (date of access: 12.11.2016).
- World Population Prospects 2015.* – Mode of access: esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/ (date of access: 12.11.2016).

УДК 338; 67

Владимир КОНДРАТЬЕВ**Возвращение производства,
или новая индустриализация**

Кондратьев Владимир Борисович – руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

Аннотация. В последние десятилетия одним из главных трендов экономики стран Запада был вывод промышленного производства за рубеж. На смену развитию национальной обрабатывающей индустрии пришли «глобальные цепочки стоимости» и погоня за глобальным ростом. Производство переносилось в страны с низкими трудовыми затратами, высоким ростом населения и благоприятным инвестиционным климатом – главными бенефициарами этого процесса стали государства Восточной Азии. Однако прогрессирующая деиндустриализация и перспектива потери промышленной конкурентоспособности стали вызывать в западных обществах растущее недовольство и беспокойство. На повестку дня встала тема реиндустриализации – восстановления утраченной промышленной базы на новой технологической основе.

Ключевые слова: реиндустриализация, решоринг, промышленность, экономический рост.

Все последние десятилетия в дискуссиях о трендах экономики развитых стран Запада доминировала тема вывода промышленного производства за рубеж – офшоринга и аутсорсинга производственной деятельности. На смену развитию национальной обрабатывающей индустрии пришли так называемые глобальные цепочки стоимости и погоня за глобальным ростом. Производство переносилось в страны с низкими трудовыми затратами, высоким ростом населения и наиболее благоприятным инвестиционным климатом – главными бенефициарами этого процесса стали государства Восточной Азии.

Масштабы этого процесса показывает падение доли обрабатывающей промышленности в экономике США и стран Западной Европы (табл. 1).

В таких странах, как Великобритания, Франция и США, доля обрабатывающей промышленности за 1960 – 2012 гг. снизилась более чем в два раза. При этом в развивающихся странах этот показатель за тот же период значительно вырос и достиг к 2012 г.: в Малайзии – 24,2%, Индонезии – 24,7%, Южной Корее – 27,9%, Таиланде – 29,6%,

Сведения об авторе: Кондратьев Владимир Борисович – руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

Китае – 31,8%. (В России удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП снизился с 15,0% в 2000 г. до 12,9% в 2012 г., но процесс деиндустриализации имел здесь существенно иные контекст и причины, нежели на Западе).

Таблица 1

Удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП, %.

	1960	1980	1990	1995	2000	2009	2011	2012	Среднегодовые темпы снижения за 1990–2012 гг., %
Германия	29,8	26,2	24,8	19,9	20,0	17,4	20,3	20,0	1,0
Великобритания	26,2	19,9	17,3	17,1	13,8	9,3	9,1	8,9	3,0
Франция	22,2	18,4	15,8	14,4	13,6	9,6	9,2	8,9	2,6
Италия	23,8	26,2	20,5	19,4	18,0	14,3	14,8	14,0	1,7
Австрия	26,7	20,7	19,1	17,5	18,1	16,2	16,7	16,4	0,7
Португалия	20,3	21,5	19,7	16,0	15,0	11,1	12,0	12,2	2,2
США	25,2	20,0	16,3	15,8	14,3	11,1	11,6	Н.св.	1,6

Рассчитано по данным National Accounts Statistics за соответствующие годы

Если в 1950-е годы 40% мирового производства товаров приходилось на американскую экономику, то в XXI в., в результате перехода на аутсорсинг, США столкнулись с драматической потерей рынков в таких отраслях и сегментах, как, например, производство цветных телевизоров, стали, автомобилей и компьютерных чипов. Прогрессирующая деиндустриализация и перспектива потери промышленной конкурентоспособности стали вызывать растущее недовольство и беспокойство. В США развернулась дискуссия о целесообразности использования модели промышленной политики Японии, которая не последовала общему тренду конца XX в. [Made in...].

На повестку дня встала тема реиндустриализации – восстановления утраченной промышленной базы на новой технологической основе. Важность реиндустриализации, по мнению американских экспертов, обусловлена тем, что именно обрабатывающая промышленность предоставляет высокооплачиваемые рабочие места, в наибольшей степени генерирует коммерческие инновации, позволяет сократить бюджетный дефицит и платежный баланс, а также обеспечивает экологическую устойчивость экономического развития.

Курс на реиндустриализацию получил ускорение в западных странах после кризиса 2008–2009 гг. Многие государства стали искать дополнительные источники экономического роста и создания рабочих мест. Возросший интерес к политике реиндустриализации совпал с усилением конкуренции со стороны развивающихся стран. Одним из ярких проявлений этих тенденций стал так называемый решоринг – возврат выведенных за рубеж производств на национальную территорию.

В последние годы стали появляться сообщения о том, что компании обрабатывающей промышленности стран ОЭСР все чаще переносят свое производство обратно «домой», на свою территорию. Примеры ряда транснациональных корпораций, таких

как «Apple», «General Electric», NCR, «Ford Company» и др., стали тому наглядным подтверждением.

Решоринг привлек к себе повышенное внимание экономической прессы, академических кругов и политической элиты. По поводу степени значимости и реальности этого явления существуют разногласия. Скептики указывают на пока что малое число компаний, переводящих производство и рабочие места на родину. Другие эксперты видят в решоринге фундаментальный тренд начала XXI в. (Хэл Сиркин, Гарри Мозер, Гэри Пизано, Марк Муро [Sirkin; Moser; Pisano]¹).

Можно выделить несколько факторов дальнейшего ускорения процесса реиндустриализации, которые будут действовать в среднесрочной перспективе.

Во-первых, столкнувшись с рецессией и перспективой продолжительной стагнации, западные страны осознали необходимость стимулирования экономического роста посредством не только активизации спроса, но и совершенствования предложения, что подразумевает инвестиции в инфраструктуру, поддержку технологий, компаний и целых секторов экономики. Поддержка селективных отраслей – это попытка сохранить рабочие места и помочь национальным компаниям в борьбе с иностранными конкурентами.

Во-вторых, кризис поставил вопрос о пределах эффективности рыночных механизмов, особенно финансовых потоков, об их способности трансформироваться в инвестиции в «нужных» секторах и вернуть экономику на путь долгосрочного роста. Такие государства, как США и Великобритания, стали стремиться сбалансировать экономику, уйти от гипертрофированного сектора финансовых услуг и недвижимости.

В-третьих, во многих странах в результате кризиса обнаружилось острые структурные дисбалансы в экономике, требующие срочной корректировки. Это заставило принимать стратегии, направленные на совершенствование балансов между внутренним и внешним спросом и между отдельными секторами экономики. Обычно такие меры направлены на снижение зависимости от финансового сектора и делают более отчетливый акцент на передовых отраслях обрабатывающей промышленности и сфере новых технологий.

Основным аргументом в пользу решоринга выступает утверждение, что эта тенденция создаст добавленную стоимость и рабочие места в странах ОЭСР, а также поможет повысить их конкурентоспособность в глобальной обрабатывающей промышленности.

Особенно интенсивно решоринг обсуждается в США, где ожидают с его помощью ренессанса обрабатывающей промышленности. В своем первом исследовании этой темы компания «Boston Consulting Group» сообщила, например, что более половины

---

1 См. больше литературы здесь: Reshoring initiative. URL: reshorenow.org/main-reshoring-library/ (date of access 20.12.2016).

из обследованных ею американских компаний с объемом продаж свыше 1 млрд долл. перемещают рабочие места обратно в страну или планируют сделать это в течение ближайших двух лет. Так, компания NCR уже перенесла производство своих банкоматов на завод в г. Колумбус, штат Джорджия, с численностью занятых 840 чел. Компания «Coleman Company» перенесла производство передвижных пластиковых холодильников из Китая в г. Уичита, штат Канзас, вследствие растущих производственных издержек в Китае и высоких затрат на транспортировку. «Ford Motor Company» переносит 2 тыс. рабочих мест обратно в США на волне благоприятного соглашения с Объединенным профсоюзом автомобильной индустрии об уровне заработной платы новых рабочих. «Sleek Audio» перенесла производство элитных наушников из Китая на свою фабрику в Manatee County, штат Флорида. По расчетам Boston Consulting Group (BCG), рещоринг продукции вместе с растущим экспортом позволит создать в США до 2020 г. от 2,5 до 5 млн новых рабочих мест [Made in...].

В Европе дискуссии о политике рещоринга несколько менее активны. Одна из причин заключается в том, что европейская обрабатывающая промышленность была в меньшей степени задета процессом аутсорсинга, особенно китайского. Тем не менее в последние годы и здесь тема рещоринга появилась в политической повестке дня. В Великобритании, например, рещоринг считают процессом, способным сбалансировать структуру британской экономики. Германия, этот локомотив европейской обрабатывающей промышленности, рассматривает рещоринг в качестве важного фактора перспективного развития, включая так называемую Индустрию 4.0 (четвертая промышленная революция: интернет вещей, облачные вычисления, большие данные, 3D- моделирование). Дискуссии о рещоринге в Италии концентрируются в основном на программе брендинга «100% сделано в Италии» – с целью стимулирования итальянских компаний к переносу производства обратно в страну. Во Франции министерство промышленности (которое в 2012–2013 гг. даже именовалось министерством производственного возрождения) также приняло решения о стимулировании процесса рещоринга, одновременно с принятием ряда мер, направленных на ограничение аутсорсинга и офшоринга.

В последнее время тема рещоринга вышла за рамки обрабатывающей промышленности и охватила сферу услуг. Например, ряд компаний перенес свои колл-центры из-за проблем со знанием языка на локальных рынках. В отличие от обрабатывающей промышленности, мощности которой переводятся в основном из Китая, услуги возвращаются в развитые страны преимущественно из Индии и, в меньшей степени, из Филиппин.

Терминологический аспект

В текущей дискуссии по проблемам рещоринга часто используются синонимичные (бэкшоринг, ниэршоринг, оншоринг). Их значения не всегда совпадают. Например, в одних работах рещоринг определяется как движение обрабатывающей промышленности назад в страну, где находится материнская компания [Elgram]. Другие работы рассматривают рещоринг просто как смену местоположения по отношению к прежней офшорной стране [Fratocchi, 2014].

Бэкшоринг определяется как процесс реконцентрации и переноса части производственных мощностей, ранее расположенных за границей или у иностранного поставщика, на отечественную производственную площадку компании [Kinke]. Иными словами, это «географическая релокация создающих стоимость функциональных операций из-за рубежа обратно в национальные границы» [Holz].

Под низршорингом (nearshoring) понимается решение перенести офшорные операции в рядом расположенную страну. Так, в литературе широко обсуждается растущая привлекательность Мексики, куда американские автомобильные компании часто переводят свои операции из стран Азии и Европы [Reshoring Mexico...].

Концепции решоринга, бэкшоринга и низршоринга иллюстрируют процесс реверса аутсорсинга. Аутсорсинг был связан с переходом от интегрированного производственного процесса в одном месте к формированию рассредоточенных производственных сетей в рамках глобальных стоимостных цепочек, что привело к переводу обрабатывающих мощностей в развивающиеся страны. Офшоринг и аутсорсинг трансформировали в свое время национальное базирование секторов обрабатывающей промышленности на десятилетия вперед. Если под аутсорсингом подразумевается закупка промежуточных товаров и услуг у сторонних, в основном национальных специализированных поставщиков, то к офшорингу относятся закупки компанией промежуточных товаров и услуг у иностранных поставщиков. Офшоринг включает в себя как международный аутсорсинг (когда поставки и производство передаются на сторону независимому иностранному поставщику), так и международный инсорсинг (передачу отдельных работ иностранному филиалу в рамках одной компании).

Таким образом, решоринг может быть определен как обратное (реверсное) по отношению к офшорингу инвестиционное решение, приводящее к переводу производственной деятельности в страну базирования (бэкшоринг) или соседнюю страну (низршоринг). Решоринг (как и офшоринг) связан с решением о местонахождении производства и не зависит от формы и структуры собственности (деятельность может осуществляться как в рамках самой фирмы, так и передаваться на аутсорсинг независимым поставщикам). Понятно, почему с решорингом связаны дискуссии о деглобализации и деинтернационализации производства.

Факторы решоринга

Принятие компаниями решений о месте расположения производства зависит от таких факторов, как размеры и темпы роста локальных и региональных рынков, издержки производства, наличие ресурсов, человеческого капитала, поставщиков и научной инфраструктуры. Значимость этих факторов изменяется по отраслям и видам деятельности в рамках цепочек стоимости (производство, распределение, НИОКР и т. п.)

Тот факт, что значение решоринга постоянно растет, косвенно означает, что развитые страны становятся более привлекательными для некоторых видов производств после десятилетий потери производственных мощностей в пользу развивающихся стран.

Изменение структуры издержек в развивающихся странах. В 1990–2000-х годах компании интенсивно осуществляли перенос производства в развивающиеся страны с низкими издержками. Со временем издержки в этих странах существенно выросли. Например, в Китае среднечасовые ставки заработной платы за последние 15 лет росли на 15–20% в год, что существенно подорвало конкурентоспособность страны в трудоемких отраслях. Если в 2000 г. часовые ставки заработной платы в развивающихся странах составляли 2% от уровня США, то к 2015 г. они достигли 9%. Кроме того, в ряде развивающихся стран стремительно выросли строительные и энергетические издержки [De Backer...].

С другой стороны, новые технологии приводят к существенному снижению трудовых издержек в общей структуре издержек производства. Так, в производстве транспортного оборудования в США на долю трудовых издержек в 1991 г. приходился 31%, а в 2011 г. – уже 21% [The Rebirth...].

Цифровая революция в обрабатывающей промышленности стран ОЭСР. Возникшие цифровые технологии постепенно трансформируют процесс производства. Растущая автоматизация производственного процесса с широким использованием роботов может подорвать преимущества развивающихся стран, поскольку доля трудовых издержек в совокупных издержках производства будет уменьшаться. Таким образом, цифровая революция, как ожидается, создаст благоприятные условия для размещения в развитых странах низкокзатратных и высококачественных производств, одновременно препятствуя дальнейшему офшорингу и стимулируя процесс рещоринга. Некоторые предварительные исследования свидетельствуют об отрицательной корреляции между использованием роботов и офшорингом по отраслям и странам мира [The new...].

Недооценка «полных издержек». Управленческие, логистические и производственные проблемы генерируют существенные «скрытые издержки» (не принятые во внимание при принятии решения об офшоринге), которые в ряде случаев делают офшоринг невыгодным [Poerter; The Shifting...]. Материальные издержки мониторинга, коммуникаций и координации между отдаленными филиалами и штаб-квартирой нередко оказываются выше, чем предполагалось изначально.

В период расцвета офшоринга компании часто копировали политику офшоринга своих конкурентов без основательного анализа всех последствий этого. С учетом протяженности и сложности глобальных цепочек стоимости большая часть оборотного капитала оказывалась связана в страховых и товарных запасах. В результате экономия издержек при офшоринге во многих случаях оказалась меньше, чем ожидалось. Кроме того, некоторые компании столкнулись с проблемой недостаточно высокого качества офшорных продуктов.

Совместное размещение НИОКР, инноваций и производства. Считается, что в ряде отраслей, особенно в машиностроительных, процесс инноваций может затормозиться в случае отделения производства от инновационной активности и НИОКР [Pisano]. Изменениями в инновациях и производстве обычно легче управлять в более коротких

глобальных стоимостных цепочках. Поэтому вместо офшоринга НИОКР и инновационной деятельности, способного приводить к дополнительным рискам, компании возвращают обратно обрабатывающие производства – поближе к своим инновационным центрам.

Проблемы защиты интеллектуальной собственности. При офшоринге инновационной активности (например, в целях адаптации продукции и производственного процесса к потребностям местных рынков) компании часто обнаруживают, что защита соответствующей интеллектуальной собственности в развивающихся странах не всегда находится на том же уровне, что и в метрополии. Местные производители могут стать конкурентами, переняв новые производственные технологии. Менее развитые юридические системы защиты интеллектуальной собственности и, особенно, слабое правоприменение заставляло западные компании пересматривать свои офшорные стратегии и возвращать некоторые производства обратно на родину.

Достижение баланса между снижением издержек и распределением рисков. Чем шире разворачивали компании свои производства на глобальном рынке, тем больше они становились уязвимы перед лицом непредвиденных событий, таких как природные катастрофы и политическая нестабильность. Цепочки поставок оказывались настолько сложными и протяженными, что сбой в одном сегменте быстро приводил к разрушению всей стоимостной цепочки [Interconnected...]. Такие явления, как землетрясение и цунами в Японии и наводнение в Таиланде в 2011 г. или извержение вулкана в Исландии в 2012 г., наглядно продемонстрировали всю хрупкость офшоринговых схем. Для диверсификации рисков, присущих цепочкам поставок, придания им большей гибкости и эластичности компании стали выбирать более короткие глобальные стоимостные цепочки.

Слабый доллар и шельфовая революция в нефтегазодобыче. Процесс решоринга в США связан также с ослаблением доллара и развитием нефтегазодобывающих отраслей. Растущая доступность шельфового газа и трудноизвлекаемой нефти (в сочетании с увеличением энергетических издержек в развивающихся странах) способствовали решорингу производства в энергоемких отраслях – таких как химическая промышленность, производство цемента, удобрений и т.п.

Статистика решоринга

Несмотря на очевидные случаи решоринга, количественные оценки этого процесса трудно поддаются регулярному статистическому анализу. Так же как и в случаях с офшорингом, решения являются частью корпоративной стратегии, детали которой компании стараются не раскрывать. Эксперты часто используют вторичные данные на основе информации из СМИ и других источников.

Так, сведения, публикуемые в ежегодных Обзорах германской обрабатывающей промышленности (с 1997 по 2012 г.), позволили прийти к выводу, что каждый год от 400 до 700 компаний переводят в страну свое производство. Между 2010 и 2012 г. 2%

германских фирм осуществляли бэкшоринговые операции. Большая часть производства «репатрирована» из стран Восточной Европы (50% всех случаев). 80% случаев бэкшоринга следовало с 3–5-летним лагом за предыдущими решениями об офшоринге производственной деятельности. Эти данные позволяют предположить, что бэкшоринг германских компаний можно рассматривать как краткосрочную и среднесрочную коррекцию предыдущих инвестиционных решений [Kinkel].

О ситуации с решорингом в других европейских странах можно узнать из Обзора европейской обрабатывающей промышленности¹. Недавно стали доступны данные за период с 2010 по 2012 г. [Dachs] Статистика по ряду стран (Австрия, Швейцария, Германия, Дания, Испания, Франция, Венгрия, Португалия, Нидерланды, Швеция и Словения) свидетельствует, что 4% обследованных фирм уже перенесли свое производство обратно в страну пребывания.

Анализ данных позволил также выявить важнейшие особенности решоринга:

- решоринг чаще осуществляется крупными компаниями (более 150 занятых), склонность к решорингу растет вместе с размером компании;
- число случаев решоринга минимально в низкотехнологичных секторах обрабатывающей промышленности и максимально – в высокотехнологичных;
- в большинстве (двух третях) случаев решоринг осуществляется из стран Восточной Европы, хотя в последнее время все более активно идет из Китая и Индии (рис. 1);
- мотивы решоринга в значительной степени связаны с проблемами качества товаров, производимых за рубежом, и потерей гибкости (возможности быстро реагировать на изменения спроса и на непредвиденные обстоятельства). Факторы, связанные с инновациями, – такие как утрата ноу-хау и квалификация сотрудников – играют менее важную роль в решоринге европейских компаний; трудовые издержки также не имеют значительного влияния на этот процесс (рис. 2).

Данные о решоринге в Великобритании доступны в ряде источников. Первое исследование, проведенное в 2013 г., показало, что около 15% британских компаний обрабатывающей промышленности уже перевели свое производство обратно в страну, а примерно треть собираются сделать это в ближайшей перспективе [Bailey; Backing Britain]. В исследовании компании «PricewaterhouseCoopers» (2014 г.) отмечается, что решоринг может увеличить ВВП Великобритании на 6–12 млрд фунтов стерлингов и создать от 100 до 200 тыс. новых рабочих мест к середине 2020-х годов [Reshoring – A New...] (табл. 2).

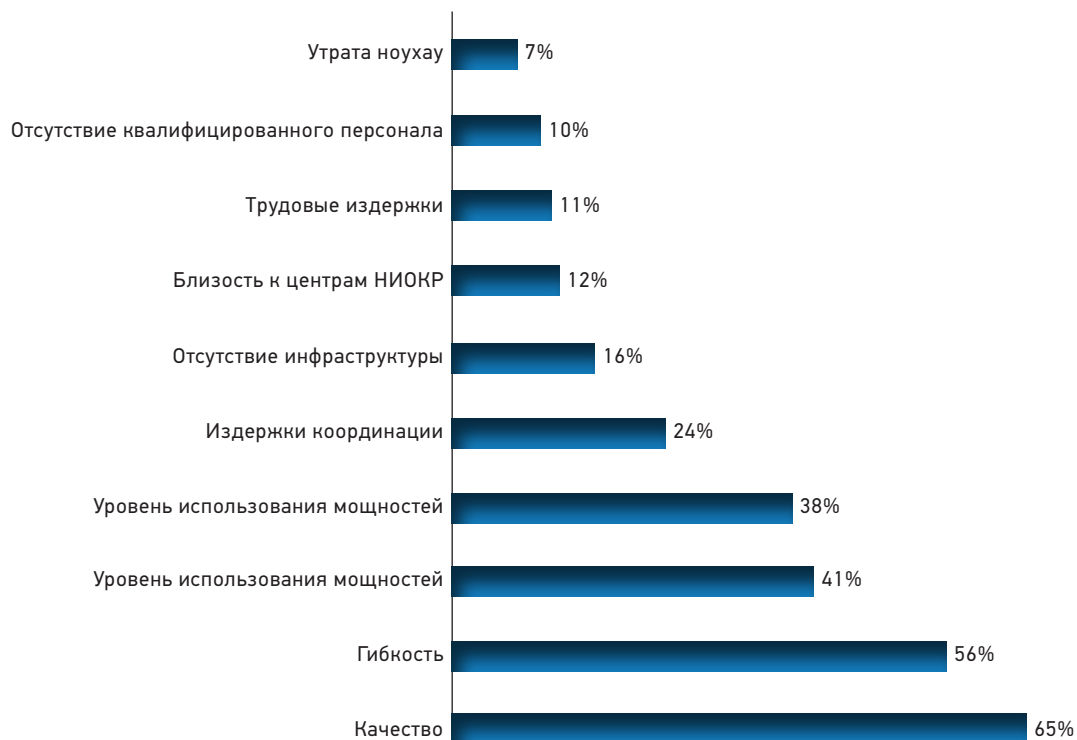
---

¹ В Обзоре европейской обрабатывающей промышленности исследуются технологические и нетехнологические инновации. В отличие от «Community Innovation Survey», он в большей степени сфокусирован на диффузии технологий и организационных инновациях (включая офшоринг и аутсорсинг, а в последнее время – и решоринг). Обзор инициирован консорциумом исследовательских институтов и университетов и проводится каждые три года; в обзоре 2012 г. участвовали 3500 компаний из 13 стран ЕЭС.

Источник: Backing Britain. A Manufacturing base for the future. EEF. The Manufacturer’s Organisation 2013, London, 23p.

Рис. 1. Страны, из которых осуществляется решоринг производства в страны Европы

Источник: Dachs B. and C. Zanker. Backshoring of production Activities in European Manufacturing. European Manufacturing Survey Bulletin, Number 3, December 2014.

Рис. 2. Факторы решоринга производства в 2010–2012гг.

Таблица 2

Оценка влияния решоринга на экономику Великобритании в следующие 10 лет

Сектор	Дополнительный объем производства (в млн фунтов стерлингов в ценах 2012 г.)	Дополнительный прирост рабочих мест (в тыс.)
Обрабатывающая промышленность		
Легкая	1002–2004	31–62
Производство резины и пластмасс	500–1000	9–19
Металлообработка	436–872	9–18
Производство компьютеров, электроники и оптического оборудования	2133–4266	34–68
Машиностроение	1343–2687	21–41
Обрабатывающая промышленность, всего	5414–10828	104–208
Услуги		
Исследования и разработки	176–352	4–8
Услуги бизнесу	109–218	4–9
Телекоммуникации	180–351	1–3
Услуги, всего	465–931	9–20
Всего	5979–11759	113–228

Источник: Reshoring – A New Direction for the UK Economy. PricewaterhouseCoopers –PWC, 2014, London, pp.25-34.

Аналогичное исследование, проведенное в 2011 г. консультационной компанией «The Boston Consulting Group» [Made In...], стимулировало дискуссии о решоринге в США. В этом и последующих исследованиях компании прогнозируется, что к 2020 г. в американской обрабатывающей промышленности и связанных с ней услугах будет создано от 2,5 до 5 млн новых рабочих мест. Основываясь на снижении конкурентоспособности Китая в части издержек, эксперты утверждают, что несколько отраслей США находятся у переломной точки, после которой все больше и больше компаний будут переносить свои производства обратно в страну.

Помимо детального анализа издержек, «The Boston Consulting Group» обследовала 200 американских компаний с объемом продаж свыше 1 млрд долл. Выяснилось, что в 2013 г. 54% из них планировали или рассматривали решоринг некоторых производств (против 37% в 2012 г.). Более того, свыше 20% обследованных компаний (в два раза больше, чем в 2012 г.) подтвердили, что они уже активно осуществляют решоринг или переведут производство на территорию США в ближайшем будущем. Эксперты полагают, что решоринг из стран с низкими трудовыми издержками только начинается и будет способствовать восстановлению американской обрабатывающей промышленности.

По отдельным отраслям американской промышленности решоринг выглядит следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Решоринг по отраслям промышленности США (2010–2015 гг.)

Отрасль	Число рабочих мест	Число компаний
Транспортное машиностроение	13823	33
Электротехническая промышленность	9240	58
Компьютерная и электронная промышленность	3483	25
Общее машиностроение	2850	25
Легкая и текстильная промышленность	2154	46
Металлообработка	1721	39
Пищевая промышленность	1628	10
Деревообработка	1028	18

Источник: The US Manufacturing Renaissance: Driving a Resurgence in Industrial Real Estate. NAIOP, Spring 2016, 9p.

По данным другой исследовательской компании, некоторые отрасли, ранее, по мнению экспертов, не пригодные для решоринга, такие как производство одежды, оказываются среди лидеров этого процесса (табл. 4).

Таблица 4

Удельный вес отраслей экономики США в решоринге (2011–2015 гг.)

Отрасли	Доля, %
Электрическое оборудование, приборы и компоненты	16
Транспортное машиностроение	14
Производство одежды	12
Электронная промышленность	11
Производство пластмасс	8
Общее машиностроение	7
Металлообработка	4
Добыча неметаллических руд	3
Производство мебели	3

Источник: US Reshoring: Over Before It Began? ATKearny, 2015 <https://www.atkearney.com/documents/10192/7070019/US+Reshoring.pdf/14777afa-0c14-460e-937b-11233be340b6>

Еще одно интересное исследование в области офшоринга и решоринга провела «Hackett Group». Оно базировалось на анализе стратегии поставок крупных компаний обрабатывающей промышленности. Оказалось, что доля компаний, переносящих свои мощности из стран с высокими издержками (развитые) в страны с низкими издержками (развивающиеся), имеет тенденцию к снижению, а из развивающихся в развитые – растет (рис. 3).

Источник: Job Losses from Offshoring and Productivity Improvements Far Outpace Gains from Economic Growth. The Hackett Group, 2014, 9 p.

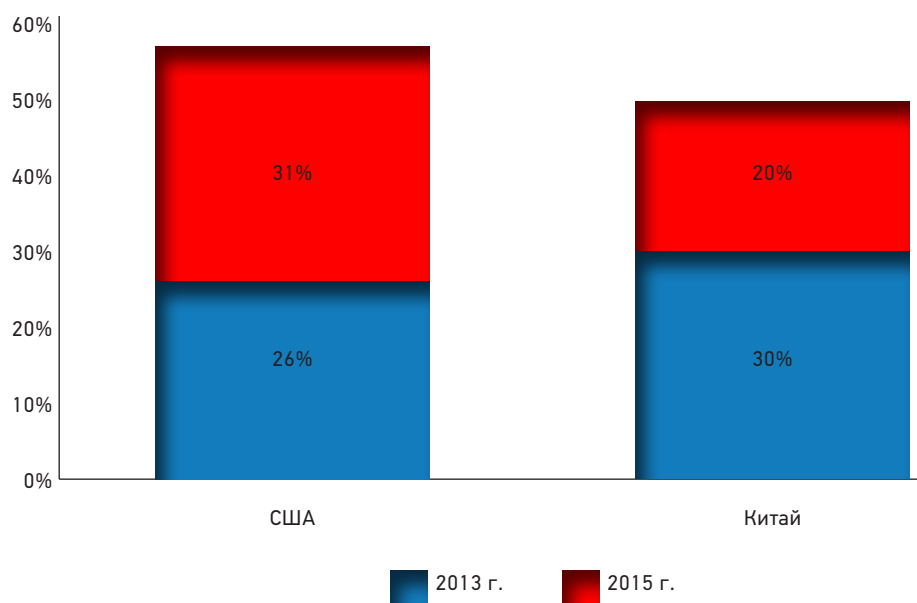
Рис. 3. Доля производственных мощностей, переводимых из одних стран в другие в рамках глобальной стратегии поставок

Согласно Индексу доверия иностранных инвестиций, разработанному компаний «ATKearny» [The 2016...], США продолжают возглавлять список стран, куда компании со всего мира хотят инвестировать в ближайшие годы. Например, китайские компании уже инвестировали в США 46 млрд долл. начиная с 2000 г., причем большая часть вложений осуществлена в последние годы. Из 60 тыс. новых рабочих мест, созданных на территории США в 2014 г., на долю китайских компаний пришлось 8 тыс. Многие другие иностранные компании – такие как «Rolls Royce», «Volkswagen», BMW, «Siemens», «Airbus», BASF, «Bridgestone», «Michelen» – уже построили или объявили о строительстве новых промышленных предприятий в США в последние три года.

Среди компаний, планирующих увеличение производственных мощностей в следующие пять лет для продаж товаров в США, 31% собирается сделать это на территории самих США, а 20% намерены расширять мощности в Китае. В 2013 г. соотношение было обратным (рис 4), что свидетельствует о существенной перемене тенденции [Minter].

В ряде работ анализируются различия и особенности процесса решоринга в США и Европе [См. например: Fratocchi, 2015]. Они сводятся к следующему:

- в США решоринг распространен в 10 раз больше, чем ниэршоринг; в Европе ниэршоринг играет более важную роль, хотя и там случаев решоринга в 7 раз больше;
- американские компании осуществляют решоринг преимущественно из Китая и других стран Азии, в то время как европейские – из других западноевропейских стран и Восточной Европы;
- решоринг в Европе имеет более давнюю историю, первые случаи были зафиксированы в 1980-х годах;
- решоринг осуществляется в широком круге отраслей обрабатывающей промышленности, как низкотехнологичных (производство обуви, одежды в Европе и мебели в США), так и высокотехнологичных (электроника, бытовые приборы); ниэршоринг более сконцентрирован в небольшом числе отраслей, особенно в текстильной и легкой промышленности Европы;

Источник: Reshoring Gaining Strenght Among Large Manufacturrers. Industry Week, 12.10.2015 <http://www.industryweek.com/competitiveness/reshoring-gaining-strength-among-large-manufacturers-bcg-survey-finds>

Рис. 4. Планируемый рост производственных мощностей для удовлетворения спроса в США

- фактор издержек, особенно трудовых и логистических, выступает наиболее важным мотивом решоринга. Сокращение различий в уровнях издержек между развитыми и развивающимися странами является более важным фактором для американских компаний (по сравнению с европейскими: у европейских – другие приоритеты);
- в принятии американскими компаниями решений о решоринге существенную роль, кроме издержек, играют низкое качество товаров и репутационные соображения.

Помимо опросов отдельных компаний, при анализе процесса решоринга могут использоваться данные официальной статистики, хотя такие оценки носят косвенный характер. Одним из индикаторов может выступать доля импорта в удовлетворении внутреннего спроса. Роль этого показателя в том, что при решоринге внутренний спрос будет сдвигаться со временем от импорта к внутреннему производству.

Расчеты показывают, что в большинстве развитых стран темпы роста доли импорта в удовлетворении внутреннего спроса снижаются. Причем в Японии, Германии и Великобритании даже происходит абсолютное снижение этой доли, что косвенно свидетельствует об интенсивном развитии процесса решоринга [De Backer]. Что касается США, то здесь в последние годы заметно растет доля импорта из Мексики, что может свидетельствовать о низрешоринге – переводе американскими компаниями производства в соседнюю Мексику из третьих стран.

Другой источник данных относится к географическому распределению производственных ресурсов многонациональных компаний. Если решоринг становится важным феноменом на агрегированном уровне, можно ожидать, что все большая доля производственных ресурсов будет размещаться на территории страны происхождения этих компаний.

Результаты по американским ТНК показывают отсутствие роста доли внутреннего рынка по занятым вложениям и его рост – по капитальным. Например, до 2013 г. американские ТНК в низко- и среднетехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности сосредотачивали все большую долю своих капиталовложений на территории США [ibid]. Решоринг же в сервисных отраслях начался лишь в 2013 г.

Экономическая политика в области решоринга

Поскольку решоринг тесно связан с проблемой привлекательности стран для инвестиций, средства и инструменты политики, влияющие на факторы размещения производства, также оказывают влияние на процесс решоринга. Наряду с общими принципами политики, направленной на инвестиционную привлекательность, ряд стран стали брать на вооружение специальные инструменты, стимулирующие процесс решоринга. К ним относятся как общие меры поддержки (субсидии, налоговые каникулы), так и специальные механизмы торговой политики.

Наиболее интенсивно дискуссии о политике в области решоринга ведутся в США. Так, в документе *Blueprint for an America Built to Last*, выпущенном Белым домом в 2012 г., предлагаются специальные меры, стимулирующие решоринг производственной деятельности, – такие как финансовая поддержка компаний (включая налоговые вычеты, налоговые кредиты и стимулы), более жесткое торговое законодательство и правоприменение, инвестиции в логистическую инфраструктуру [Blueprint].

Кроме того, решоринг стимулируется попытками США усилить развивать высокотехнологичную обрабатывающую промышленность, увеличивая бюджетные расходы на НИОКР в этой сфере и принимая различные программы типа «*Manufacturing Extension Partnership*» (помогает компаниям рассчитывать издержки и принимать обоснованные решения о размещении производства) и «*Make it in America Again*» (предоставляет финансовую поддержку проектам по решорингу производственных мощностей).

Тема решоринга была включена в последние обращения различных институтов Европейского союза. Например, решоринг объявлен целью в принятом Европейским парламентом документе «*Возрождение промышленности в рамках стратегии Устойчивого развития Европы*» («*Renaissance of Industry for a Sustainable Europe Strategy*»). Эта стратегия является частью Стратегии Европы до 2020 г., которая нацелена на увеличение доли обрабатывающей промышленности в ВВП Евросоюза до 20%. Ряд обращений Европейской комиссии (например, «*A Stronger European Industry for Growth and Economic Recovery*» и «*For a European Industrial Renaissance*») включают конкретные ссылки на решоринг и предложения о Новой промышленной политике, которая бы поддерживала

ла этот процесс. Комитет регионального развития? ЕС также поддерживает решоринг в контексте программы? Европейских традиционных промышленных районов.

Что касается отдельных стран Евросоюза, то в Великобритании правительство участвовало в запуске программы «Reshore UK», в рамках которой предоставляется экспертная и техническая поддержка проектам решоринга. Малые и средние компании могут получать финансовую поддержку и доступ к цепочкам снабжения с высокой добавленной стоимостью. Кроме того, программа «Advanced Manufacturing Supply Chain» помогает сформировать сеть локальных поставщиков вокруг крупнейших британских компаний, а также стимулировать решоринг поставщиков обратно на территорию Великобритании.

Во Франции, согласно исследованию, проведенному в 2013 г. ведомством при министре промышленности, 60% компаний, осуществивших решоринг производства, получили финансовую поддержку от центрального правительства и местных органов власти. Министерство экономики создало интернет-сайт «Colbert-2-0», предполагающий оказание помощи компаниям в оценке эффективности возвращения производственных мощностей во Францию.

Регионализация как новая глобализация

Создание длинных комплексных глобальных стоимостных цепочек (с целью оптимального для бизнеса размещения производства на глобальном рынке) в свое время продемонстрировало преимущества в производительности, эффективности, экономии на масштабах и т. п. С другой стороны, именно протяженность и комплексность таких международных производственных сетей создали серьезные риски для поставок и сделали компании менее гибкими в своевременном реагировании на изменения потребительского спроса и предпочтений. После многих лет крупномасштабного офшоринга и аутсорсинга компании стали переходить к более диверсифицированной стратегии выбора поставщиков и рассмотрению различных вариантов структурирования своего производственного процесса.

В последнее время наблюдается реструктуризация некоторых глобальных стоимостных цепочек. Наряду с глобальными хабами производство концентрируется в региональных и локальных хабах – ближе к конечным рынкам как в развитых, так и в развивающихся странах. На это есть причины.

Во-первых, к регионализации обрабатывающего производства подталкивают изменения в производственных издержках по странам. Например, издержки производства в Китае, Бразилии и восточноевропейских странах выросли за последнее десятилетие больше, чем в США и Великобритании (последняя стала страной с самыми низкими издержками в Западной Европе) [Кондратьев]. Традиционные различия между издержками в развивающихся и развитых странах стремительно сокращаются. Теперь низкозатратные кластеры можно найти во всех регионах мира, и это стимулирует размещение производства ближе к региональным рынкам.

Во-вторых, по мере того, как получение адекватной прибыли становится все более сложной задачей, факторы спроса усиливают влияние на принятие решений о размещении производства. Если раньше акцент делался исключительно на достижении наименьших издержек, то теперь компании стремятся как можно быстрее реагировать на изменения в спросе и предпочтениях потребителей. Цепочки поставок и снабжения с более локализованными производственными центрами и до некоторой степени дублированием таких центров повышают реакцию компаний на волатильность спроса.

По мере перехода к модели, основанной на потребительском спросе, происходили изменения и в глобальных цепочках стоимости, поскольку наблюдался сдвиг от массового производства и массовых рынков к нишевым рынкам и продуктам, удовлетворению растущего спроса на товары, производимые по индивидуальным заказам. Осведомленность потребителей о негативных эффектах, возникающих в транспортных потоках промежуточных и готовых товаров внутри глобальных стоимостных цепочек, потребительский спрос на устойчивость этих потоков также усиливают тенденцию к регионализации производства.

С растущим значением «настомизированных» товаров деятельность компаний все больше зависит от скорости инноваций. Речь идет не только об удовлетворении индивидуализированного и локального спроса, но и о возможности адаптировать НИОКР, проектирование и дизайн к изменяющимся условиям. Территориальная близость центров инноваций и производства ведет к сокращению сроков освоения продукции и максимизации эффекта обратной связи между производством и НИОКР.

В-третьих, появление новых технологий делает региональные стоимостные цепочки вполне осуществимыми. Например, инвестиции в создание промышленных роботов позволяют наладить эффективное производство и в отраслях с относительно более высокими трудовыми издержками. Широкое использование робототехники ведет к снижению доли заработной платы в производственных издержках, офшоринг в развивающиеся страны становится менее привлекательным.

Информационные технологии не только повышают эффективность и производительность, но и улучшают ответную реакцию на изменение условий рынка, позволяют интегрировать процессы проектирования и производства, изменяют характер поставок товаров и услуг. Быстро перепрограммируемое оборудование делает возможным производство широкого набора товаров в соответствии с различными спецификациями, основанными на цифровом моделировании и имитационных возможностях. Интернет повышает эффективность производства и инноваций, а также сокращает время пути к рынку.

В целом распространение цифровых технологий коренным образом меняет характер производства, поддерживая тенденцию к формированию региональных стоимостных цепочек. В настоящее время обрабатывающая промышленность все еще производит достаточно стандартизированные товары широкого спроса. «Цифровизация» делает фактор экономии на масштабах менее значимым в определенных отраслях. Снижение

издержек производства небольших партий товаров с разнообразием свойств и характеристик делает региональное производство экономически более оправданным. Возникающие технологии, такие как аддитивное производство, новые материалы, информационные и нанотехнологии, сокращают издержки мелкосерийного производства. 3D-печать, например, позволяет привязывать товар к индивидуальным запросам потребителя.

Таким образом, изменения в структуре издержек, факторах спроса и технологиях постепенно меняют характер производства и придают ему более региональный характер.

Литература:

- Кондратьев В.* Мировая обрабатывающая промышленность: сдвиги в конкурентных издержках // МЭиМО. № 7. 2015. С. 5–16.
- Backing Britain. A Manufacturing base for the future. EEF. The Manufacturer's Organisation 2013. London. 23p.
- Bailey D., De Propris L.* Manufacturing Reshoring and Its Limits: the UK Automotive Case // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. Volume 7. 2013. Pp.379–395.
- Blueprint for an America Built to Last. The White House. Washington, DC. 2012. – Mode of access: whitehouse.gov/sites/default/files/blueprint_for_an_america_built_to_last.pdf (date of access 07.11.2016).
- Dachs B., Zanker C.* Backshoring of production Activities in European Manufacturing // European Manufacturing Survey Bulletin. Number 3. December 2014.
- De Backer K., Menon C., Moussiégt L.* Reshoring: Myth or Reality? OECD Science, Technology and Industry Policy Papers No 27. 2016. 34p.
- Ellram L.* Off-Shoring, Reshoring and the Manufacturing Location Decision // Journal of Supply Chain Management. 2013.Vol. 49. Pp. 3–5.
- Fratocchi L., Di Mauro C.* When Manufacturing Moves Back: Concepts and Questions // Journal of Purchasing & Supply Management. 2014. Vol. 20. Pp. 54–59.
- Fratocchi L., Di Mauro C., Ancari* Manufacturing Back-and Near-Reshoring: A Comparison of European and North American Evidence // Stentoft J., Vastag G. and Paula A. (eds) Research in the Decision Sciences for Innovations in Global Supply Chain Networks: Best Papers from the 2014 Annual Conference. 2015. 311p.
- Holz R.* An Investigation into Off-Shoring in the German Automotive Industry. University of Whales, Swancea. 2009. 352 p.
- Interconnected Economies: Benefiting from Global Value Chains. OECs Publishing, Paris 2013.
- Kinkel S.* Future and Impact of Backshoring – Some Conclusions from 15 Years of Research on German Practices // Journal Purchasing & Supply Management. 2014. Vol. 20. Pp. 63–65.
- Made In America Again. Why Manufacturing Will Return to the USA // The Boston Consulting Group. 2011. – Mode of access: bcg.com/documents/file84471.pdf (date of access 07.11.2016).
- Minter S.* Reshoring Gaining Strenght Among Large Manufacturrers // Industry Week. 12.10.2015. URL: industryweek.com/competitiveness/reshoring-gaining-strength-among-large-manufacturers-bcg-survey-finds (date of access 07.11.2016).
- Moser H.* Reshoring: The Trend from Globalization to Localization. 2016. – Mode of access: industrytoday.com/FlippingBook/19.4/#50 (date of access 20.12.2016).

- Pisano G., Shih S.*, Restoring American Competitiveness. Harvard Business Review. March 2012.
- Pisano G., Shih S.* Producing Prosperity: Why America Needs a Manufacturing Renaissance. Harvard. 2012.
- Poerter M., Rivkin J.* Choosing the United States. Harvard Business Review. March 2012.
- Reshoring – A New Direction for the UK Economy. PricewaterhouseCoopers –PWC. 2014. London. Pp.25–34.
- Reshoring Mexico 2014. CIDAC 2014, Mexico. – Mode of access: reshoretomexico.org/csv/ReshoringMexico2014MexicosReshoringAttractionIndex.pdf (date of access 07.11.2016).
- Sirkin H. L., Rose J. R., Zinser M.* The US Manufacturing Renaissance: How Shifting Global Economics Are Creating an American Comeback. Philadelphia. 2012. – Mode of access: kw.wharton.upenn.edu/made-in-america-again/ (date of access 20.12.2016).
- The 2016 A.T. Kearney Foreign Direct Investment Confidence Index. – Mode of access: atkearney.com/documents/10192/8064626/2016+A.T.+Kearney+Foreign+Direct+Investment+Confidence+Index%E2%80%93FDI+on+the+Rebound.pdf/e61ec054-3923-4f96-b46c-d4b4227e7606 (date of access 07.11.2016).
- The new hire: How a new generation of robots is transforming manufacturing. Robots in Manufacturing: A First Look at the Evidence. OECD Publishing. 2015. Paris; PWC. 2014. 18p. – Mode of access: pwc.com/us/en/industrial-products/assets/industrial-robot-trends-in-manufacturing-report.pdf (date of access 07.11.2016).
- The Rebirth of US Manufacturing: Myth or Reality? // L.E.K. Executive Insights. Volume XVI. Issue 32. 2014. – Mode of access: lek.com/sites/default/files/LEK_1632_RebirthOfUSManufacturing_Web.pdf (date of access 07.11.2016).
- The Shifting Economics of global Manufacturing, How Cost Competitiveness Is Changing Worldwide. The Boston Consulting Group. 2014.

УДК 339; 327; 323

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма»

Аннотация. С 2014 г. страны Латинской Америки после десятилетия динамичного экономического и социального роста ощутимо снизили темпы развития и вступили в период суровых испытаний. Изменилась роль региона в глобальной экономике: если в 2003–2013 гг. латиноамериканские государства являлись одним из локомотивов мирового роста, то теперь многие из них стали его тормозом. Выход из создавшегося положения просматривается на путях проведения структурных реформ, очищения общества от коррупции, эффективной мобилизации огромного, но все еще не задействованного хозяйственного потенциала, более активного включения латиноамериканской экономики в глобальные цепочки стоимости.

Ключевые слова: Латинская Америка, экономика Латинской Америки, экономический потенциал, «мультилатинас», модели роста.

Латинская Америка – единственный регион развивающегося мира, в настоящее время демонстрирующий темпы прироста ВВП ниже среднемировых. Латиноамериканские страны (наряду с Россией) понесли максимальные потери от очередных глобальных потрясений, у них возросли геоэкономические риски, практически не осталось «хороших» и «легких» решений возникших экономических и социальных проблем.

Незавидное положение, в котором оказалась Латинская Америка после «золотого десятилетия» 2003–2013 гг., можно определить как эпицентр «идеального шторма». Этот фразеологизм используется в метафорическом смысле для описания ситуации, возникшей путем сложения ряда неблагоприятных факторов, в результате чего их суммарный негативный эффект возрастает. В латиноамериканских странах отклонение экономики от сравнительно равновесного состояния в сторону торможения и рецессии произошло именно в результате **сопряжения внешних и внутренних негативных эффектов**. Сейчас возможности динамичного роста в логике прежней модели (последовательное расширение внутреннего рынка в связке с благоприятной международной конъюнктурой) практически исчерпаны. Необходимо привести в действие новые механизмы социально-экономического развития.

Сведения об авторе: Яковлев Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; petr.yakovlev@yandex.ru.

Итоги «золотого десятилетия»

Для стран Латинской Америки первое десятилетие XXI в. было отмечено перезагрузкой макроэкономической стратегии, геополитическим разворотом региона, изменениями в его традиционном позиционировании на международной арене [Яковлев, 2014]. В эти годы государство в значительной степени вернулось в экономику, но одновременно резко нарастили влияние «мультилатинас» (местные латиноамериканские ТНК), в результате чего сформировалась обновленная («синтетическая», или «гибридная») модель развития, во многом основанная на государственно-частном партнерстве и значительном расширении внутреннего рынка. В период 2003–2013 гг. странам региона удалось «оседлать» повышательный тренд мировых цен на минеральное сырье, энергоресурсы и продовольствие, придать дополнительный импульс хозяйственному росту, увеличить объем ВВП, промышленного производства и внешнеторгового оборота, сократить долговую нагрузку на экономику, существенно укрепить финансовое положение, снизить безработицу и инфляцию. Иными словами – улучшились практически все макроэкономические показатели (табл. 1).

Таблица 1

Динамика макроэкономических показателей Латинской Америки

Показатель	2003	2010	2013
ВВП, млрд долл.	1926	5031	6021
Экспорт, млрд долл.	392	894	1122
Доля экспорта в ВВП, %	20,4	17,8	18,6
Импорт, млрд долл.	354	845	1108
Доля импорта в ВВП, %	18,4	16,8	18,4
Государственный долг, % ВВП	57,0	30,4	31,9
Прямые иностранные инвестиции, млрд долл.	39,8	80,5	152,2
Валютные резервы, млрд долл.	198	656	830
Инфляция, %	8,2	6,5	7,6
Городская безработица, %	11,1	7,3	6,2

Источники: Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. 2012. CEPAL, Santiago de Chile, 2012, p. 51; Estudio Económico de América Latina y el Caribe. Desafíos para la sostenibilidad del crecimiento en un nuevo contexto externo. 2014. CEPAL, Santiago de Chile, 2014, p. 179.

На фоне экономического роста произошли значимые социально-политические подвижки: социальные расходы в структуре ВВП с 12,5% в конце 1990-х годов выросли до 19,2% в 2010–2011 гг., примерно 60 млн человек покинули зону бедности [Alcaide]. В центр социальной структуры общества в ключевых государствах выдвинулся средний класс. 70% общего числа студентов университетов стали в своих семьях первыми, получившими доступ к высшему образованию [Grynspan]. В международно-политической сфере «левый поворот» оказал влияние на ход и содержание интеграционных процессов, прежде всего на региональном уровне [Левый поворот...].

В 2004 г. образовались две крупные региональные группировки: Сообщество южноамериканских наций, впоследствии преобразованное в Союз южноамериканских на-

ций (Unión de las Naciones del Sur, Unasur) и Боливарианский союз для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los pueblos de Nuestra América, ALBA). Под эгидой Unasur объединились все 12 государств Южной Америки, а в состав ALBA, главную роль в которой играет Венесуэла, вошли Боливия, Куба, Никарагуа, Эквадор, Антигуа и Барбуда, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Гренада, Сент-Китс и Невис. В 2011 г. возникло Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC), впервые в истории объединившее все 33 страны региона, но (в отличие от Организации американских государств) не включившее США и Канаду. В 2012 г. был создан Тихоокеанский альянс в составе Колумбии, Мексики, Перу и Чили. Конечно, главной задачей названных инициатив было усиление взаимных торгово-экономических связей латиноамериканских стран. Вместе с тем отличительной чертой данного этапа явилось **расширение повестки дня интеграции**, включение в нее широкого круга вопросов политического взаимодействия в сферах обороны и безопасности.

Анализируя причины экономического рывка латиноамериканских стран в 2003–2013 гг., многие зарубежные и российские исследователи указывают на крайне выгодную внешнюю конъюнктуру, прежде всего высокие цены на экспортные товары государств региона – сырье, энергоносители и продовольствие. Слов нет, резкое повышение мировых цен на торгуемые природные ресурсы (так называемый *сырьевой суперцикл*) обеспечило приток в Латинскую Америку дополнительных финансовых средств, сыграло роль в поддержании темпов роста. Но вот на что следует обратить внимание: за 2003–2013 гг. доля экспорта в ВВП латиноамериканских стран не только не возросла, но, напротив, даже несколько снизилась (с 20,4% до 18,6%). Это указывает на наличие других факторов, обеспечивших ускорение экономического развития. Главным из них, на наш взгляд, явилось значительное расширение внутреннего рынка за счет крупных государственных инвестиций, финансовых субсидий отдельным отраслям и малоимущим гражданам, общего повышения жизненного уровня и покупательной способности населения, что и стало основным двигателем роста.

В отличие, скажем, от России, где в докризисный период источником развития был массированный приток финансовых ресурсов извне в форме резко подскочивших экспортных доходов и крупных иностранных инвестиций (**«модель импортированного роста»**) [Кудрин, Гурвич, с. 12], в Латинской Америке решающую роль сыграли внутренние пружины социально-экономического восхождения, – разумеется, на фоне и при поддержке внешней благоприятной конъюнктуры.

Трудно согласиться и с широко распространенным тезисом о доминирующей роли иностранного транснационального предпринимательского и банковского капитала в латиноамериканской экономике и финансах образца середины 2010-х годов. В данной интерпретации, вкупе с тезисом о решающей роли фактора внешнеторговой конъюнктуры, получается некий аутсорсинг (вынесение за пределы Латинской Америки) ключевых стимулов экономического развития. Это своего рода концептуальная аберрация, которую следует подкорректировать.

В действительности все обстояло несколько иначе. Благодаря последовательному усилению влияния государственного сектора в экономике, многочисленным фактам национализации иностранных предприятий и резкому повышению активности «мультилатинас» в 2003–2013 гг. имело место относительное сужение позиций зарубежных ТНК в регионе [Яковлев, 2013]. Вот убедительные статистические данные: если в 1999 г. из 500 крупнейших бизнес-структур Латинской Америки более 50% контролировались иностранным капиталом, то уже к 2007 г. этот показатель снизился до 25%, а по данным на 2013 г. в первой сотне латиноамериканских нефинансовых компаний только 18 являлись филиалами внерегиональных ТНК [Ranking de las500...]. Похожая ситуация сложилась и в банковском секторе. Так, 67 из 100 крупнейших банков стран региона – национальные финансовые структуры (частные и государственные), а в числе первых пяти фигурирует лишь один иностранный банк – бразильский филиал испанского гиганта «Santander», причем на его долю приходится всего 11% совокупных активов «большой пятерки» [Ranking 250 mayores...].

«Мультилатинас» в ряде отраслей стали откровенно теснить зарубежных конкурентов, встали на путь превращения в **производственный и финансовый хребет латиноамериканской экономики**. Этот передовой отряд бизнеса в значительной мере создавал новую геоэкономическую геометрию и определял место и роль региона в системе мирохозяйственных отношений, в том числе с помощью приобретения крупных производственных активов не только в соседних республиках, но и в США, Канаде, европейских странах. Накопленные прямые зарубежные инвестиции латиноамериканских компаний, составлявшие в 1990 г. 52,1 млрд долл., в 2000 г. достигли 104 млрд, а в 2013 г. превысили 647 млрд долл. то есть за два с небольшим десятилетия увеличились в 12,4 раза [España, p.3].

Поступательное развитие Латинской Америки на некоторое время затормозил глобальный экономический кризис конца первого десятилетия XXI в., вызвавший в латиноамериканских странах эффект внешнего шока. Вместе с тем в отечественной научной литературе справедливо отмечается, что регион прошел через мировой экономический кризис 2008–2009 гг. без серьезных потерь [Латино-Карибская..., с. 242]. Это важная констатация, свидетельствующая о качественных изменениях в экономике. Действительно, на фоне кризиса стало очевидно, что мы имеем в Латинской Америке фактически другую социально-экономическую структуру по сравнению с той, которая была реальностью еще совсем недавно, в конце прошлого века. Но нельзя не видеть и того факта, что уже к середине 2010-х годов латиноамериканские государства во многом исчерпали имевшийся в их распоряжении потенциал развития и вновь оказались перед необходимостью корректировки модели роста. Почему это произошло?

Эффект глобальной неожиданности

Торможение латиноамериканской экономики отчетливо дало о себе знать в 2014–2015 гг., когда резко сократился прирост регионального ВВП и заметно ухудшились другие основные макроэкономические показатели. Стали расти потребительские цены,

сократились инвестиции в основной капитал, увеличился внешний долг, упал экспорт, возрос бюджетный дефицит (табл. 2).

Таблица 2

Макроэкономические показатели стран Латинской Америки (2015 г. – оценка)

Показатель	2012	2013	2014	2015
Прирост ВВП, %	2,9	2,8	1,2	-0,4
Душевой ВВП (прирост), %	1,7	1,7	0,0	-1,5
Потребительские цены (рост), %	4,9	4,9	6,3	6,6
Городская безработица, %	6,4	6,2	6,0	6,6
Инвестиции в основной капитал, % ВВП	21,3	21,5	20,8	19,7
Внешний долг, % ВВП	28,0	29,6	31,7	33,0
Внешний долг, % экспорта	95,9	101,2	113,4	134,9
Экспорт товаров, млрд долл.	1002	1007	991	876
Импорт товаров, млрд долл.	993	1028	1027	932
Валютные резервы, млрд долл.	836	830	857	825
Государственные доходы, % ВВП	18,9	19,2	19,3	18,7
Государственные расходы, % ВВП	20,9	21,5	22,0	21,7
Бюджетный дефицит, % ВВП	-1,9	-2,3	-2,8	-3,0

Источник: CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe, 2015. Santiago, 2015. P. 67.

Эффектом глобальной неожиданности можно назвать изменившиеся внешние обстоятельства. В самом деле, в течение сравнительно короткого времени (полтора-два года) радикально трансформировались (в неблагоприятную сторону) международные условия экономического развития латиноамериканских стран. Эти изменения хорошо известны: замедление глобального роста («новая норма»), вялое развитие экономики США, долговой кризис и рецессия в Европе, стагнация в Японии, неблагоприятные перемены в Китае, снижение спроса и падение цен на сырье и продовольствие, застой в мировой торговле, сокращение возможностей международного финансирования и т.д.

Особенно неблагоприятно на Латинской Америке сказалось падение темпов роста китайской экономики (и международного хозяйственного развития в целом), что привело к снижению мировых цен на многие сырьевые товары. Примерно 12–15 лет назад стремительный рост спроса в Китае и ряде других динамично развивавшихся азиатских государств на природное сырье и продовольствие положил начало сырьевому суперциклу – периоду беспрецедентно высоких цен на *commodities* (основные торгуемые на биржах сырьевые и продовольственные товары). Страны-экспортеры Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока получали сверхвысокие экспортные доходы. Ресурсная «ненасытность» КНР больше чем на десятилетие исказила баланс спроса и предложения, внушила международным трейдерам и властям развивающихся государств надежды на бесконечное повышение цен на сырье. Напомним, что еще совсем недавно и в нашей стране делались прогнозы о цене на нефть свыше 200 долл. за баррель.

Между тем «суперциклы» не являются чем-то исключительным. Это известный феномен, присущий мировому товарно-сырьевому сектору, характеризующемуся чередованием периодов высоких и (сравнительно) низких цен. В основе данного явления лежат различные факторы, связанные, в частности, с масштабами инвестиций, объемами производства и предложения и – главное – уровнем спроса.

В 2014–2015 гг. глобальный рынок пережил «сырьевой удар», оказавший разнонаправленное воздействие на экспортеров и импортеров природного сырья и продовольственных товаров. Цены на многие commodities, достигнув своего максимума в 2011–2012 гг., начали быстро снижаться. Падение котировок сказалось на доходах стран – экспортеров сырья. Например, в 2014 г. по сравнению с 2011 г. цены на сырьевые и продовольственные товары сократились в целом на 20%. При этом цена на медь упала на 22%, подсолнечное масло – на 23, соевое масло – на 30, кукурузу – на 31, сахар – на 35, железную руду – на 42, серебро – на 46%. В 2015 г. цены на большую часть сырья продолжали снижение, а нефтяные котировки за 18 месяцев (с середины 2014 г. по январь 2016 г.) обвалились на 75% – со 110 до 27 долл. за баррель [UNCTAD..., 286–288].

Конечно, наблюдаемое в настоящий момент снижение мировых цен на сырье может смениться их ростом. В известной мере так произошло с котировками «черного золота»: стоимость барреля нефти Brent с февраля по июль 2016 г. выросла больше чем на 40% – с 34 до 48 долл. Этому показателю еще далеко до рекордных отметок двухлетней давности, но ситуация является подвижной и может преподнести любые сюрпризы. Но дело в другом: обвал цен на сырье напомнил о тех рисках, которые таит в себе модель экономического развития, основанная на экспорте природных ресурсов.

И еще одно принципиальное обстоятельство. Нынешнее завершение сырьевого суперцикла совпало с началом четвертой технологической революции, с глобальным разворотом в сторону «новой экономики». Это означает, что все государства – экспортеры сырья, стремящиеся, как минимум, сохранить свои позиции в системе мирохозяйственных связей, должны будут провести глубокую модернизацию производственных структур.

Внутренние факторы торможения

При всей важности внешних факторов, на которые, кстати сказать, Латинская Америка почти не может повлиять, решающую роль в замедлении экономического роста стран региона сыграли причины внутреннего порядка. В частности, на текущий момент в основном израсходованы местные резервы накачки потребительского спроса и субсидирования отдельных отраслей экономики.

По общему экспертному мнению, экономический рост в большинстве латиноамериканских государств блокируется отсутствием давно назревших **структурных и институциональных реформ**. Согласимся с таким тезисом. Это – главное, но далеко не все.

С большой долей уверенности можно утверждать, что один из ключевых факторов торможения латиноамериканской экономики – сохраняющееся в регионе огромное (по некоторым оценкам, самое большое в мире) **имущественное неравенство**, ставшее барьером на пути дальнейшего роста. К такому выводу пришли эксперты Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) и авторитетного международного благотворительного объединения «Oxfam International», проанализировавшие социальные тренды последнего времени. По их подсчетам, в 2002–2015 гг. состояния латиноамериканских мультимиллионеров в среднем за год возрастали на 21%, что шестикратно превышало рост ВВП. При сохранении похожей динамики на рубеже 2020 г. активы 1% местных богачей превысят совокупное достояние остальных 99% населения. По мнению указанных специалистов, немалую роль в увеличении разрыва в доходах между относительно небольшой группой сверхбогатых людей и остальными жителями стран Латинской Америки играет **архаичная и дисфункциональная фискальная система**, позволяющая владельцам крупных компаний или легко уходить от уплаты налогов, или сводить их до минимума. Только за один 2014 г. потери бюджетов государств региона от подобной практики составили порядка 190 млрд долл. [América Latina...] Очевидно, что консервация такого положения вещей – серьезное препятствие для общественного развития, тормоз экономического прогресса.

«Жесткая посадка» латиноамериканской экономики в решающей степени объясняется теми трудностями, которые переживают ведущие региональные государства, – Аргентина, Бразилия, Венесуэла. В ряде стран полученные финансово-экономические травмы имели кардинальные политические последствия. В Аргентине от власти отодвинули сторонников курса бывшего президента Кристины Фернандес де Киршнер, в Бразилии противники главы государства Дилмы Руссефф добиваются ее окончательной отставки, в Венесуэле оппозиция взяла верх на парламентских выборах и усилила нажим на президента Николаса Мадуро и т.д. Причем в Венесуэле ситуация приобрела откровенно драматический и даже гротескный характер, стала примером неэффективного и коррупционного расходования нефтяных сверхдоходов. Бывшие министры в правительстве Уго Чавеса Эктор Наварро и Хорхе Джордани заявили, что за последнее десятилетие страна получила порядка 1 трлн долл. от экспорта углеводородов, из которых по меньшей мере треть была разворована через механизмы завышения цен на приобретаемые государством товары и фиктивных импортных закупок [Ex ministros...]. Экономическая политика венесуэльских властей зашла в тупик, свидетельством чего стала закупка Каракасом в январе 2016 г. (впервые в истории) нефти в США [Venezuela...].

Таким образом, коррупция и незаконное обогащение людей во власти в ряде стран Латинской Америки приобрели (без преувеличения) **макроэкономические масштабы**, что с особой силой дало о себе знать в последние годы и имело разрушительные экономические и политические последствия.

Латинская Америка сталкивается с комплексом внутренних проблем, для решения которых недостаточно принятия мер финансово-экономического характера. Необхо-

димы санация политического истеблишмента, очищение власти. И в этом чрезвычайная сложность ситуации.

Слагаемые экономического потенциала

Что касается собственно хозяйственных вызовов, в Латинской Америке для устойчивого экономического развития нет количественных ресурсных ограничений – сырьевых, продовольственных, трудовых и даже финансовых.

Представляется очевидным, что экономическое ускорение государств Латинской Америки (как, впрочем, и любых других) должно основываться на имеющихся конкурентных преимуществах, позволяющих максимально полно использовать совокупный хозяйственный потенциал. Таких преимуществ у региона немало, и их значение с течением времени объективно должно возрастать. Выделим наиболее существенные.

Значимый демографический дивиденд. Регион характеризуют сравнительно высокие темпы прироста населения: за 2000—2015 гг. оно увеличилось более чем на 100 млн человек и перешло отметку в 630 млн жителей. В структуре населения Латинской Америки сравнительно велика (особенно на фоне «стареющей» Европы) доля молодежи, что обеспечивает экономику постоянно пополняющимися трудовыми ресурсами. Так, если в 2000 г. экономически активное население составляло 220,6 млн, то в 2030 г. оно возрастет, по прогнозам, до 370 млн человек [CEPAL, 2015, p.21, 32]. Геополитическим фактором, влияющим на отношения стран региона с США, может стать (и уже становится) растущее доля латиноамериканцев в населении США?: 16% в 2010 г. и 21% (по оценкам) в 2020 г. Пока, отмечают эксперты, в политическом плане латинская диаспора – «спящий гигант», но его неизбежное пробуждение способно внести заметные коррективы во внутривнутриполитическую жизнь Соединенных Штатов и повлиять на курс Вашингтона в Латинской Америке в сторону более адекватного учета региональных интересов [La población...]. Свидетельством того, что «процесс пошел», явилось начало нормализации американо-кубинских отношений.

Уникальная культурно-языковая общность. Тот факт, что жители большинства латиноамериканских стран говорят на одном языке, существенно облегчает общественно-политические коммуникации и ведение бизнеса на региональном уровне, а также формирование системы особых отношений с Испанией и Португалией в рамках Иберо-Американского сообщества наций (ИСН) [Яковлев, 2016]. Напомню, что первая иберо-американская конференция прошла в 1991 г. в Мексике с участием 19 латиноамериканских государств и двух иберийских. С тех пор процесс институционализации ИСН значительно продвинулся: многосторонние встречи на высшем уровне и различные отраслевые министерские совещания приобрели регулярный характер; упрочились связи бизнес-сообществ, представителей науки, образования, культуры; функционирует Генеральный ибероамериканский секретариат. Все это закладывает основу для создания единого ибероамериканского политического, экономического, научно-образовательного и культурного пространства.

Весомые сырьевые резервы. Трудно переоценить те возможности, которыми располагает Латинская Америка в плане использования ее огромных природных ресурсов, чьи разведанные запасы непрерывно растут. В частности, в период 2003–2013 гг. подтвержденные запасы нефти в регионе выросли почти в три раза: со 116,4 млрд до 309,4 млрд баррелей, а их доля в общемировом показателе увеличилась с 8,7 до 20,2%. В 2012 г. Венесуэла, опередив Саудовскую Аравию, вышла на первое место в мире по доказанным запасам нефти – свыше 298 млрд баррелей. Значительными резервами углеводородов (нефти и природного газа) обладают Мексика, Бразилия, Колумбия, Эквадор, Перу, Аргентина, Боливия, Тринидад и Тобаго.

В планах латиноамериканских стран – дальнейшее повышение добычи энергоносителей. Здесь просматриваются три главных вектора: расширение разработок нефти и природного газа на бразильском и аргентинском шельфе; освоение месторождений «тяжелой» нефти в Венесуэле; организация добычи сланцевого газа, по оценочным запасам которого Латинская Америка занимает одно из первых мест в мире. Реализация названных проектов способна и дальше повышать роль латиноамериканских стран на мировых энергетических рынках, но требует весьма значительных инвестиций и продвинутых технологий, а значит – сопряжена с серьезными рисками. Их минимизация является одной из актуальных геополитических задач государств региона. Магистральный путь пролегает через привлечение к латиноамериканским проектам (в качестве партнеров) зарубежных энергетических корпораций, располагающих соответствующими финансовыми и технологическими возможностями. В их числе фигурируют и топовые российские компании (в частности, «Роснефть», «Газпром», «ЛУКОЙЛ» и ряд других), которые уже имеют интересы в Латинской Америке и могут их существенно расширить.

Статус Латинской Америки как минерально-сырьевого региона подтверждают богатые залежи железной руды, цветных и редких металлов. На долю латиноамериканских стран (Аргентины, Бразилии, Мексики, Перу, Чили и др.) приходится значительная часть общемировых запасов (табл. 3).

Таблица 3

Запасы основных видов минерального сырья в Латинской Америке (2013 г.)

Вид сырья	Единица измерения	Показатель	Доля в мировых запасах, %
Литий	тыс. т	23200	58,7
Медь	тыс. т	298000	43,2
Серебро	тыс. т	223	42,9
Молибден	тыс. т	2880	26,2
Бокситы, глинозем	млн т	6350	22,7
Железная руда	млн т	18400	22,7
Никель	тыс. т	15970	21,6
Цинк	тыс. т	47200	18,8
Золото	т	9600	17,8

Источник: USGS. Mineral Commodity Summaries 2014. Reston, 2014. P. 27, 49, 67, 85, 95, 101, 107, 109, 147, 169, 187.

Мировой продовольственный «супермаркет». В мире недоедают около 1 млрд человек. Если существенно не увеличить производство продуктов питания и не улучшить систему распределения, то к середине текущего столетия эта, без преувеличения, глобальная проблема может обернуться гуманитарной катастрофой. Латинская Америка в последние десятилетия превратилась в одно из главных действующих лиц на международном рынке продовольственных товаров. Важно, что страны региона (прежде всего ведущие южноамериканские государства) могут в сравнительно сжатые сроки значительно нарастить сельскохозяйственное производство и увеличить свой вклад в обеспечение мировой продовольственной безопасности. В этом убеждают тренды последних десятилетий. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (FAO), в 2000–2014 гг. при росте населения на 19% производство продуктов питания в Латинской Америке увеличилось (по стоимости) на 55%: со 192,1 млрд до 297,5 млрд долл. Возросли возможности латиноамериканских стран не только более полно насытить внутренний рынок, но и значительно увеличить экспорт продовольствия. В 2000–2014 гг. продовольственный экспорт государств региона вырос с 31,7 млрд до 142,6 млрд долл. (в 4,5 раза), а их доля в общемировом вывозе увеличилась с 11,5 до 15,1% и продолжает расти [FAO, p. 48, 51]. По оценкам экспертов, Аргентина с населением немногим более 40 млн способна «прокормить» до 400 млн человек, а 200-миллионная Бразилия – порядка 1 млрд.

Всемирный резервуар пресной воды. Сравнительно ограниченные мировые ресурсы пресной воды — острая проблема человечества. Уже в настоящее время нехватку питьевой воды испытывают порядка 700 млн человек в 43 странах мира. К 2025–2030 гг. в таком положении могут оказаться 3 млрд человек. Ситуация усугубляется в первую очередь из-за резкого увеличения потребления воды в сельском хозяйстве. (На аграрный сектор приходится 70% всего совокупного потребления. Например, производство 1 л вина требует 870 л воды, 1 кг куриного мяса – 4,3 т, 1 кг говядины – 15,4 т.) И роль Латинской Америки в решении этой проблемы может стать ключевой, поскольку там сосредоточено порядка трети общемировых запасов пресной воды. Десять стран региона – Бразилия, Колумбия, Перу, Венесуэла, Чили, Аргентина, Боливия, Мексика, Эквадор и Парагвай – входят в первую тридцатку государств, обладающих самыми крупными водными ресурсами. Причем Бразилия – абсолютный лидер, почти вдвое превосходящий по запасам воды Россию, занимающую в этом рейтинге второе место [National Intelligence...].

Обновленная структура экономики. В последние десятилетия в Латинской Америке сложилась сравнительно диверсифицированная структура реального сектора экономики, что, на наш взгляд, является еще одним конкурентным преимуществом и необходимой предпосылкой долговременного устойчивого развития.

Взять хотя бы индустриальный сектор. Доля обрабатывающей промышленности в структуре регионального ВВП – 13,8% – значительно превышает соответствующие совокупные показатели сельского хозяйства и добывающей промышленности (4,9% и 5,9%). Вывоз промышленной продукции в 2006–2013 гг. вырос на 39% (с 317 до 440 млрд долл.), а ее доля в экспорте региона даже на пике цен на сырье в 2013 г. со-

ставляла 47% (в Мексике – 76%, Коста-Рике – 62%) [CEPAL, 2014, p. 84, 104, 105]. В результате Латинская Америка одновременно выступает как крупная промышленная зона, важный производитель и глобальный трейдер сырьевых товаров и энергоносителей, а также как растущий поставщик на мировой рынок жизненно важной сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Набирает силу и региональный сектор услуг: их экспорт в 2006–2013 гг. вырос на 61% и составил 136,7 млрд долларов [Ibid, p. 98].

Выгодное географическое положение. Процессы глобализации изменили геоэкономическое позиционирование латиноамериканского региона. Если еще в недалеком прошлом, когда центр мировой экономики и торговли располагался в Европе, Латинская Америка находилась от него на значительном удалении – можно сказать, на периферии, – то сейчас ситуация меняется на глазах. Регион оказывается на пересечении силовых линий крупнейших глобальных мегарынков – и уже существующих, и еще формирующихся.

Во-первых, сохраняется значимость фактически единого и чрезвычайно емкого рынка США и Канады с населением порядка 350 млн человек. Во-вторых, большинство латиноамериканских стран включилось в активное торгово-экономическое взаимодействие с Китаем, Японией, Южной Кореей и другими государствами АТР. В-третьих, Чили, Перу и Мексика участвуют в создании Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP), предусматривающего высокие стандарты внешнеторговой либерализации. По мнению мексиканского министра иностранных дел Хосе Антонио Меаде, соглашение о TPP приведет к образованию мегаблока, охватывающего две пятых мировой экономики и треть глобальной торговли и насчитывающего свыше 800 млн потребителей [México...]. В-четвертых, есть симптомы того, что взаимодействие Латинской Америки с Европейским союзом может обрести «второе дыхание». Брюссель демонстрирует желание европейцев энергичнее включиться в конкуренцию за латиноамериканские рынки, а также активнее привлекать в экономики стран Старого света инвестиции «мультилатинас» [Cumbre...]. И, в-пятых, просматривается перспектива налаживания сотрудничества отдельных латиноамериканских интеграционных группировок с созданным в начале 2015 г. Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). В частности, идет подготовка соглашения между ЕАЭС и Mercosur о полноформатном экономическом взаимодействии.

Как видим, Латинская Америка обладает набором конкурентных преимуществ, которые регион способен задействовать в целях экономического роста и глобального возвышения. Что, впрочем, не отменяет тех рисков, структурных и конъюнктурных дисбалансов, которые тормозят развитие региона и тянут его назад.

Ключевые черты новой модели роста

Складывается впечатление, что в Латинской Америке главная проблема – не в отсутствии ресурсов развития, а в их эффективном использовании и (где необходимо) улучшении качественных характеристик ресурсного потенциала. Решение указанной проблемы видится в стратегическом переходе экономик латиноамериканских стран

на **новую модель** функционирования, системообразующие принципы которой можно сформулировать следующим образом:

- приоритетное внимание постоянному повышению качества человеческого капитала и сокращению социальных дисбалансов;
- региональная конвергенция национальных производственных систем на базе углубления интеграционных процессов и реализации масштабных трансграничных инфраструктурных проектов;
- закрепление (при помощи государства) лидирующей роли конкурентоспособных местных предприятий в процессе активного включения латиноамериканских производителей товаров и услуг в глобальные цепочки стоимости. По сути, речь идет о выращивании *«национальных чемпионов»*.

Особенно важен макроэкономический смысл инклюзивной стратегии общественного развития – существенного повышения доходов основной массы населения, ликвидации вопиющего имущественного неравенства и решения других острых социальных проблем. Например, проведение сбалансированной налоговой реформы и ограничение огромного неформального сектора в экономике, на долю которого приходится 47% всех занятых в неаграрных отраслях (с учетом сельскохозяйственных рабочих этот процент будет еще выше).

Без выправления имеющихся социальных перекосов невозможно обеспечить увеличение емкости внутреннего рынка – непереносимое условие роста национального производства товаров и услуг.

Другая задача первостепенной значимости – **придать импульс пространственному развитию**, расширению ареала производственной и торговой активности, вовлечению в нее тех обширных районов Латинской Америки, которые до настоящего времени находятся на обочине хозяйственной деятельности. Здесь важный момент – комплексная модернизация хозяйственной инфраструктуры, включая ее дорожно-транспортную составляющую: строительство сквозных трансграничных артерий, способных создать благоприятные условия для роста сельскохозяйственного и промышленного производства и увеличения объемов внутренней и внешней торговли. Для будущего экономики региона это, без преувеличения, вопрос жизни и смерти.

По данным ЭКЛАК, в последнее десятилетие инвестиции латиноамериканских стран в развитие инфраструктуры в среднем в год составляли 2,7% ВВП, что было явно недостаточно. На период до 2020 г. такие капиталовложения, по оценкам экспертов, должны ежегодно превышать 6% ВВП или (в ценах 2012 г.) 320 млрд долларов [Países...]. Речь идет о значительном увеличении финансирования инфраструктурных проектов, что нереально без крупных иностранных инвестиций.

Наконец, в рамках новой модели роста роль региональных бизнес-лидеров призваны сыграть «мультилатинас», в последнее десятилетие набравшие значительный вес в латиноамериканской экономике и финансах. Эти крупнейшие компании должны обеспечить достижение двух тесно стыкующихся целей:

- возглавить процесс внутренней технико-технологической инноватизации и модернизации;
- осуществить прорыв на глобальные рынки, консолидировав международное присутствие предприятий стран Латинской Америки и расширив их участие в четвертой технологической революции.

В Латинской Америке (как в целом в глобальной экономике) меняется расклад сил в местном бизнес-сообществе, прежде всего в группе «мультилатинас». Дело в том, что в условиях завершения «сырьевого суперцикла» значительно ослабили позиции нефтегазовых и горнорудных корпораций и одновременно возросло влияние компаний, связанных с высокотехнологичными производствами и услугами. По агрегированному *индексу интернационализации* (включает основные критерии международной активности) в 2015 г. ряд промышленных и сервисных «мультилатинас» существенно улучшили, по сравнению с 2014 г., свои показатели в рейтинге латиноамериканских ТНК, потеснив «сырьевиков».

В частности, мексиканская нефтехимическая корпорация «Mexichem» передвинулась с 9-го места на 1-е; производитель автомобильных запчастей «Nemak» (Мексика) – с 18-го на 9-е; чилийская высокотехнологичная компания SONDA – с 19-го на 12-е; финансовая группа «Grupo SURA» (Колумбия) – с 54-го на 24-е; аэрокосмический концерн «Embraer» (Бразилия) – с 66-го на 33-е и т.д. Впервые в список топ-100 «мультилатинас» вошли: производитель программного обеспечения SOFTTEK (Мексика), аргентинский авиаперевозчик «Aerolineas Argentinas», компания медицинского страхования «Banmédica» (Чили), телекоммуникационная фирма «Telemar» (Бразилия) [Ranking Multilatinas...].

Таким образом, в современных геоэкономических обстоятельствах передовой в технологическом отношении отряд латиноамериканского бизнеса усматривает наиболее перспективные опоры роста в отраслях «новой экономики», что является стратегическим вектором адаптации региона к меняющимся внутренним и внешним условиям и образует одну из главных черт будущей модели развития.

* * *

Внешний и внутренний хозяйственный контекст 2000-х годов в целом был вполне подходящим для назревших структурных преобразований в латиноамериканской экономике. Но при этом благоприятный бизнес-цикл создавал условия для нерационального (нередко бесконтрольного) расходования государственных средств, что нарушило финансовую стабильность и, в конечном счете, сузило возможности для поддержки высокого потребительского спроса и проведения необходимых реформ. Можно сказать, что в этот период в ряде государств региона политический верх взяла (назовем ее так) «партия распределительной экономики», заинтересованная в инерционном развитии, которая отодвинула задачи модернизации и сфокусировалась на максимальном использовании ресурсов сырьевых секторов. В условиях последовавшего конъюнктурного падения цен на сырье на мировых рынках эти страны попали в историческую

ловушку. Уже в 2014 г. ситуация стала меняться в худшую сторону и был дан старт новому (более сложному) этапу экономического развития, по ряду важных характеристик отличающемуся от периода «золотого десятилетия». Ситуация в регионе резко осложнилась. **Латинская Америка попала в стратегический цугцванг:** шаг вперед в любом направлении сопряжен с крупными издержками, потерями и жертвами, черед малоприятными сюрпризами.

Но констатация этих трудностей – не повод для пессимизма, а стимул для продуманных и активных действий, нацеленных на очищение элит, инноватизацию производственных структур, апгрейд региональных институтов и механизмов.

Литература:

- Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12.
- Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса. М. 2012. С. 242.
- Левый поворот в Латинской Америке. М. 2007.
- Яковлев П.П.* «Мультилатинас»: трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса // Латинская Америка. 2013. № 6. С. 51–66.
- Яковлев П.П.* Геополитический разворот стран Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 55–66.
- Яковлев П.П.* Иберо-американское сообщество наций в формирующемся миропорядке // Латинская Америка. 2016. № 8.
- Alcaide L.* Fiscalidad en América Latina // Economía Exterior. Madrid. 2014. № 70. P. 7.
- América Latina y el Caribe es la región más desigual del mundo. ¿Cómo solucionarlo? 25 de enero de 2016. – El modo de acceso: cepal.org/es/print/35842 (fecha de trato: 11.02.2016).
- CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe. 2014.
- CEPAL. Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe. 2014. Santiago de Chile. 2015.
- Cumbre UE – CELAC. 10–11.06.2015. – El modo de acceso: consilium.europa.eu/es/meetings/ (date of access: 15.07.2016).
- España, plataforma para las inversiones y sedes de empresas multilaterales en Europa, África y Oriente Medio. ICEX. Madrid. Febrero 2015.
- Ex ministros de Hugo Chávez denuncian malversación de US\$300.000M en la última década. 03.02.2016. – El modo de acceso: americaeconomia.com/ (fecha de trato: 05.06.2016).
- FAO. Statistical Pocketbook. World food and agriculture 2015. Rome. 2015.
- Grynspan Mayufis R.* Después de Veracruz // El País. Madrid. 12.12.2014.
- La población Latina en Estados Unidos: un “gigante ¿dormido?”. 8 abril. 2015. – El modo de acceso: nfolatam.com/ (fecha de trato: 7.07.2016).
- México espera que acuerdo TPP pueda concretarse en el primer semestre de 2015. 2/08/2015. – El modo de acceso: americaeconomia.com/ (fecha de trato: 07.07.2016).
- National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds. December 2012. – Mode of access: dni.gov/nic/globaltrends (date of access: 07.07.2016).
- Países de la región deberían invertir 6,2% del PIB anual para satisfacer demandas de infraestructura. 13 de octubre de 2014. – El modo de acceso: cepal.org/es/print/18587 (fecha de trato: 4.02.2016).

Ranking 250 mayores bancos de América Latina. – El modo de acceso: rankings.americaeconomia.com/mejores-bancos/2014/ (fecha de trato: 19.06.2016).

Ranking de las 500 mayores empresas de América Latina. – El modo de acceso: rankings.americaeconomia.com/2013/ (fecha de trato: 07.07.2016).

Ranking Multilatinas 2015. – Available at: rankings.americaeconomia.com/multilatinas-2015 (date of access: 07.02.2016).

UNCTAD Handbook of Statistics 2015. U.N., New York and Geneva. 2015. P. 286–288.

Venezuela compra petróleo a EE.UU. por primera vez en su historia. 03.02.2016. – El modo de acceso: americaeconomia.com/ (fecha de trato: 05.02.2016).

Authors

Vladimir VASILEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Arzu SADYKHOVA — Professor, the Head of the Section of Arabic and Islamic Studies, Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland; dr hab; sadykhova.arzu@yandex.ru

Narmin SADYKHOVA — Student of the Section of Arabic and Islamic Studies, Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland; narmin201@mail.ru.

Yakov SHEMYAKIN — Chief Researcher, Institute of Latin America (ILA), RAS; Doctor of History; shemyakinx3@gmail.com

Alexander SIDOROV — Independent Political and Military Analyst; alexandres.sidorov@gmail.com.

Natalya TRAVKINA — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute for US and Canadian Studies, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS; Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Yakov SHEMYAKIN

BRICS IN STRATEGIC PERSPECTIVE

Abstract. *Practically all publications on BRICS correctly point out that members of the grouping are quite distinct from each other. However BRICS does exist and it represents a significant reality of our world. The article identifies the key factors conducive to bringing together such a diverse group of countries. Special attention is given to a certain kind of rationality common to all BRICS participants – value rationality. The author reviews specific attributes of this type of rationality using the example of the Orthodox “spiritual cosmos” and outlines the approach to comparing it with other traditions represented in BRICS.*

Keywords: *BRICS, nation-state, civilizational tradition, formal rationality, value rationality, Russian civilization, dialogue of civilizations, universalism, pluralism.*

Petr YAKOVLEV

TRANSATLANTIC PARTNERSHIP: THE CONTEXT, SIGNIFICANCE AND PROBLEMATIC ASPECTS

Abstract. *The project to create a Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) plays a major part in the Western geo-economic and geo-political planning. The article comprehensively analyses the main aspects of the proposed economic megablock, which is supposed to tightly link EU countries with the US. It outlines the problems and contradictions, existing among the partners, which have significantly hindered the negotiations. The author also anticipates that creation of TTIP would inevitably complicate commercial and economic relations of EU member countries with non-TTIP states.*

Keywords: *Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP, USA, European Union, regionalism, foreign trade of the United States, EU external trade, transatlantic contradictions.*

Natalya TRAVKINA

2016 US PRESIDENTIAL ELECTIONS: RESULTS AND PROSPECTS

Abstract. *The article summarizes results of the US presidential elections and analyzes various conditions that insured D. Trump’s victory. It underlines the downsides of Democrats’ campaign strategy, and of the nomination of H. Clinton as the party candidate in particular. Yet in no way does the success of D. Trump mean that he won a clear mandate from the American people to carry out the proposed reforms and initiatives in the area of domestic and foreign policy. Trump’s unrealistic and unfeasible economic pledges will force him to seek arrangements with global poles of power, Russia included.*

Keywords: *Donald Trump, 2016 United States presidential election, electoral strategy, Republican Party, Democratic Party, reforms in the United States.*

Vladimir VASILEV**EVOLUTION OF THE CONCEPT OF AMERICAN EXCEPTIONALISM AND THE US ROLE IN THE WORLD ORDER**

Abstract. *The article analyzes the conceptual foundations of the US foreign policy associated with the idea of “American Exceptionalism”. The concept has evolved substantially during the last 20 – 25 years. In the 1990’s the United States considered itself to be “an indispensable nation” and were involved in creating «Pax Americana» based on the idea that other countries would gradually become Americanized and transform their socio-economic and political institutions in line with the American model. However, in the 21st century the United States began to rely on the concept of “American Exceptionalism” to establish the world order which would urge other countries to recognize America as “an exceptional nation” whose social structures cannot be reproduced in principle. This approach revives in a new form the theory of “supreme and inferior races”, which led to two world wars in the past century.*

Keywords: *American exceptionalism, ideological foundations of US foreign policy, USA dominance, Pax Americana.*

Arzu SADYKHOVA, Narmin SADYKHOVA**ISLAMIC REFORMERS IN WESTERN EUROPE: FROM THE GLORIOUS PAST TO AN UNCERTAIN FUTURE. STATEMENT OF THE PROBLEM.**

Abstract. *The article dwells on the history of Islamic Reformation in Western Europe, comparing it with the phenomenon of modern Euro-Islam. It identifies the link between early ideas of the first Islamic modernists like Jamal al-Din al-Afghani and Muhammad Abduh and reformist views of the modern Swiss scholar Tariq Said Ramadan. The author has made the first ever scholarly analysis of the 1884 publications by al-Afghani and Abduh in “al-’Urwa al-Wuthqa” – a Paris newspaper. The detailed study of these publications and their comparison to the works by T. Ramadan reveal a steady continuity between the late 19th century reformist concepts and the T. Ramadan’s doctrine.*

Keywords: *European Islam, Euro-Islam, Islamic modernism, Islamic reformation, Jamal ad-Din al-Afghani, Muhammad Abduh, “al-Urwa al-Wuthqa”, Tariq Ramadan, ijihad, fiqh, madhhab.*

Alexander SIDOROV**MILITARY AND POLITICAL ACTIVITY OF FRANCE IN THE SAHARA–SAHEL REGION**

Abstract. *The article deals with France’s involvement in conflicts on the African continent, especially in the Sahara–Sahel region. The tactics and the capabilities of French military intervention are analyzed. The results of recent French operations in Mali and Central African*

Republic (2013–2014) are summed up. The destabilizing influence of the Libyan factor in general as well as for the security in the Sahara and Sahel region is confirmed.

Keywords: *France, military and political activity, intervention, the Sahara–Sahel region, European Union, anti-terrorism.*

Vladimir KONDRATEV

RESHORING OR NEW INDUSTRIALIZATION

Abstract. *The 2008 – 2009 economic crisis accelerated the process of re-industrialization in Western countries, i.e. rebuilding their lost industrial base on the platform of new technologies. Many countries began to seek additional sources of economic growth and ways of creating new jobs. The growing interest to the policy of re-industrialization coincided with increased competition from developing countries. Reshoring has become a shining example of this trend.*

Keywords: *reindustrialization, reshoring, industry, economic growth.*

Petr YAKOVLEV

THE ECONOMY OF LATIN AMERICA IN THE EYE OF A PERFECT STORM

Abstract. *After a decade of rapid economic and social growth countries of Latin America entered a period highlighted by a visibly reduced development rate and ran into an era of severe hardships. The region's role in the global economy has changed: while in 2003 – 2013 Latin American countries were a driver of global economic growth, now many of them have become a deterrent. The way out of this situation may be seen in carrying out structural reforms, cleansing society of corruption, effectively mobilizing a vast, but still untapped economic potential and more vigorous involvement of Latin American economy in the global value chain.*

Keywords: *Latin America, Latin American economy, multilatinas, models of growth.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2016

№4 (8)

(октябрь–декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2015

№4 (8)

(October–December)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11

тел./факс: +7 (495) 789 80 87